

Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
УСТНОЙ ИСТОРИИ И НОВЫЕ ПУТИ
РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

Материалы
Международной научной конференции
(Чебоксары, 23 апреля 2021 г.)

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2021

УДК 373.5(082)
ББК 74.266.3я43
М43

Рецензенты: Агеева Наталья Николаевна, канд. ист. наук, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Идрисов Рустем Анатольевич, канд. ист. наук, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Краснова Марина Николаевна, канд. филос. наук, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Редакционная коллегия: Широков Олег Николаевич, главный редактор, д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», член Общественной палаты Чувашской Республики

Иванова Татьяна Николаевна, д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Дизайн обложки: Фирсова Надежда Васильевна, дизайнер

М43 Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания : материалы Междунар. науч. конф. (Чебоксары, 23 апреля 2021 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – 240 с.

ISBN 978-5-907411-29-6

В сборнике представлены статьи участников Международной научной конференции, посвященные междисциплинарному потенциалу устной истории, и приведены новые пути развития исторического знания. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в области просвещения, истории и культуры России.

Статьи представлены в авторской редакции.

ISBN 978-5-907411-29-6
DOI 10.31483/a-10264

© ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», 2021
© Издательский дом «Среда», 2021

Предисловие

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова» представляет сборник материалов Международной научной конференции **«Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания»**.

В сборнике представлены статьи участников Международной научной конференции, посвященные междисциплинарному потенциалу устной истории и приведены новые пути развития исторического знания. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в области просвещения, истории и культуры России.

По содержанию публикаций разделены на основные направления:

1. Устная история: методологические поиски и новые методы исследований.
2. Переломные события XIX–XXI вв. в свидетельствах современников.
3. Университетология и проблемы самоидентификации членов университетского сообщества.
4. Проблемы публичной истории и исторической памяти: образовательные практики и проблемы интерпретации исторической действительности.
5. Историческая биографистика, биографика и биоисториография: проблемы дисциплинарного синтеза и исследовательских практик.
6. История Сурского и Казанского оборонительных рубежей: возвращение имен забытых героев тыла.
7. Современные образовательные практики в высшей школе и методика устной истории.
8. Проблемы современной исторической науки и новые методологии.

Авторский коллектив сборника представлен городами России (Москва, Санкт-Петербург, Елабуга, Йошкар-Ола, Казань, Киров, Краснодар, Омск, Орехово-Зуево, Саранск, Саратов, Чебоксары), Республики Беларусь (Гродно), Республики Казахстан (Актобе, Нур-Султан) и Украины (Одесса), а также китайскими учеными.

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), университеты и институты России (Вятский государственный агротехнологический университет, Государственный гуманитарно-технологический университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский государственный институт культуры, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева (ИЭУП), Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Марийский государственный университет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, Московский политехнический университет, Национальный исследовательский Мордовский государственный педагогический университет им. Н.П. Огарева, Омский государственный педагогический университет, Российский государственный гуманитарный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова), Республики Беларусь (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы), Республики

Казахстан (Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, Казахский университет технологии и бизнеса) и Украины (Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, преподаватели и студенты вузов.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, публикацию в сборнике материалов Международной научной конференции **«Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания»**, содержащие которого не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

О.Н. Широков,
главный редактор, д-р ист. наук, профессор,
декан историко-географического факультета
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»,
член Общественной палаты Чувашской Республики

Т.Н. Иванова,
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

ОГЛАВЛЕНИЕ

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И НОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вязова О.Г. Потенциал устной истории в изучении кооперации Чувашии 9

Дмитриева О.О. 200-летний юбилей со дня смерти Наполеона: историческая годовщина и коммеморативная практика 12

Иванова Е.В., Михайлова С.Ю. Методика исследовательской работы в сфере устной истории 16

Корнякова К.Н., Иванова Т.Н. Опыт практического применения методов устной истории (на примере интервью с ветеранами боевых действий) 20

Крапоткина И.Е. Использование устных источников в современных исторических исследованиях 24

Петров Н.А., Дмитриева И.В. Опыт междисциплинарных исследований в устной истории в творчестве О.В. Егоровой 27

Пяткова Н.Д., Иванова Т.Н. История прокуратуры Чувашской Республики по источникам личного происхождения 31

Чжсоу Ч., Цзинь С. Открытие и распространение современной устной истории на традиционную историографию 38

ПЕРЕЛОМНЫЕ СОБЫТИЯ XIX-XXI ВВ. В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Идрисов Р.А. Особенности развития прокуратуры Чувашской Республики в 1991–1999 гг. 43

Кабуркин А.А., Каллин И.В. Красный террор: идеологическое обоснование, историография и особенности проявления в разрезе территории Сибири 46

Лаврентьев М.В. Воспоминания Луизы Мишель «Коммуна» и французская каторга на Новой Кaledонии в XIX в. 51

Русинова Н.Г., Магусыкун В.В. К вопросу проектирования и строительства Чебоксарской ГЭС (1968–1974 гг.) 55

Тайгильдин А.В. Нэшвилльский конвент 1850 года в воспоминаниях Джеймса Генри Хаммонда 59

Цыганова И.В. Англо-японский союзный договор 1902 г. в оценках русской периодической печати 64

Ярыгин А.А., Иванова А.Г. Карибский кризис 1962 года в воспоминаниях уроженцев Республики Марий Эл 70

**УНИВЕРСИТЕТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЛЕНОВ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА**

<i>Григорьев А.В., Карпов А.В., Величко С.В.</i> Исследование мотивации абитуриентов как средство профориентационной работы и повышения качества образовательных услуг	74
<i>Лю Ц., Краснова М.Н.</i> Самоидентификация и цельность преподавательского сознания	79
<i>Петров Д.А., Петрова О.Б.</i> Учебная полевая практика по экологии в условиях пандемии коронавируса	82
<i>Фомина А.А.</i> Особенности обучения студентов-бакалавров профиля «История международных отношений» на кафедре истории и культуры зарубежных стран ЧГУ им. И.Н. Ульянова.....	87
ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	
<i>Баев А.А.</i> Развитие системы школьного образования в третьей четверти XIX века в Вологодском крае (по материалам Памятных книжек на 1862 и 1863, 1873 гг.)	90
<i>Ешпанов В.С., Лузанов В.А., Жаламанова Д.А.</i> Провинциальная реальность комсомольцев на железнодорожном транспорте СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Актюбинской области)	94
<i>Кузнецова Ю.В.</i> Место снов и сновидений в культуре Китая.....	97
<i>Ласточкин В.Б.</i> Память о подвиге нашего народа в Великой Отечественной войне – важнейший ресурс патриотического воспитания молодежи.....	101
<i>Мягков Г.П., Недашковская Н.И.</i> «Субъективное» и «объективное» в дискурсе историографии славяноведения XIX в.	104
<i>Павлова А.Н.</i> Развитие идеи преобразования архивов в России во второй половине XIX – начале XX века.....	109
<i>Упоров И.В.</i> Исторические факты и проблема их интерпретации в общественно-историческом сознании россиян.....	112
<i>Юстус Т.В.</i> К вопросу о творческом применении исторического опыта трудового воспитания и профессиональной ориентации школьников в современных условиях.....	116
<i>Яковлева Т.В.</i> Инновационные черты в историческом развитии предприятий электротехнического кластера Чувашии.....	120

**ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИСТИКА, БИОГРАФИКА
И БИОИСТОРИОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО
СИНТЕЗА И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК**

Агеева Н.Н. Исследования Григория Алексеевича Фортунатова по истории рода Фортунатовых 123

Агеева Н.Н., Иванова Т.Н., Широков О.Н. К истории прокуратуры Чувашской Республики: юрист-журналист Василий Ефремович Долгов 127

Гецевич А.К., Кергет И.Л. Источники по истории недворянских сословий XIX – начала XX в. в архивах Республики Беларусь..... 133

Кириллова А.М. К вопросу о значении агропромышленного комплекса для сельского самоуправления Чувашии 140

Михайлова А.В., Агеева Н.Н. Вклад Александра Гавrilовича Ротчева в изучение Северной и Южной Америки..... 143

Руденко К.А., Мягков Г.П. Биоисториография в археологии: проблема обретения источниковой базы (эпистолярные свидетельства истории казанской археологии в 1940–1949 гг.) 148

Шлемпа О.А. А.А. Половинкин о значении экскурсий в преподавании физической географии 154

Шлемпа О.А. Вопросы краеведения в работах А.А. Половинкина 157

**ИСТОРИЯ СУРСКОГО И КАЗАНСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ
РУБЕЖЕЙ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕН ЗАБЫТЫХ ГЕРОЕВ ТЫЛА**

Иванова Т.Н. «Мы внесли свой вклад в дело победы»: воспоминания строителей оборонительных рубежей в Чувашии как источник устной истории 166

Краснова М.П., Ткаченко В.Г., Никитина Е.А. Отражение беллигардивых ландшафтов (на примере Казанского обвода Сурского-Казанского оборонительного рубежа)..... 173

Лаптева Е.Л., Муравьева И.В., Плотникова Е.В. Деятельность Партийного архива Чувашского обкома ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны 185

Федулов М.И. И.А. Федулов – главный инженер Шумерлинского участка ВПС-2 Сурского оборонительного рубежа 188

**СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ И МЕТОДИКА УСТНОЙ ИСТОРИИ**

Вишневская М.П., Сытина Т.Ф. Обеспечение возможности самореализации и поддержки одаренных детей в ходе сотрудничества школы и вуза 195

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
И НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИИ**

<i>Бекназаров Р.А.</i> Наурыз в культуре казахов: некоторые этнографические особенности изучения праздника	199
<i>Бутяйкин И.А.</i> Исторически-правовой аспект развития избирательной системы в дореволюционный период.....	202
<i>Димитриев А.В., Косулин Н.Н.</i> О ресурсном потенциале зайдцев-беляков в Чувашии	207
<i>Дроздов В.В., Золотарева В.П.</i> Теория модернизации как возможная методологическая основа курса экономической истории	213
<i>Егоров Д.А., Юманова У.В.</i> Анализ подходов к оценке депрессивности регионов	219
<i>Идрисов Р.А.</i> К проблеме определения основных этапов развития органов прокуратуры Чувашской Республики на современном этапе..	222
<i>Попова Т.Н.</i> О понятии «микроскопический анализ» в творчестве П.М. Бицилли.....	225
<i>Рысева А.А., Сидорчук И.В.</i> Визуальные источники в изучении российско-китайских отношений: от карикатур 1930-х гг. до интернет-мемов	229

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И НОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вязова Ольга Георгиевна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары. Чувашская Республика

ПОТЕНЦИАЛ УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИЗУЧЕНИИ КООПЕРАЦИИ ЧУВАШИИ

***Аннотация:** в статье рассмотрены возможности такого вида источников, как воспоминания, для изучения истории одного из видов кооперативных объединений, а именно потребительской кооперации Чувашии 1930–1970-х гг. Делается вывод о том, что материалы устной истории могут стать ценным дополнением к официальной документации организаций потребительской кооперации и статистическим данным.*

***Ключевые слова:** респондент, воспоминания, потребительская кооперация, школа-магазин, сельский дом торговли, пайщики, паевые взносы, райпо, сельпо, райпотребсоюз, почетный пайщик, Чувашипотребсоюз.*

Кооперация как явление социально-экономической жизни продолжает присутствовать в современном мире. В некоторых странах она достаточно успешно развивается, решая самые различные задачи: от производства сельскохозяйственной продукции до оказания медицинских и образовательных услуг. История кооперации в нашей стране складывалась очень неоднозначно: периоды почти полной ликвидации сменялись временем, когда создавались самые благоприятные условия для ее активной деятельности. По-разному складывалась судьба и различных видов кооперативных объединений. Если кредитная кооперация была ликвидирована в 1930-х гг., кустарно-промышленная – почти перестала существовать к концу 1950-х гг., то потребительская кооперация, зародившись еще до Октябрьской революции, продолжала работать на протяжении всей советской истории.

Кооператив – это в первую очередь экономическая структура, при изучении которой исследователи обращают первоочередное внимание на социально-экономические показатели ее деятельности, поэтому в качестве источников выступают статистические и архивные материалы, в которых отражаются именно данные аспекты. При этом возможности устной истории использовались значительно меньше. Безусловно, данная ситуация обусловлена и непростой историей кооперации в нашей стране, тем не менее информация, полученная методами устной истории, может стать ценным дополнением к имеющемуся обширному блоку архивных и статистических источников. К примеру, обращение к воспоминаниям непосредственных участников описываемых событий позволило П.Г. Назарову

показать весь драматизм принятия решения о ликвидации промкооперации в нашей стране [1, с. 12–13].

Следует отметить, что кооперация Чувашии не обделена вниманием исследователей, особенно в большом количестве представлена историография потребительской кооперации. В ней имеются статьи в научных сборниках и журналах, материалы научных конференций, монографии [2], а также сборники документов [3]. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает именно последнее издание, так как в нем собран огромный фактический материал, начиная с 1920 г. по 1990-е гг. В отдельном разделе размещены воспоминания работников потребительской кооперации. В статье мы проведем анализ представленных материалов.

В сборник вошли 24 текста – воспоминания. Они все были записаны осенью 1999 г. – весной 2000 г. В качестве респондентов выступили продавцы и директора магазинов, руководители различных структурных подразделений потребительской кооперации Чувашии. К сожалению, в сборник не вошли рассказы рядовых членов потребительской кооперации – сельских и городских жителей республики. На наш взгляд, они также имели бы определенную ценность, показав, какую реальную помощь потребительская кооперация оказывала своим пайщикам. Материалы в сборнике располагаются по хронологическому принципу: начиная с описания деятельности кооперации в 1940–1950-е гг. и заканчивая 1990-ми годами.

Наиболее интересными, ценными и информативными являются сообщения, относящиеся к 1930–1970-м годам. В 1940–1950-х гг. в Чувашии очень остро стояла проблема подготовки кадров массовых профессий для потребкооперации, особенно продавцов. Так, кооперативный техникум «ежегодно выпускал по 120–130 продавцов, в то время как торговая система в 1962 г. нуждалась в 700 продавцах» [3, с. 268]. Для решения этой проблемы, сообщает Семен Васильевич Васильев, работавший заместителем председателя Чувашпотребсоюза в 1962–1985 гг., в 1962–1964 гг. во всех районах Чувашии были организованы школы по подготовке продавцов, обеспечили их учебными программами, преподавателями из местных специалистов. Уже в 1965 г. в школах 18 районов было подготовлено 282 продавца. Оригинальные способы подготовки использовались и для обучения специалистов других профессий. Так, при Вурнарском ресторане «Огонек» организовали школу кондитеров, при ресторане «Дубрава» в Кугесях – школу поваров и др. [3, с. 268]. Дополняет рассказ о районных школах продавцов Георгий Анатольевич Бардасов. В 1968 г. при Моргаушском райпотребсоюзе была организована школа-магазин (школа по подготовке продавцов сроком 6 месяцев). Директором школы назначили Налимова Николая Петровича. Организовать такую школу в то время было очень трудно: не было помещений, учебных пособий, не хватало кадров. В Моргаушской средней школе арендовали классы, учебными пособиями снабдил Чебоксарский кооперативный техникум. После реорганизации Моргаушского райпотребсоюза школа-магазин была передана в Моргаушское райпо. Она просуществовала до 1979 г. Всего было 12 выпусксов, подготовлено 248 продавцов для двух райпо – Сундырского и Моргаушского [3, с. 281]. Следует отметить, что сведений о работе по подготовке кадров районных потребсоюзов Чувашии в архивных

источниках мы найдем совсем немного, поэтому любая информация данного рода становится особенно важной.

Многие райпотребсоюзы, а в последующем и райпо системы Чувашпотребсоюза успешно справлялись со всеми плановыми заданиями, ежегодно улучшая снабжение товарами сельское население. Воспоминания, представленные в сборнике, ярко показывают, какой упорный труд работников потребкооперации стоял за этими цифрами. Александра Федоровна Маркова вспоминала: «В 1936 году я окончила семилетку и стала работать в колхозе бригадиром. В 1939 году меня стали звать на работу продавцом в лавку... Я боялась: мне было всего 16 лет. На счетах, правда, я считать умела, но боялась сделать растрату, тогда ведь сразу же сажали в тюрьму. Но все-таки уговарили меня, я начала работать. За товаром ездила сама на лошади в любую погоду, особенно тяжело было осенью и весной, в грязь и распутицу... [3, с. 273]. В 50-е годы резко увеличили планы. Чтобы выполнить план, приходилось выезжать на все базары, ярмарки и пешком ходила с котомкой за плечами... В то время давали планы по заготовке картофеля, яиц. Товары продавала на яйца. Ходила по дворам, сама была и грузчик, и возчик, и продавец, и охранник – все в одном лице [3, с. 274].

В 1946 г. 16-летней девчонкой начала я работать лоточницей в Тюрлеминском сельпо, – сообщает Назия Шайхулловна Тухватуллина. В 1955 г. меня назначили заведующей Янгильдинским продмагом. Время было трудное. За товаром ездила сама или на лошади, или на тракторе. Особенно тяжело приходилось весной и осенью, когда дорог не было, стояла непроходимая грязь. Здание магазина было старое, ветхое, неотапливаемое. Насквозь продувало ветрами, зимой мерзли руки, когда взвешивала товар. Но все-таки работала, старалась больше привозить товаров, принимала у людей заказы. Жалоб от покупателей не было [3, с. 279].

В соответствии с обращением СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Центросоюза от 10 мая 1931 г. почти полностью была прекращена культурно-просветительская работа потребкооперации с пайщиками. Но, как показывают воспоминания работников потребкооперации, некоторые районные потребительские общества продолжали заниматься этой работой. Так, в Моргаушском райпо в 1970–1980-е годы действовал культурный центр, был коллектив художественной самодеятельности [3, с. 281].

Потребительская кооперация даже в условиях жесткой плановой экономики могла использовать некоторые возможности своей организации как общественной и демократической структуры. В начале 1960-х гг. с интересным почином выступили пайщики с. Ковали Урмарского района. Они решили своими силами построить комплексное здание для торговых и производственных предприятий – Дом торговли. Для этого каждый пайщик должен был стать полноправным (погасить все задолженности) и отработать на строительстве 5 дней без оплаты. Решение было выполнено. В течение года собрано паевых взносов более 80 тыс. рублей, за чтоправление Чувашпотребсоюза даже премировало Ковалинское сельпо автомобилем «Москвич». В строительстве участвовали работники сельпо (тогда их было около 50 человек), школьники-старшеклассники и пайщики... Ковалинцы строили старательно, с большим желанием, так и достроили: без финансирования, без ссуды, только за счет собственных оборотных

средств, паевых взносов и прибыли от откорма свиней. Получилось прекрасное по тем временам двухэтажное здание [3, с. 282, 283].

Воспоминания работников потребкооперации позволяют еще раз окунуться в жизнь людей 1960-х гг. Узнаем, что почетным пайщиком чувашской потребкооперации являлся Андриан Григорьевич Николаев – космонавт номер 3 СССР. Он в 1966 г. в составе чувашской делегации участвовал на VI съезде потребкооперации СССР и даже был избран в президиум Съезда. Дружба между космонавтами А.Г. Николаевым и П.Р. Поповичем привела к дружбе и соревнованию между кооператорами Чувашии и Киевской области Украины, родиной Поповича [3, с. 272].

Таким образом, используя возможности устной истории, исследователь потребительской кооперации Чувашии может дополнить свое описание интересными, живыми фактами, показывающими разноплановость такого явления, как кооперация.

Список литературы

1. Назаров П.Г. История ликвидации российской промыслововой кооперации. 1952–1960 / П.Г. Назаров. – Ч. IX. – Челябинск, 1994. – 62 с.
2. Васильев С.В. Потребительская кооперация Чувашской АССР в 1979–1983 годах. – Чебоксары: Чуваш.кн.изд-во, 1984. – 64 с.
3. Лебедев П.Л. Развитие потребительской кооперации и ее роль в социалистическом преобразовании Чувашии / П.Л. Лебедев // Вопросы социалистической экономики Чувашской АССР. Учен. зап. / ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. – Вып. XVII. – С. 39–70.
4. Мастеров В.М. Производственная деятельность потребительской кооперации Чувашской АССР / В.М. Мастеров. – Чебоксары, 1966. – 52 с.
5. Потребительская кооперация Чувашии (1920–2000): док. и материалы, воспоминания и ст., фот. / Гос. ком. Чуваш. Респ. по делам архивов. Центр. гос. архив Чуваш. Респ., Чуваш. Респ. союз потребит. о-в; сост.: А.П. Петров (рук.) [и др.]. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. – 429 с.

Дмитриева Ольга Олеговна

канд. ист. наук, ассистент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ СО ДНЯ СМЕРТИ НАПОЛЕОНА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ГОДОВЩИНА И КОММЕМОРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация: в статье анализируется роль коммеморативных практик в процессе празднования юбилеев важных исторических годовщин и известных исторических деятелей. Формирование исторической памяти общества рассматривается на примере 200-летнего юбилея со дня смерти Наполеона.

Ключевые слова: коммеморативная практика, исторический юбилей, Наполеон Бонапарт.

Влияние исторической личности на историю велико и неоднозначно, поскольку она, «став во главе государства, армии, народного движения,

может оказывать на ход исторических событий как положительное, так и отрицательное влияние» [9]. Знаковые исторические деятели накладывают неизгладимый отпечаток не только на ход истории, но и на мировоззрение многих поколений. Значимость такого рода личностей для истории определяется не только тем влиянием, которое они непосредственно оказали на ход мировых событий, но также и воздействием, которое оказало их образ на воображение и умы современников и потомков. В этом плане интересна личность Наполеона Бонапарта. Ореол его успехов оказал огромное влияние на духовное самосознание людей. Он принадлежит к числу тех исторических персонажей, к которым применяют определение «человек-легенда».

Юбилей в узком смысле – это празднование годовщины какого-либо события, «круглая дата», с момента которой прошло не менее пяти лет. Исторический юбилей представляет собой эффективное средство формирования исторической памяти общества определённой модели, поскольку в период празднования юбилейных мероприятий целенаправленно актуализируются значимые, с точки зрения их устроителей, страницы истории и исторические личности. М.А. Коркина указывает, что «через годовщины значимых событий власть рассчитывала охватить наибольшую аудиторию, внести в сознание масс свои идеи о прошлом, настоящем и будущем страны» [5, с. 97]. Г.А. Бордюгов сравнивает традицию празднования юбилеев с культом, отмечая, что «преклонение перед юбилеями сопровождается введением людей в заблуждение по поводу тех исторических событий, которые не укладываются в праздничный сценарий» [1, с. 9]. К.Н. Цымбаев пишет о феномене «юбилеемании» и считает, что юбилеям придавалось важное место в создании иллюзии благополучия государства: «С помощью юбилейных торжеств власть стремилась внедрить свои представления о прошлом. Юбилеи позволяют выстраивать некую линию исторического развития, протягивая нить не только от прошлого к настоящему, но и к будущему» [10, с. 98]. В этом отношении празднование 200-летнего юбилея Наполеона также имело конкретные цели. Власти Франции с удовольствием развивают наполеоновский туризм, который благоприятствует созданию наполеоновских маршрутов в Европе. В то же время тема Наполеона за последние годы сильно актуализировалась, поскольку появилось огромное количество споров о роли Наполеона в исторической памяти мировой общественности, а также о том, стоит ли император того, чтобы о нем вспоминали в столь хорошем ключе, чтобы устраивать мероприятия, приуроченные к его смерти или рождению.

В свою очередь каждый исторический юбилей инициирует создание комплекса коммеморативных практик, являющихся важным механизмом формирования исторической памяти. «Коммеморация – это процесс целенаправленной актуализации исторических событий и личностей (празднование юбилеев, организация памятных церемоний, открытие памятников и музеев, создание мест памяти) [3, с. 27]. Можно выделить следующие формы коммеморации: нарративную (публикация воспоминаний участников войны, исторических исследований и художественных произведений), визуальную (трансляция исторического события в живописи), монументальную (создание «мест памяти», архитектурных сооружений)

церемониальную (выработка особых ритуалов празднования юбилеев и дней памяти наиболее значимых событий) [2; 4].

200-летняя годовщина со дня смерти Наполеона также является примером реализации коммеморативных практик. Основные юбилейные мероприятия на самом высоком уровне запланированы на май 2021 г. (5 мая 1821 г. – день смерти Наполеона). Габриэль Атталь, официальный правитель правительства Франции, подтвердил участие президента Эммануэля Макрона в поминальной церемонии Наполеона Бонапарта. Органами государственной власти Франции был разработан план и программа торжеств. Планируются конференции, концерты, телепередачи. Однако, вполне вероятно, что ряд мероприятий пройдут в онлайн формате в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Широкий комплекс коммеморативных практик планируется реализовать в рамках «мест памяти Наполеона»: в г. Аяччо (здесь родился Наполеон), на островах Святой Елены, Эльба, на Корсике. Центральные события должны пройти в Париже. В день годовщины смерти императора 5 мая планируется воссоздать церемонию возвращения праха Наполеона с острова Святой Елены во Францию. С 14 по 19 сентября 2021 года планируется открытие масштабной выставки в Париже в Grande halle de la Villette [11]. На острове Святой Елены начали подготовку уже с 2020 г. – запланированы многоплановые онлайн-мероприятия. Виртуальные впечатления будут включать трехмерные «посещения» основных наполеоновских достопримечательностей острова. Для полного проникновения в юбилей власти острова Святой Елены также ищут двойника французского императора. В честь 200-летия со дня смерти Наполеона власти Острова Святой Елены выпускают особые медали номиналом в 2 фунта и 5 фунтов [6]. На реверсе находится портрет правителя в анфас и подпись «Наполеон Бонапарт: 200-летняя годовщина». Остров Эльба также помнит о днях, что провел Наполеон здесь в изгнании, поэтому и здесь будет организована так называемая «Наполеоновская неделя», мероприятия которой будут проходить по всему острову.

В то же время нельзя не отметить и того факта, что данная годовщина породила общественную полемику в связи с неоднозначной, порой противоречивой трактовкой деятельности Наполеона и его роли в истории. Корреспондент Русской службы BBC О. Ившина отмечает, что «спустя 200 лет французы продолжают спорить о том, кто он – национальный герой или тиран, с именем которого связаны самые темные страницы истории страны. По всей Европе сегодня звучат призывы пересмотреть наследие многих исторических деятелей, которых принято считать великими, и вопрос о том, как отмечать эту дату, оказался особенно непростым» [7].

В центре внимания на этот раз оказались в первую очередь не военные кампании Наполеона, а шаги во внутренней политике. К примеру, называют преступлением факт восстановления рабства во французских колониях [8]. Ставится вопрос о целесообразности празднования юбилея в принципе. В то же время власти Корсики, к примеру, выразили готовность отметить годовщину, не ставя перед собой цель выставлять оценки, поскольку речь идет о значимой исторической личности, олицетворении эпохи. Отмечать годовщину остров планирует «с учетом всех исторических интерпретаций», – отметил глава территориальной ассамблеи Жан-

Ги Таламон. Подобные противоречия свидетельствуют о наличии так называемых «войн памяти», демонстрирующих столкновение взглядов и наличие противоречий в исторической памяти общества.

В любом случае, времена идут, но образ Наполеона продолжает жить как некая отправная точка в общественном сознании французов. Он всегда представлен в «витрине» их исторической памяти. В целом, подготовка исторического юбилея ведется на самом высоком уровне, имеет обширную географию, что говорит о том, что Наполеон оставил глубокий след в исторической памяти Франции и мировой общественности в целом.

Список литературы

1. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа // Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.
2. Дмитриева О.О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX – начало XX века): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Чебоксары, 2019. – 226 с.
3. Дмитриева О.О. Проблемы изучения юбилеев отечественной войны 1812 года в современной исторической науке // Вестник Екатерининского института. – 2017. – №2 (38). – С. 27–29.
4. Дмитриева О.О. Складывание церемониальных практик празднования памятных дат Отечественной войны 1812 года в Российской империи / О.О. Дмитриева, Т.Н. Иванова // Вестник Екатерининского института. – 2017. – №1 (37). – С. 24–26.
5. Коркина М.А. Официальное чествование юбилейных и памятных дат реформаторской деятельности Александра II в 80–90-е годы XIX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. – Новосибирск, 2011. – С. 96–103.
6. Наполеон Бонапарт на 2 и 5 фунтах: 200 лет со дня смерти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.numizmatik.ru/news/napoleon-bonapart-na-2-i-5-funtakh-200-let-so-dnya-smerti_n10622.html (дата обращения: 05.05.2021).
7. Неудобный юбилей. Как Франция до сих пор спорит о Наполеоне [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.bbc.com/russian/features-56949793> (дата обращения: 05.05.2021).
8. Помянет ли Франция Наполеона? Почему годовщина смерти императора вызвала полемику [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://tass.ru/opinions/11265899> (дата обращения: 05.05.2021).
9. Спиркин А.Г. О роли личности в истории: стратегический ум, характер и воля вождя [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.gumfak.ru> (дата обращения: 05.05.2021).
10. Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX в. // Вопросы истории. – 2005. – №11. – С. 98–108.
11. NapoléonL'exposition [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://lavillette.com/programmation/napoleon_e1073 (дата обращения: 05.05.2021).

Иванова Елена Витальевна

канд. юрид. наук, доцент, декан, доцент

Михайлова Светлана Юрьевна

д-р ист. наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В СФЕРЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация: в статье обобщается опыт разработки и реализации методики исследовательской работы в сфере устной истории. Определяется роль устной истории в социогуманитарном знании на современном этапе. Даётся оценка вклада ученых Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в развитие рассматриваемого научного направления. Рассматриваются основные этапы исследовательского проекта, нацеленного на изучение жизни и деятельности профессора А.В. Арсентьевой на основе устных источников, характеризуются основные группы воспоминаний об А.В. Арсентьевой, выявляются их особенности, форма хранения и направления использования.

Ключевые слова: Анна Васильевна Арсентьева, устная история, исследовательский проект, методика.

Действительность 2010–2020-х годов поражает очевидцев масштабом и глубиной происходящих в мире событий и процессов. «Это бурно изменившаяся социальная реальность, – констатирует Е.Б. Волосова, – требует повышенного внимания исследователей к углубленному рассмотрению частного, единичного, немассового» [1, с. 107]. Поэтому вполне правомерным воспринимается рост интереса современных историков к качественной методологии, в том числе к устной истории как междисциплинарному исследованию «на стыке истории, социологии, этнологии, социальной психологии, психоанализа, которое дает представление о новых перспективах социального познания» [1, с. 107].

Отмеченный рост находит свое выражение в заметном расширении географии центров устной истории. Одним из таких центров является Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. В его стенах историки познают устную историю Великой Отечественной войны [3; 8], воссоздают устную историю Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова [5], рассматривают устную историю промышленного предприятия [9], в контексте методологии устной истории анализируют события региональной истории 1990-х годов [2; 4; 6]. Значительный интерес представляет опыт создания документального фильма о докторе исторических наук, профессоре Ю.П. Смирнове. Одной из предпосылок сегодняшних достижений университетских историков в области устной истории является наличие определенной исследовательской традиции. Она связана с именем Анны Васильевны Арсентьевой (1954–2007 гг.) – почетного работника высшего образования России, заслуженного работника образования Чувашской Республики, заведующего кафедрой средневековой и новой истории Отечества (2000–2007 гг.), проректора по

учебной работе Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (1998–2007 гг.), кандидата исторических наук, профессора.

В 2007 году преподаватели университета приступили к сбору устных источников, связанных с жизнью и деятельностью А.В. Арсентьевой. Следует отметить значительную роль в организации проекта супруга Анны Васильевны – Виталия Николаевича Арсентьева. Большую помощь в ходе проведения работ ему оказали знания, умения и навыки, которые он получил во время учебы на историческом отделении историко-филологического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Ценным в подходе В.Н. Арсентьева представляется то, что он совмещал сбор воспоминаний об Анне Васильевне с фиксацией своих впечатлений от общения с собеседником, создавая тем самым еще один устноисторический источник. В качестве примера можно привести его воспоминания о беседах с доктором исторических наук, профессором В.Д. Дмитриевым:

«В ходе сбора воспоминаний для книги «Незабудка из Поречья» мне приходилось общаться почти с каждым из авторов. В частности, с профессором В.Д. Дмитриевым я встречался 6 раз. Мне повезло, что он согласился написать воспоминания. Видно было, что к личности Анны Васильевны он относится с большим уважением и гордостью, как к одному из талантливых своих учеников, как к замечательному Человеку и Гражданину [7, с. 68]. Именно поэтому свою статью он назвал «Человек, идеальный во всех отношениях».

Василий Дмитриевич при формировании воспоминаний с присущей ему исторической точностью старался полно отразить факты и события, касающиеся жизни и деятельности Анны Васильевны. К каждой встрече он готовился: собирал материалы, исследовал документы и просил меня уточнять отдельные факты. Ему хотелось, чтобы собранный материал позволил подготовить содержательную статью. Результатом стало настящее жизнеописание.

К собеседнику он относился уважительно, умел внимательно выслушать его. Обладал великолепной памятью и эрудицией.

Василия Дмитриевича я, как бывший студент исторического отделения, знал с 1972 года. Он являлся достойным представителем старшего поколения, прошедшего через сражения на фронтах Великой Отечественной войны. В силу своей скромности редко рассказывал о себе, как об участнике этих боевых событий. Он был Ученым и Человеком с большой буквы».

Летом 2007 года участники проекта сформулировали и поставили перед собой цель – собрать и сохранить свидетельства, воспоминания об А.В. Арсентьевой, о ее жизни, чтобы образ Анны Васильевны сохранился в нашей памяти: «Ее знали, ценили и уважали не только преподаватели и студенты университета, но и учителя и учащиеся всех образовательных учреждений Чувашской Республики и ученыe далеко за ее пределами: в Москве и Саранске, Санкт-Петербурге и Якутске, Казани и Йошкар-Оле, Самаре и Ульяновске. Тысячи ее учеников будут свято хранить ту частичку души, которую Анна Васильевна отдала им. Ее имя будет святым для тех многих и многих людей, которым она бескорыстно помогала» [7, с. 6]. Иными словами, речь шла о воссоздании истории

жизни А.В. Арсентьевой, об изучении формирования и развития ее внутреннего мира на основе устных исторических источников – воспоминаний. Как подчеркивает Е.Б. Волосова: «Воспоминания <...> – важнейшие источники для исследования исторического развития, в которых запечатлен индивидуальный опыт и его эмоциональное переживание» [1, с. 108].

Первым шагом в реализации проекта стало создание биографического очерка. В нем были последовательно раскрыты основные этапы жизненного пути А.В. Арсентьевой: 1954–1971 годы – детские и юношеские годы, прошедшие на живописной земле Порецкого района Чувашской АССР; 1972–1977 годы – время учебы на историко-филологическом факультете Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в городе Чебоксарах; 1977–1983 годы – период профессионального становления как преподавателя и ученого-историка; 1983–1998 годы – этап профессиональной реализации в сфере исторического и гуманитарного образования и науки; 1998–2007 годы – годы напряженной работы по руководству учебным процессом в университете.

С учетом выделенных этапов были определены следующие группы источников:

- воспоминания родных и знакомых (В.Н. Арсентьев, А.В. Галымина, В.В. Журина, Е.В. Иванова, М.В. Лушникова, А.П. Аверьянова, Н.Ф. Кудряшова, Н.В. Лоскутов, А.Ф. Павлов);
- воспоминания учителей и одноклассников (К.А. Зинина, Л.Т. Александрова, Л.П. Котрунова, Н.В. Сенотов);
- воспоминания преподавателей и однокурсников (И.И. Демидова, С.А. Буславская, Р.Ш. Гарайев, А.Н. Ефимова);
- воспоминания коллег (Г.П. Чернова, В.Г. Агаков, В.В. Афанасьев, О.Н. Викторов, Н.Ф. Григорьев, В.И. Капранов, В.Д. Димитриев, Е.Г. Егоров, Н.А. Больщакова, А.П. Алексеева, О.К. Евдокимова, А.Г. Иванов, Т.Н. Иванова, Е.К. Минеева, В.П. Шевелева, В.А. Щедрин);
- воспоминания учеников и воспитанников (О.В. Андреев, Н.А. Петров, О.Н. Майорова, И.И. Павлова, М.Н. Паравина, А.П. Петрянкина, А. Минеев, Е. Шабунин).

В ходе работы по мере сбора материалов было принято решение выделить еще две группы воспоминаний. Одна из них – воспоминания научной и творческой интеллигенции (А.Н. Аринин, В.П. Гребенок, В.А. Иванова, Н.П. Каракарсов, М.А. Каракарсова, В.А. Рачковский, З.М. Фаткудинов, М.Н. Яклашкин). Она была призвана отразить такую личностную черту А.В. Арсентьевой, как мощное творческое начало, проявлявшееся во всех сферах ее жизни и деятельности.

Другую группу воспоминаний можно назвать «поэтическими воспоминаниями» (В.Н. Арсентьев, А.В. Галымина, Е.В. Иванова, Т.Н. Иванова, Т. Караганова, В.А. Щедрин). Конечно, стихотворения, посвященные Анне Васильевне, лишь условно можно считать устными источниками, но именно они позволяют судить о степени эмоционального воздействия личности А.В. Арсентьевой на окружающих людей, дают возможность составить ее эмоциональный портрет: «Поэтическая душа, артистическая натура – вот качества, которыми Анна Васильевна обладала в избытке. Не случайно она была постоянным источником вдохновения как для поэтов, так и для далеких от литературного творчества людей, которые в стихах пытались выразить радость общения с ней» [7, с. 171].

Таким образом, подход к выделению групп воспоминаний об А.В. Арсентьевой соответствовал такой базовой характеристике устной истории, как ее гуманистическая направленность, «т. е. интерес к изучению конкретных людей, уважительное отношение к частностям повседневной жизни, внутреннему миру простых людей» [1, с. 107].

Завершающим этапом в осуществлении исследовательского проекта стало издание в 2008 году книги «Незабудка из Поречья: биографический очерк и воспоминания об А.В. Арсентьевой», что позволило сохранить собранные устные источники. Они используются в трудах по истории высшего образования, истории исторической науки, истории Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, а также в работах, посвященных вопросам локальной и региональной истории.

Список литературы

1. Волосова Е.Б. Возможности устной истории как методологии социального познания (на примере воспоминаний А. Максимчука) / Е.Б. Волосова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2020. – №4 (42). – С. 107–112.
2. Иванова Т.Н. Проблемы создания источников устной истории и память о 1990-х гг. (на примере воспоминаний чебоксарцев) / Т.Н. Иванова, В.А. Андреева // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Чебоксары: Среда, 2019. – С. 177–182.
3. Иванова Т.Н. Устная история: воспоминания Е.Г. Беляева как исторический источник / Т.Н. Иванова, В.А. Андреева // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. – Чебоксары: Среда, 2019. – С. 82–86.
4. Иванова Т.Н. Свидетельства воинов-интернационалистов, участников боевых действий в ДРА, как устно-исторический источник о 1990-х годах / Т.Н. Иванова, К.Н. Корнякова // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 274–278.
5. Иванова Т.Н. Методика устной истории и создание архива воспоминаний ветеранов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова / Т.Н. Иванова, В.В. Семенова // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каходского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. – С. 56–60.
6. Корнякова К.Н. Свидетельства участников боевых действий в Демократической Республике Афганистан как источник по истории событий 1990-х годов в Чувашской Республике / К.Н. Корнякова, Т.Н. Иванова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 190–195.
7. Незабудка из Поречья: биографический очерк и воспоминания об А.В. Арсентьевой. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 216 с.
8. Широкова М.А. Воспоминания строителей оборонительных рубежей на территории Чувашской Республики в годы Великой Отечественной войны как исторический источник: общая характеристика / М.А. Широкова, О.Н. Широков, О.В. Андреев // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1. №4. – С. 113–119.
9. Яковлева Т.В. Воспоминания ветеранов Чебоксарского завода электрических исполнительных механизмов как источник по устной истории формирования электротехнического кластера Чувашии / Т.В. Яковлева, Т.Н. Иванова, О.Н. Широков [и др.] // Вестник Чувашского университета. – 2020. – №4. – С. 176–185.

Корнякова Ксения Николаевна
студентка

Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ УСТНОЙ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ С ВЕТЕРАНАМИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ)

Аннотация: в статье на основе проведенных исследовательских интервью выявляются особенности методов устной истории. Авторами приводятся примеры этапов устно-исторического исследования и анализируются полученные уникальные сведения.

Ключевые слова: устная история, исследовательское интервью, воспоминания ветеранов, 1990-е годы.

Информация о событиях периода социальных потрясений в официальных документах демонстрирует интерпретацию фактов с позиции одной из сторон. При этом часть источников периода военных конфликтов, войн может быть засекречена. Поэтому так важно иметь возможность привлечь к анализу разные типы и виды источников. Восполнить пробелы и добиться более полной картины прошлого возможно при помощи методов устной истории. Они позволяют зафиксировать информацию, полученную непосредственно от участников событий.

В проведении устно-исторического исследования важна выборка респондентов. Так, при изучении истории 1990-х свидетельства участников боевых действий в Демократической Республике Афганистан важны, как свидетельства тех людей, которые сначала пережили большие потрясения при прохождении службы в Афганистане, а затем столкнулись с огромными проблемами на Родине в 1990-е гг. [1, с. 275]. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны содержат сведения не только о военных событиях, но и о социальной истории войны, истории военной повседневности.

В рамках этой работы нами было проанализировано 1 интервью с ветераном Великой Отечественной войны и 8 интервью с ветеранами конфликта в Демократической Республике Афганистан. В ходе проведения этих исследований мы определили этапы их проведения.

В подготовительном этапе проведения исследования по истории 1990-х годов с участниками войны в ДРА важным аспектом стало изучение методологической литературы. Наиболее полезными оказались работы С. Квале «Исследовательское интервью» [11] и П. Томпсона «Голос прошлого» [12]. На этом же этапе необходимо было внимательно изучить научную литературу об исследуемом периоде. Такая подготовка помогает сохранять структуру интервью, избегать фактологических ошибок и контаминации (смешения ранних воспоминаний с более поздними).

Например, респондент, отвечая на вопрос о жизни после дефолта в 1998 г. отметил: «В одно время же вплоть до носков, трусов ничего не было. Доходило дело, покупали по этим талонам, не считая там продуктов: колбаса, сахар, – на это всё талончики давали» [9]. Однако талонами перестали пользоваться с начала 1992 г.

Важная часть подготовительного этапа – составление вопросника, на который опирается исследователь при проведении устно-исторического интервью. При его составлении мы избегали наводящих вопросов. Также вопросник был поделён на смысловые блоки для восстановления хода беседы в случае затруднения респондента. Далее приведен пример из вопросника для ветеранов конфликта в ДРА:

1. В какой период Вы проходили воинскую службу в Афганистане?
2. Как Вам казалось, какие результаты принесло участие СССР в данном конфликте?
3. Если Вы до призыва в армию учились в высшем учебном заведении / работали, вернулись ли вы к учебе / к прежней занимаемой должности?
4. Какие общественные организации, действовавшие в вашем регионе в 1990-е годы, Вы знаете?
5. Принимали ли Вы участие в политических акциях и в работе общественных организаций в 1990-е годы?
6. Какие материальные блага были доступны Вам в 1990-е годы? (питание, одежда, бытовая техника; покупка автомобиля, квартиры, дачи и т. п.).

Полезно познакомить респондента с вопросником, чтобы у него было время вспомнить о событиях исследуемого периода, при необходимости убрать некоторые вопросы или их скорректировать. Однако в нашем случае половина респондентов согласились провести интервью без ознакомления с вопросником.

Далее следует этап опроса очевидцев. Мы заранее предупреждали респондента о формате записи, так как наличие видеокамеры, например, может вызывать опасения или даже отказ от беседы. Так, один респондент, ветеран боевых действий в ДРА, отказался от видеосъемки, но не был против записи на диктофон и письменных заметок [2]. Диктофон, действительно, вызывает меньше беспокойства, респонденты быстро о нём забывают. Не стоит забывать о средствах «инициирования воспоминаний». Так, устно-историческое интервью с Беляевым Евгением Григорьевичем [3], было проведено в музее Великой Отечественной войны на базе историко-географического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Также Евгений Григорьевич в ходе беседы часто обращался к карте России, на которой показывал города, области, связанные с его рассказом.

В случаях, когда личная встреча с респондентом невозможна, незаменимыми становятся программы видео для конференций, такие как Skype. Всего в таком формате было проведено 4 интервью с участниками боевых действий в Афганистане: Валиевым Фанисом Федоиловичем [4], Калининым Леонидом Владимировичем [5], Луференко Вадимом Дмитриевичем [7], Зверевым Александром Викторовичем [10]. Во время проведения интервью его участники находились у себя дома. В данном методе есть свои особенности: необходимо стабильное интернет-соединение; нужен опыт использования данной программы; сохранение приватности разговора. В этом методе есть и свои минусы. Часто информаторы вспоминают какие-

либо факты по теме тогда, когда беседа, казалось бы, закончилась. У исследователя в этом случае нет возможности записать эту информацию, так как видеочат закончен. Однако именно формат удалённой связи решает проблему места и времени проведения интервью. Также такую беседу очень легко зафиксировать.

Особое место на этапе обработки результатов занимает процесс транскрибирования, то есть перевод аудио- или видеозаписи в письменный текст. На данный момент существуют сервисы по расшифровке аудио в текстовой формат, однако с ними связан целый ряд проблем:

– аудиофайлы длиной выше полутора минут расшифровываются за плату. При проведении данного исследования было выяснено, что интервью занимает от 30 минут до 2-х часов;

– программа может переводить запись в текст только в том случае, если все слова слышны отчётливо. К сожалению, при проведении интервью не было возможности использовать качественную технику для записи звука. При этом человек при ответе на вопросы мог говорить слишком быстро или запинаться, и сервис не мог распознать речь;

– записанная беседа транскрибуируется в текст без каких-либо знаков препинания, что не избавляет интервьюера от работы с аудиофайлами.

По вышеперечисленным причинам, все полученные исторические интервью были расшифрованы самостоятельно. При расшифровке текст интервью редактировался только для того, чтобы речь соответствовала основным правилам грамматики. Таким образом, сохраняется смысл высказываний респондента, и влияние интервьюера на интерпретацию текста снижается. Однако стоит отметить, что при транскрибировании теряется неверbalная составляющая. Для восполнения этого недостатка часто реакцию респондента прописывают, например «То ли с мирным временем, то с послевоенным, или с будущим, или с XIX веком, с чем? Потому что я знаю-то очень немного ни о современном, ни о XIX веке. (смеётся)» [3]. Открытым остается вопрос предоставления расшифровки интервью для проверки респонденту. Обычно информатор может вспомнить какие-либо детали и позже дополнить свой рассказ. Однако были случаи, когда текст интервью после проверки не утверждался долгое время, что задерживало проведение исследования. К тому же иногда респонденты пытались убрать из текста отдельные, слишком «смелые», по их мнению, фрагменты.

Данные, полученные в ходе исследований, показывают, что у 6 из 8 респондентов, участников боевых действий в ДРА, отсутствует какая-либо заинтересованность в политической жизни страны. Подобная аполитичность может объясняться столкновением ветеранов-«афганцев» с неодобрительным отношением со стороны общественности, решением II Съезда Народных депутатов осудить ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан. На это также могли повлиять сложности в бюрократической системе, из-за которой обещанные льготы исполнялись с трудом. «Честно говоря, я в эти дела не лезу. Я же не политик, не карьерист, не общественный деятель, у меня прагматичный взгляд на жизнь» [6].

Интересным является тот факт, что в 1990-е годы, когда предприятия в Чувашской Республике с трудом предоставляли льготы своим работникам, ЧГУ им. И.Н. Ульянова удавалось предоставить квартиры ветеранам

войны в ДРА: «Я получил свою квартиру через университет. Тогда университет в 1990-е годы умудрился достаточно большое количество квартир получить на Водопроводной, 7... После того как освободились квартиры, переехали. Я в 1993 году получил эту квартиру, вторичку» [8].

Исследовательское (устно-историческое) интервью имеет целый ряд особенностей, и при проведении требует тщательной подготовки и работы с респондентами. При этом метод интервьюирования в сравнении с методом анкетирования является наиболее эффективным, так как позволяет в большем объеме восполнить информацию, которой нет в официальных, опубликованных источниках, а также получить уникальные сведений исследуемого периода. С развитием технологий этот метод эволюционирует, так как появляется возможность проведения и записи беседы с респондентом на любом расстоянии.

Список литературы

1. Иванова Т.Н. Свидетельства воинов-интернационалистов, участников боевых действий в ДРА, как устно-исторический источник о 1990-х годах / Т.Н. Иванова, К.Н. Корнякова // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения): сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 17–18 декабря 2019 года). – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2020. – С. 274–278.
2. Интервью с Александровым Андреем Юрьевичем. Интервьюер №1 – Иванова Т.Н. Интервьюер №2 – К.Н. Корнякова. 30 октября 2020 г. // Полевые исследования автора.
3. Интервью с Беляевым Евгением Григорьевичем. Интервьюер – К.Н. Корнякова. 25.01.2020 г. // Полевые исследования автора.
4. Интервью с Валиевым Фанисом Федоиловичем. Интервьюер – К.Н. Корнякова. 12 марта 2020 г. // Полевые исследования автора.
5. Интервью с Калининым Леонидом Владимировичем. Интервьюер – К.Н. Корнякова. 17 ноября 2019 г. // Полевые исследования автора.
6. Интервью с Корняковым Николаем Васильевичем. Интервьюер – К.Н. Корнякова. 4 ноября 2019 г. // Полевые исследования автора.
7. Интервью с Луференко Вадимом Дмитриевичем. Интервьюер – К.Н. Корнякова. 17 ноября 2019 г. // Полевые исследования автора.
8. Интервью с Петровым Николаем Аркадьевичем. Интервьюер – К.Н. Корнякова. 21 марта 2020 г. // Полевые исследования автора.
9. Интервью с Прокофьевым Николаем Петровичем. Интервьюер – К.Н. Корняков. 26.05.2020 // Полевые исследования автора.
10. Интервью со Зверевым Александром Викторович. Интервьюер – К.Н. Корнякова. 11 марта 2020 г. // Полевые исследования автора.
11. Кваде С. Исследовательское интервью / С. Кваде. – М.: Смысл, 2009. – 301 с.
12. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. – М., 2003. – 368 с.

Крапоткина Ирина Евгеньевна

канд. ист. наук, доцент

Елабужский институт (филиал)

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)

федеральный университет»

г. Елабуга, Республика Татарстан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация: в статье раскрываются актуальные для современной исторической науки теоретические и методологические подходы, связанные с использованием устных исторических источников. Автор показывает, каким образом беседа и интервью с современниками и участниками исторических событий позволяют по-новому реконструировать происходившие социокультурные явления и процессы.

Ключевые слова: устные исторические источники, переосмысление методологических концепций, междисциплинарный подход, погружение в историю.

События, происходящие в современном обществе, находят непосредственное отражение в истории. Задача историка – объективно трактовать факты, анализировать события, реконструировать явления социально-экономической, общественно-политической, культурной и духовной жизни общества. К настоящему времени происходит переосмысление теоретических и методологических концепций, пересматриваются основы исторической науки. На первый план выходят проблемы междисциплинарного характера. Расширяющееся исследовательское поле даёт возможность выработать новые подходы к воссозданию исторической реальности.

Осуществляя междисциплинарное исследование, современные историки отдают предпочтение культурологическому подходу. Его суть определяется, как включение историографического знания в контекст сложившегося типа эпохи во всех его проявлениях: умонастроение общества, психологическая среда, менталитет, стиль мышления, литература, язык [1, с. 223].

Понимание происходивших исторических процессов выступает методом познания, который выражается как «погружение» в эпоху, «вчувствование», «вживление». При этом «вчувствование» сводиться к высказываниям, которые имеют доказательную силу. Высказывания о чувствах и переживаниях обладают фактической значимостью. Понять – значит максимально полно представить и интерпретировать исторические факты, попытаться воссоздать некогда происходившие события и явления.

В качестве примера можно привести те научные темы, которые стали актуальными для исследователей в последнее время – это социокультурная деятельность, повседневная жизнь человека, восприятие человеком конфликтных ситуаций и кризисных явлений истории, ценностные ориентиры общества и т. п. Изучение данных научных проблем позволяет показать, какие новые подходы применяют учёные к анализу исторических

процессов, каким образом они могут повлиять на процессы современности. На первый план выходит понимание сущности новейших методологических подходов, выработанных разными историографическими школами.

Раскрыть всё многообразие и многогранность исторического развития помогают, прежде всего, исторические источники и свидетельства. Благодаря способности «вчувствования» со стороны исследователя, источник даёт возможность определить историческую реальность во времени и в пространстве, помогает выявить специфику реальности, показать её закономерность и уникальность. Российский историк-востоковед Е.В. Ращковский отмечал, что смысл истории связан «с готовностью встретить и осознать сопричастный происходящему через нас историческому времени опыт..., который может быть пережит и в минуты невзгод, и бездны мрачной на краю, и в минуты любви и самоотдачи, и в минуты творческого самоуглубления» [2, с. 5–6].

Особое внимание современными исследователями уделяется новому прочтению исторических источников, при этом большое значение приобретают устные свидетельства. Один из надёжных источников, позволяющий запечатлеть свидетельства очевидца или непосредственного участника исторических событий – это беседа или интервью. Использование устных источников способствует развитию такого направления современных исторических исследований, как устная история (oral history).

Общаясь с человеком, мы узнаём из первых уст о событиях, которые произошли несколько десятилетий назад. В нашем распоряжении оказались воспоминания российских немцев, чьи предки проживали в Поволжье.

То, как говорят потомки российских немцев, какие обороты используют в речи, какими оперируют терминами, – всё это следы эпохи предыдущих поколений. Потомки российских немцев, приехавшие осваивать российское пространство во второй половине XVIII в., в настоящее время стали носителями уходящей культуры. Поэтому устные свидетельства являются необходимым источником для изучения истории конкретных людей и целых народов с их опытом и характером поведения, обусловленными многовековыми традициями и культурой.

Важнейшим устным историческим источником становится то, что говорят представители народа о себе. При этом важно не просто зафиксировать информацию, сказанную информантом, важно услышать, как говорят носители языка [3, с. 25]. Интерпретируя устный источник, исследователь может дать ту трактовку, какую сумел прочувствовать, насколько глубоко смог понять эпоху и её героев. Возросшее внимание историков к фактам, которые могут дать свидетельства простых людей, чей жизненный опыт в большинстве своём не был представлен в письменных источниках, позволяет показать историю «снизу», так, как её видят и чувствуют представители разных социальных групп, профессий, религий, этнической и национальной принадлежности. Свидетельства простых людей дают возможность показать субъективный мир человека, его индивидуальные образы тех исторических фактов и событий, с которыми ему пришлось столкнуться в силу определённых обстоятельств. Английский историк П. Томпсон отмечает, что «с помощью устной истории мы узнаём людей такими, какими они сами представляют себя, мы видим вещи

(конкретные предметы, события, места) через внутреннее мировосприятие каждого человека как непосредственного участника исторического процесса» [4, с. 20].

Привлекая для исследования устные исторические источники, мы можем показать, каким образом шло формирование индивидуальной, коллективной и общенародной исторической памяти. Важнейшая социокультурная функция истории – это стремление человека сохранить память о себе для последующих поколений. Именно её позволяют реализовать устные исторические источники.

Как сумели представители российских немцев передать своим потомкам знание, накопленное поколениями? Ответ на этот вопрос кроется, прежде всего, в устной традиции семейной истории, в традициях повседневной и праздничной культуры. Интерпретация беседы и интервью участника или свидетеля исторических событий, наблюдение за его поведением предают внутренний мир человека, выявляют его ценности, стереотипы, показывают страхи и надежды, что в целом позволяет найти ответы на вопросы об особенностях мировоззрения человека. Устная история даёт возможность реконструировать историческую действительность на основе анализа и интерпретации устных исторических источников.

Таким образом, современная историческая наука вышла на качественно новый уровень теоретического и методологического переосмысливания фактологического материала. Стимулом к оформлению новых направлений исторических исследований является изучение опыта, накопленного современниками, разнообразие методов и приёмов научного познания, междисциплинарный синтез. Открываются новые темы и сюжеты, ширится интерес к преимущественно частным историческим «микромирам», «малым областям», в центре которых стоит отдельный человек или представители отдельной группы населения, и всё, что их окружает. Современные научоведческие исследования позволяют раскрыть всю глубину историко-культурных и социокультурных идей.

Список литературы

1. Современная историография новейшей истории России и истории СССР / под ред. В.И. Меньковского. – Минск, 2007. – 232 с.
2. Рашковский Е.Б. Профессия – историограф: материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия / Е.Б. Рашковский. – Новосибирск, 2001. – 250 с.
3. Богданов В. От Геродота до Интернета: очерки занимательного источниковедения / В. Богданов. – М.: Весь Мир, 2014. – 208 с.
4. Томпсон П. Голос прошлого: устная история / П. Томпсон. – М.: Весь Мир, 2003. – 367 с.

Петров Николай Аркадьевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой

Дмитриева Инга Валерьевна

заведующая музеем

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСТНОЙ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ О.В. ЕГОРОВОЙ

Аннотация: в статье проанализирован опыт использования метода устной истории О.В. Егоровой, показаны возможности использования этого метода в ликвидации пробелов этнографической науки. Метод устной истории продолжает оставаться актуальным в междисциплинарных исследованиях.

Ключевые слова: устная история, автобиография, методология, чуваши.

В последние десятилетия многие исследователи обращаются к устной истории. В «Новом сокращенном оксфордском словаре английского языка» предлагается следующее определение термину: «Это записанная на магнитофон историческая информация, полученная из личных знаний говорящего; ее использование или интерпретация является предметом научного исследования» [14, с. 11].

Несмотря на то что термин «устная история» начал применяться недавно, сам одноименный метод исследований используется давно. Исследователь Т.К. Щеглова отмечает, что со второй половины XX в. начинается возрождение устных источников и устной истории. Новый толчок в развитии метода произошел одновременно с широким распространением звукозаписывающей аппаратуры, появлением методологической западной литературы в нашей стране [15, с. 12, 15].

Историк И.Б. Орлов, согласно периодизации, предложенной американским ученым Д. Дунавэем, выделяет четыре этапа в развитии устной истории. Завершающий этап приходится на 1990-е гг. и связан с появлением нового поколения историков, дальнейшим развитием технических средств и расширением круга изучаемых проблем [12, с. 339–340].

На данный этап приходится начало трудовой и научной деятельности О.В. Егоровой – ныне доктора исторических наук, доцента. Это были сложные годы, когда все общество было охвачено системным кризисом, активно происходили трансформации основных компонентов традиционной культуры. В этих условиях О.В. Егорова активно начинает собирать материалы по этнографии детства чувашского крестьянства и по итогам успешно защищает свою работу в 2000 г. на диссертационном совете при Московском государственном университете [4]. На протяжении многих лет она разрабатывала и продолжает изучать проблемы этнографии детства, женской истории, миграционных процессов преимущественно

на территории Волго-Уралья. Однако материалов опубликованных литературных, архивно-музейных материалов было недостаточно.

Восполнить пробелы исследовательница решила путем сбора полевого материала на основе анкеты-вопросника, в основу которого были положены программа В.Н. Харузиной о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев и программы сбора материала по обычаям и обрядам, связанным с рождением ребенка, составленная Т.А. Листовой. В специально разработанной программе были выделены разделы об обычаях и обрядах, связанных с беременностью, родами, уходом за ребенком, имянаречением, отношением к незаконнорожденным детям и т. д. Анкета помогала провести глубинный опрос, не упустить нужный материал и дать возможность вспомнить информатору детали из собственной жизни.

В 1996–2009 гг. О.В. Егорова совершила экспедиции в различные районы Чувашии и места компактного проживания чувашей в Татарстане, Марий Эл, Башкирии, Самарской, Саратовской и Пензенской областях. Замечательным наставником для начинающей исследовательницы стала этнограф Е.А. Ягафова, которая к этому времени имела большой опыт сбора полевого материала и проведения интервьюирования. Как вспоминает Оксана Вениаминовна, в первые годы сбора материала она пользовалась кассетным диктофоном. Кассеты и батарейки были низкого качества, и частая замена их вызывала дополнительные материальные издержки у полевика. В настоящее время используются цифровые диктофоны и специальные программы для расшифровки текстов.

Собранные собственные полевые материалы вошли в материалы научных статей [1; 2]. О.В. Егорова, при всех ценностях метода устной истории подчеркивает и его недостатки. Так, респонденты в свою биографию включали материалы рассказов других людей, прочитанных газетных статей или книг. Для их выявления необходимо было владеть материалом и задавать дополнительные вопросы для их выявления. В ходе подготовки докторской диссертации О.В. Егоровой было опрошено более 200 человек, возраст большинства из них превышал 70 лет. В связи с этим сведения, сообщаемые информаторами, позволили в большинстве случаев достаточно полно представить родильные обряды, семейный быт и внутриобщинные традиции чувашского крестьянства первой половины XX в. Нередко О.В. Егорова отмечает, что ей посчастливилось вовремя начать изучение этнографии детства, поскольку информаторов, владеющих информацией по теме, становилось с каждым годом все меньше и меньше.

Социолог Е.Ю. Мещеркина подчеркивает субъективность устной истории. Воспоминания, опрос свидетелей, биографии и автобиографии, личные фотографии и другие субъективные объекты воспоминаний – важнейшие источники для исследования исторического развития. Субъективные воспоминания-свидетельства являются источником для микроистории, для которой имеется мало других источников, или же где субъективные источники вследствие своего предмета выходят на авансцену [11, с. 15–16].

Нередко О.В. Егорова использовала метод устной истории через изучение автобиографии. Ею подробно были изучены автобиографические сочинения воспитанников духовных и светских учебных заведений Казани и

Симбирска, хранящиеся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук [3]. Значительная часть автобиографий представляет собой тексты-воспоминания, изложенные в форме школьных сочинений. В преобладающем большинстве эти источники составлены не по собственной инициативе детей, а по просьбе или по заданию учебного руководства. Поэтому наряду с фиксацией, описанием событий, явлений и состояний, значимых для ребенка и отложившихся в его памяти, они содержат то, что было важным и существенным в тот момент для взрослых. Автобиографии принадлежат юношам, составлявшим тогда подавляющую часть всех учеников и студентов. Ценность автобиографических сочинений состоит в том, что воспитанниками и учащимися были чуваша из различных территорий компактного проживания чувашей, что позволяет выявить уникальный материал по этнографии детства чувашей Волго-Уралья. Этот источник имеет персонифицированный характер и отражает историю конкретного человека. Автор предисловия пособия по педагогической антропологии «Природа ребенка в зеркале автобиографии» о детстве и отрочестве Б.М. Бим-Бад, подчеркивая ценность автобиографических материалов для педагога-антрополога, пишет, что благодаря автобиографиям можно узнать, что же осталось в человеке от его первых дней, почему сохранилось именно это, а не другое, как коррелирует вся последующая судьба человека с ее началом [13, с. 11].

В последние годы О.В. Егорова успешно занимается изучением народов Средней Азии и Кавказа, проживающих на территории Чувашской Республики [5–9]. Ею подготовлен ряд статей по данной проблематике с привлечением студентов [9; 10]. Для сравнительного анализа был проведен сбор полевого материала среди местного населения и чувашей, проживающих на территории Армении, Казахстана.

Устные исторические источники восполняют многие проблемы этнографической науки, выводят исследователей на ряд вопросов, которые на первый взгляд выпадают из поля исследования. В 1990-е годы метод устной истории становится одним из перспективных направлений российской исторической науки. Для проведения плодотворного диалога важно уметь расположить информанта, сформулировать правильно вопрос, следить за его эмоциями. Данные качества присущи Оксане Вениаминовне, поскольку они позволили ей подготовить множество научных работ с большим количеством полевого информативного материала. В юбилейный для неё год мы желаем Оксане Вениаминовне дальнейших научных изысканий, новых идей.

Список литературы

1. Егорова О.В. Дети в похоронно-поминальной обрядности чувашей // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – 2006. – С. 153–158.
2. Егорова О.В. Родильная обрядность самарских чувашей // Диаспоры Урала-Поволжья: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – 2005. – С. 150–155.
3. Егорова О.В. Этнография детства чувашей по данным автобиографий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №93. – С. 21–28.

4. Егорова О.В. Этнография детства чувашского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. (обычаи, обряды, традиции): автореф. дис. канд. ист. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М., 2000. – 24 с.
5. Егорова О.В. Институт брака в армянской диаспоре Чувашской Республики / О.В. Егорова, Н.А. Казаков // Уральский исторический вестник. – 2017. – №2 (55). – С. 62–68.
6. Егорова О.В. Условия жизни и труда как фактор адаптации народов Закавказья в Чувашской Республике / О.В. Егорова, Н.А. Казаков // Вестник Чувашского университета. – 2016. – №4. – С. 69–77.
7. Егорова О.В. Этнолингвистические процессы народов Закавказья, проживающих на территории Чувашской Республики / О.В. Егорова, Н.А. Казаков // Ашмаринские чтения: сборник трудов X международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2016. – С. 129–132.
8. Егорова О.В. Рождение ребенка и обряды детского цикла у армян Чувашской Республики / О.В. Егорова, Н.А. Казаков, Д.В. Капустин // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2017. – №2 (42). – С. 120–124.
9. Егорова О.В. Студенты-туркмены в Чувашии: национальные традиции и социокультурная адаптация / О.В. Егорова, Н. Каландаров // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения П.В. Денисова. – 2014. – С. 202–205.
10. Егорова О.В. Ethnic peculiarities of Turkmen students nutrition / О.В. Егорова, К.Е. Ластухина // The First International Conference on History and Political Sciences. – 2014. – С. 129–132.
11. Мещеркина Е. Устная история и биография: женский взгляд // Устная история и биография: женский взгляд. – М., 2004. – С. 15–16.
12. Орлов И.Б. Устная история // Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.
13. Природа ребенка в зеркале автобиографии: учеб. пособ. по пед. антропологии / под ред. Б.М. Бим-Бада, О.Е. Кошелевой. – М., 1998. – С. 11.
14. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / пер с англ. – М.: Весь Мир, 2003. – 368 с.
15. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 528 с.

Пяткова Наталья Дмитриевна

бакалавр, студентка

Научный руководитель

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИСТОРИЯ ПРОКУРАТУРЫ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ИСТОЧНИКАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена изучению возможностей источников личного происхождения для многогранового и разностороннего освещения истории прокуратуры Чувашской Республики. Рассматриваются воспоминания ветеранов и действующих работников прокуратуры. Характеризируются достоинства и недостатки анкеты как исторического источника. Самым информативным источником устной истории авторы считают интервью ветеранов и действующих работников прокуратуры. Даётся сравнительный анализ указанных источников, выявляются сильные и слабые стороны каждого из них.

Ключевые слова: история прокуратуры Чувашской Республики, источники личного происхождения.

В 2022 году исполняется 100 лет прокуратуре Чувашской Республики. Однако до настоящего времени не создано полной истории этого правоохранительного органа. В монографии «Прокуратура Чувашской Республики: вчера и сегодня» дан лишь краткий исторический очерк, кроме того, издан ряд статей по определённым проблемам [17; 18]. Хранящийся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики массив документов содержит, в основном, официальные документы, которые позволяют восстановить списки сотрудников прокуратуры, изменение её структуры, протоколы заседаний и т. п.

В этих условиях особое значение приобретают источники личного происхождения: воспоминания ветеранов прокуратуры, источники устной истории в виде интервью, а также материалы анкет. В нашем распоряжении имеется следующий комплекс источников: 16 опубликованных воспоминаний, два интервью, данных Долговым В.Е. Чувашскому радио [10], 6 интервью, взятых нами у ветеранов и действующих работников прокуратуры, а также материалы 7 анкет, заполненных работниками прокуратуры из разных районов Чувашии. Кроме того, в ведомственном архиве кадрового подразделения хранятся воспоминания В.Е. Долгова.

Таким образом, можно констатировать, что в нашем распоряжении имеются разные источники личного происхождения. Данные источники отличаются большой субъективностью, иногда имеющимися неточностями в изложении фактов. Однако в то же время они позволяют

дополнить документальные источники, которые зачастую излишне официальны. Источники личного происхождения позволяют уточнить отдельные моменты истории прокуратуры, восстановить полную картину каких-то происшествий, понять умонастроения работников прокуратуры, их оценки тех или иных структурных преобразований. И, главное, сочетание данных источников личного происхождения и документальных источников позволяют создать более объективную, объемную и многогранную историю прокуратуры Чувашской Республики.

В данной статье мы охарактеризуем особенности каждой группы источников личного происхождения по истории прокуратуры ЧР.

Воспоминания обладают большим потенциалом в точки зрения исторического анализа. К их написанию авторы подходят осознанно, обладая и достаточным жизненным опытом, и временем для вдумчивого формулирования мыслей. Они, как правило, обращаются к документам, справочникам, каким-то записям, дневникам и т. п. Однако авторский замысел зачастую подчиняет себе нить повествования. Стремление рассказать о своей роли в описываемых событиях может привести к искажению в пропорциях излагаемых фактов. Субъективизм, личностная оценка здесь преувеличивает больше, чем в других источниках личного происхождения. К тому же, пишутся воспоминания, как правило, ветеранами спустя долгие годы после описываемых событий, что увеличивает возможность забвения или искажения (вольного или невольного) тех или иных фактов. Автору воспоминаний нельзя задать уточняющих вопросов, сосредоточить его внимание на каких-то важных аспектах темы. Так, в рукописных воспоминаниях В.Е. Долгова содержится интересный рассказ о его работе в Марпосадской, Вурнарской, Козловской, Чебоксарской районных прокуратурах. Однако эти воспоминания больше похожи на перечни списков коллег, здесь практически нет описания конкретных случаев из прокурорской практики, личностных оценок [8; 9; 11]. В воспоминаниях, опубликованных в книге «Прокуратура Чувашской Республики: вчера и сегодня» воспоминания ветеранов литературно обработаны и дают характеристику лишь каких-то отдельных сторон истории прокуратуры и интересных случаев из практики [17].

Важным источником является *анкетирование* респондентов. Для уточнения ряда вопросов по истории прокуратуры нами была составлена следующая анкета.

Уважаемый респондент!

1. ФИО, год и место рождения.
2. Какие образовательные учреждения, курсы Вы закончили?
3. Обозначьте, пожалуйста, основные вехи Вашего жизненного пути.
4. Как Вы начали свою работу в органах прокуратуры? Ваши первые впечатления?
5. Были ли кумиры, на которых Вы равнялись в работе?
6. Представляли ли Вы себя в какой-либо другой профессии? Не жалеете ли о своем профессиональном выборе?
7. Какие знания Вам пригодились в жизни и работе больше всего из того, что Вы изучали, когда получали образование?

8. Какими качествами, по вашему мнению, должен обладать человек, чтобы работать в органах прокуратуры?
9. Каких принципов придерживаетесь в своей работе?
10. Какие сложные уголовные дела, рассмотренные в судах, Вам запомнились?
11. С какими интересными жалобами от населения вы сталкивались?
12. Насколько загружен день работника прокуратуры?
13. Расскажите об интересных, необычных или даже комичных случаях на работе, самых запомнившихся с этой точки зрения делах в Вашей практике?
14. Расскажите о Ваших коллегах, их свершениях/подвигах, если Вы считаете это нужным.
15. Как Вы проводите праздники в коллективе?
16. Есть ли у работников прокуратуры какие-либо традиции?
17. Имеются ли у Вас награды за Вашу профессиональную деятельность в прокуратуре?
18. Как вы считаете, модифицировалась ли прокуратура с тех пор, как Вы только начинали работать?
19. Что Вы можете пожелать коллегам в предстоящий 100-летний юбилей прокуратуры Чувашской республики?
20. Если у Вас есть дополнительная информация, не охваченная вопросами, можете написать её в свободной форме.

Несмотря на привлечение административного ресурса, мы получили только 7 заполненных анкет. С одной стороны, эти анкеты содержат ответы на заданные вопросы, с другой, эти ответы носят очень формальный характер [1–7]. Но, как показывает практика, метод анкетирования обладает и положительными чертами. С помощью анкет можно получить информацию сразу у нескольких людей за относительно короткое время. Другое дело, что содержание этих анкет не будет ярким и подробным, как, например, ответы респондентов при проведении интервью. Если при интервьюировании к тому или иному вопросу можно вернуться позднее, переформулировав его под обсуждаемую ситуацию, то в анкете респондент, если не пожелает отвечать, то просто не будет фиксировать ответ. Можно много говорить о плюсах и минусах того или иного метода сбора информации, но, как бы то ни было, многое зависит от самого респондента: будь то стиль ответа, его полнота и красочность.

Самыми продуктивными, на наш взгляд, являются источники устной истории. Это *интервью*, которые были записаны нами с ветеранами и действующими работниками прокуратуры. Нашиими респондентами были: Афанасьев Сергей Николаевич – прокурор Мариинско-Посадского района; Жучков Евгений Петрович – ветеран прокуратуры, прокурор Чувашии в 1984–1994 гг.; Иванов Анатолий Петрович – Заслуженный юрист Чувашской Республики, адвокат Адвокатской палаты Чувашской Республики, Член Союза журналистов России; Кузьмин Сергей Анатольевич – ветеран прокуратуры; Мальчугин Николай Александрович – старший советник юстиции, прокурор Новочебоксарска с 1991 по 2002 г.; Михайлов Дмитрий Юрьевич – помощник прокурора Мариинско-Посадского района.

При проведении интервью был применён комплексный подход: с одной стороны, респондентам был предложен список вопросов. Но в ходе беседы этот список был, скорее, направляющим ориентиром, а не жёстким планом. Среди респондентов были как ветераны, так и действующие работники прокуратуры. Выделим основные темы, изложение которых респондентами имеет значение для истории прокуратуры.

Во-первых, это темы о месте прокуратуры в системе правоохранительных органов. Было много сказано о реструктуризации прокуратуры. В 2007 году образовался Следственный комитет сначала при прокуратуре, а потом как отдельный орган. Мнения на счёт того, правильное это решение или нет разделились. Так, Н.А. Мальчугин считает: «Сейчас можно сказать, что остался дым. Полномочий много убрали. <...>. Сейчас передали всё суду, даже аресты, обыски, корреспонденция. Законность в этом пострадала 100% и люди... Я за то, чтобы возвратить всё как было, пусть не всё, хотя бы частично» [15].

В то же время прокурор Мариинско-Посадского района С.Н. Анисимов отметил в своём интервью: «Если следствие прокуратуре вернуть, наверное, всё-таки, не совсем это будет правильно, потому что следователей у нас уже в принципе не осталось, мало следователей, <...> кто эту работу будет следственную выполнять? Возможно, право на возбуждение определённой категории уголовных дел можно, наверное, этот вопрос рассмотреть. Но расследовать, я считаю, что не нужно, всё-таки правильней надзирать прокурору, чем расследовать. Я застал то время, когда следствие было функцией прокурора. Интересно, как вот прокурор, будучи тогда, как и сейчас, надзорным органом, как он надзирал за мной, как за следователем, который вот он, рядом сидит, каждый день его вижу. И за следователем МВД, за которым, вроде как тоже нужно надзирать, как за мной, но он чужой?! Вот как бы не совсем верно. Тут если надзирать, то надо прямо одинаково ко всем относиться» [13].

В ходе рассмотрения данной темы, Е.П. Жучков рассказал об одном щепетильном моменте во взаимоотношениях между прокуратурой и Главой Чувашской Республики. «Прокурором ЧАССР я стал в 1984 году. Быть прокурором области и прокурором республики – очень разные вещи, хотя бы даже потому, что прокурору области с назначением присваивается звание старшего советника юстиции (полковник), а прокурору республики – государственного советника юстиции третьего класса (генерал-майор). Прокурору республики присваивается звание на класс выше, потому что в процессе своей службы ему приходится учитывать не только общие уголовно-правовые вопросы, но и этническую специфику населения вверенного региона. В отставку с прокурорской должности я ушел в 1994 году, однако вплоть до 2004 года был членом госсовета республики. Отставка моя стала поводом для большого скандала: по вновь принятому закону, лиц, достигших пенсионного возраста, надлежало отставлять от государственной службы. Пенсионный возраст на тот момент для мужчин начинался с 65 лет. Таким образом, на момент 1994 года мне было 63 года. Однако существовала рекомендация по возможности отправлять в отставку государственных служащих предпенсионного возраста для обновления кадрового состава структур истеблишмента от бывших партийных

функционеров, которую Николай Васильевич Федоров воспринял как руководство к действию. И подписал документ, согласно которому Евгений Петрович отправлялся на заслуженную пенсию с правом ношения формы. Но загвоздка в том, что никто, кроме президента России, не вправе увольнять прокурора республики, о чем на заседании госсовета во всеобщем присутствии я и напомнил <...>. Я же прымком с заседания вернулся на свое же рабочее место в здание прокуратуры. В отставку я ушел именно в 1994, а не в 1996 году, как полагалось» [12].

Вторая тема в интервью: о функциях и роли прокуратуры. В этой связи, отмечая важность и незаменимость данного органа, старший помощник прокурора Мариинско-Посадского района Д.Ю. Михайлов говорит следующее: «Человек приходит в прокуратуру уже с реальными проблемами. Мы, прокуроры, как врачи, например, оказываем неотложную срочную помощь». Он также привёл в своём интервью яркий наглядный пример реальной помощи, которую оказывает прокуратура: «Пришла женщина, мать 4 детей, денег нет, пособия получает, работать не может, потому что детки маленькие. Муж выпивает, вместе с ней живет. И вот она говорит, что ей отключили свет за неуплату». Пришлось много инстанций обзвонить. «Женщина подписывает соглашение, о реализации долга по 2000 руб. Компании хорошо, у них гасится задолженность и женщине хорошо, у нее есть электричество. Женщина не пьющая, но даже если бы была пьющая, то какая разница, мы всем должны помогать» [14].

Все прокуроры говорили о том, что их работа очень сложная и ответственная, требует большой отдачи, важно пропускать через себя каждое обращение граждан, каждую проблему решать, как свою. По мнению Е.П. Жучкова: «На любом месте, на любой должности всегда нужно быть честным человеком и поступать всегда по чести – это единственный залог спокойной старости» [12].

А.Н. Громов, заместитель Чебоксарского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Чувашской Республики, в своей анкете отметил: «Работа в прокуратуре требует постоянного напряжения и стрессоустойчивости. Работник прокуратуры должен обладать высокими моральными качествами, профессиональной целеустремленностью, принципиальностью, дисциплинированностью, объективностью, непримиримостью к нарушениям закона, высокой нравственностью» [2]. Также почти все респонденты сетовали на большое количество бумажной работы. Так, помощник прокурора Марпосада Д.Ю. Михайлов говорит следующее: «Мне хотелось бы больше своего времени тратить на помочь гражданам и меньше на написание отчётов» [14].

Третья тема в интервью: о повседневной жизни прокурора. Говоря о том, насколько загружен день прокурора, С.Н. Анисимов дал такой ответ: «Круглые сутки стараемся не работать, потому что нужно уделять внимание здоровью, семье, детям, потому что иначе невозможно. Когда были следователями, конечно да, приходилось круглые сутки, бывало, за ночь на 3–4 убийства выезжаешь, в те времена было очень много убийств ... А сейчас в 18 часов, конечно, никто не уходит, но в 19–20, если уходим, то нормально в принципе. Чтобы и домашними делами заняться, и детьми, сыновьями» [13]. Л.В. Спиридонова – старший помощник прокурора

Вурнарского района в своей анкете отмечает следующее: «Жизнь сотрудника, состоящего на службе в прокуратуре, весьма насыщена событиями. Каждый день приходится решать новые задачи. Ощущение, что ты нужен, присутствует всегда» [4].

Четвёртая тема: о взаимоотношениях в коллективе. Прокурор С.Н. Анисимов: «Я как начальник даже не заставляю, все понимают не то, что я хочу, что я требую, а общий вопрос, который мне интересен, как руководителю. Все в него прямо с душой вникают, не потому что надо, а потому что заинтересовываются. Думают: «Вот надо решить, шеф прав, потому что на самом деле вопрос интересный и сложный». Что бывает как всегда у всех? Что-то всегда не успеваешь, когда-нибудь не отправишь какую-нибудь информацию в аппарат, конечно, что-то пришлют: «Вы просрочили», где-то могут и наказать – ну это нормальное явление, а так, чтобы ругать, прям откровенно, чтобы человеку не хотелось работать – это неправильно, я считаю». Говоря о взаимоотношениях в коллективе в целом, С.Н. Анисимов отмечал следующее: «Внутри коллектива простые, нормальные, спокойные человеческие отношения» [13].

Помощник прокурора Д.Ю. Михайлов : «Когда твой непосредственный руководитель говорит: «Иди, сделай» – ты воспринимаешь его как отношения подчиненный – начальник, если твой руководитель становится больше твоим другом, может быть старшим товарищем, то его указания «иди, сделай» будут как от друга и старшего товарища. Ты будешь делать это намного более ответственно, зная, то, что ты не подставляешь начальника, который, скажем так, отпускает тебя домой, нет – ты подставишь друга. Я не могу назвать Сергея Николаевича [Анисимова] – другом, это будет неправильно, я ему не друг, я его подчинённый, но я воспринимаю его, как старшего товарища. Это очень важно» [14].

В ходе интервью прокуроры охотно вспоминали интересные дела из своей практики и отдельные случаи. Так, например, прокурор Анисимов С.Н. вспоминает: «Когда работал в Калининском районе гор. Чебоксары, был у нас такой участковый по фамилии Попов. Он очень красиво писал постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, но очень красиво писал, так творчески подходил. Вот однажды он написал о пропаже гусей: «Возникшие природные инстинкты вожака привёл к тому, что они увидели улетающих сородичей в теплые края. И что-то вроде того, что они там взмыли все вместе и улетели. И как будто бы никто их и не воровал» [13] Из рассказа С.Н. Кузьмина: «Есть до сих пор нераскрытое дело о меховых шубах. Торговля была большая. Несколько магазинов было. Шубы завезли меховые, 80-е годы на дворе. Злоумышленники домкратом поддели складское помещение, залезли, утащили шубы. Но ерунда это всё, эти шубы были похищены, как потом выяснилось, еще с базы, их никто не завозил [на склад]. Инсценировали всё. Как в «Операции Ы!»» [16].

Таким образом, источники личного происхождения позволяют понять отношение работников прокуратуры к своей профессии, их оценки реформ в ведомстве, содержат сведения о конкретных случаях в прокурорской практике. Они являются важным и ценным средством познания исторических событий и явлений истории прокуратуры Чувашской Республики. Расширение привлечения источников личного происхождения в

исторических исследованиях и использование их в совокупности с другими источниками позволяют сделать исследование наиболее многосторонним, отойти от излишней опоры на формализованные источники официального происхождения, что значительно повышает познавательную значимость рассматриваемой проблемы.

Список литературы

1. Анкета. Бабаев А.М. – прокурор Красноармейского района 25.02.2021 // Личный архив авторов.
2. Анкета. Громов А.Н. – заместитель Чебоксарского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях ЧР 25.02.2021 // Личный архив авторов.
3. Анкета. Коротков И.Н. – старший помощник прокурора г. Новочебоксарска. 12.04.2021 // Личный архив авторов.
4. Анкета. Лариса Спиридонова – старший помощник прокурора Вурнарского района. 25.02.2021 // Личный архив авторов.
5. Анкета. Можаева Л.В. – ведущий специалист прокуратуры Ибресинского района 11.03.2021 // Личный архив авторов.
6. Анкета. Тимофеева И.М. – старший помощник Канашского межрайпрокурора 26.02.2021 // Личный архив авторов.
7. Анкета. Фуражникова Ю.А. – прокурор Ядринского района 20.02.2021 // Личный архив авторов.
8. Долгов В.Е. Воспоминания о прокуратуре Козловского района [Рукопись] // Ведомственный архив кадрового подразделения Прокуратуры ЧР. – 3 л.
9. Долгов В.Е. К истории прокуратуры Марининско-Посадского и Октябрьского районов [Рукопись] // Ведомственный архив кадрового подразделения Прокуратуры ЧР. – 5 л.
10. Тезисы выступлений по Чувашскому радио 29 декабря 1996 г. Долгова В.Е. [Машинопись] // Ведомственный архив кадрового подразделения Прокуратуры ЧР. На чув. яз. – 3 л.
11. Интервью с Долговым Василием Ефремовичем. Интервьюер – И.Н. Перов. 29 декабря 1996 г. // Текущий ведомственный архив кадрового подразделения Прокуратуры ЧР.
12. Интервью с Жучковым Евгением Петровичем. 17 февраля 2021 г. Интервьюеры – Казимиров М.С., Пяткова Н.Д. // Полевые исследования авторов.
13. Интервью с Анисимовым Сергеем Николаевичем. 2 апреля 2021 г. Интервьюеры – Иванова Т.Н., Пяткова Н.Д. // Полевые исследования авторов.
14. Интервью с Михайловым Дмитрием Юрьевичем. 2 апреля 2021 г. Интервьюеры – Иванова Т.Н., Пяткова Н.Д. // Полевые исследования авторов.
15. Интервью с Мальчугиным Николаем Александровичем. 2 апреля 2021 г. Интервьюеры – Иванова Т.Н., Пяткова Н.Д. // Полевые исследования авторов.
16. Интервью с Кузьминым Сергеем Анатольевичем. 2 апреля 2021 г. Интервьюеры – Иванова Т.Н., Пяткова Н.Д. // Полевые исследования авторов.
17. Прокуратура Чувашской Республики: вчера и сегодня. – Чебоксары: ПЧР, 2010. – 244 с.
18. Ухтияров А.И. Юридические кадры Чувашии: исторический аспект // Вестник Российского университета кооперации. – 2015. – №3 (21). – С. 129–135.

Чжоу Чжэньдин

аспирант

Цзинь Сюй

аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОТКРЫТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УСТНОЙ ИСТОРИИ НА ТРАДИЦИОННУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ

Аннотация: в последние годы популярным стало использование устных повествований в изучении истории как в китайской, так и в зарубежной историографии. Устная история как форма исторического исследования сыграла уникальную роль в содействии популяризации исторических знаний среди широкой общественности, и в конце 1970-х годов китайские историки начали изучать устную историю. В течение следующих трех десятилетий изучение устной истории расширилось и углубилось, и оно превратилось в отрасль исторической дисциплины. История – это дисциплина с давними традициями, которая постоянно обновляется по мере развития человеческого общества. Каждая эпоха имеет свою историографию, и каждая эпоха имеет свой стиль и философию, отличные от своих предшественников. Современная устная история как новая форма историографии наследует традиционную историографию, но выработала свои уникальные характеристики с точки зрения философии и методологии исследования, и ее наиболее отличительной чертой является прорыв и расширение традиционной историографии во многих отношениях. Это проявляется главным образом в расширении объекта исследования устной истории, значительном увеличении содержания исследования, переходе от одного средства исследования к нескольким формам исследования.

Ключевые слова: устная история, традиционная историография, методологические поиски, социологические исследования.

Zhou Zhending

postgraduate student

Jin Xu

postgraduate student

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary, Chuvash Republic

THE BREAKTHROUGH AND EXPANSION OF MODERN ORAL HISTORY ON TRADITIONAL HISTORIOGRAPHY

Abstract: in recent years, there has been a boom in the study of history using oral narratives in both Chinese and foreign historiography. Oral history, as a form of historical research, has played a unique role in promoting the

popularization of historical knowledge among the public, and in the late 1970s Chinese historians began to study oral history. Over the next three decades, the study of oral history has expanded and deepened, and it has developed into a branch of the historical discipline. History is a discipline with a long tradition, and one that is constantly being updated as human society evolves. Each era has its own historiography, and each era has a different style and philosophy from its predecessors. Modern oral history, as a new form of historiography, inherits traditional historiography, but has developed its own unique characteristics in terms of research philosophy and methodology, and its most distinctive feature is its breakthrough and expansion of traditional historiography in many ways. This is mainly manifested in the extending of the object of research in oral history, the significant increase in the content of research, and the move from a single means of research to multiple forms of research.

Keywords: oral history, traditional historiography, methodological searches, sociological research.

Oral history is a leap forward from traditional historiography. Modern oral history first appeared in the United States in the 1930s – 1940s. Half a century before that, European Enlightenment, democratic, and socialist thinkers and scholars had already tried to use oral history to conduct social surveys, record social and historical events, and corroborate their research in intellectual and cultural theories. Their research reflects the desire of some educated people to record or reflect on the path of human society and its civilization from various perspectives, including political, economic, cultural, and racial, and to record the events and needs of people in the late transition from modern to modern society or at the beginning of modernization. This ideological tendency to record and reflect on the thought processes of ordinary people and their life paths in a secular way is reflected in the field of history as the New Historiography. The new historiographical trend has had an important impact on oral history by advocating and promoting specialized studies in popular history, social history, cultural history, and holistic history. It is in these specialized historical studies that oral history has developed its value and its methodological strengths and its methodological advantages, and has achieved mutual integration and promotion with the trends of historical science. Until the breakthrough and transcendence of traditional historiography.

After the Second World War, the communication and transportation industries in the major economically developed countries of the West became increasingly advanced, and political and business leaders no longer only used letters to exchange information, but communicated directly and quickly through telephones and various advanced communication tools, leaving much less documents. In addition, the establishment of a network of public libraries at different levels in developed countries made access to public documents increasingly convenient, and ordinary people had easy access to interview materials documenting the activities of political dignitaries, which greatly increased the motivation of oral history writers. Furthermore, the political activities of national leaders and other dignitaries became increasingly frequent, and it was unlikely that complete written records would be kept at all times and in all places. The modern establishment and application of oral history has largely compensated for the lack of modern and contemporary documentary political history. The

Center for Oral Studies at Columbia University in the United States, the birthplace of Western oral history research, pioneered oral history research in the collection and organization of modern political history. The largest oral research project in the United States is the Center's federally funded oral study of all U.S. presidents.

Since the emergence of history as an independent discipline from the 1920s to the 1930s, there has been little change in the form of presentation. Although the research process was often supported by physical evidence, the monotonous and archaic form of presentation often created a dull atmosphere in historiography and failed to give a true picture of the past. However, with the progress of the times, modern science and technology such as audio, video, and internet have provided the material basis for the change of historiography. Oral history not only makes the written expressions vivid and popular, but also enables the preservation of valuable historical materials in a complete and realistic way by means of spoken word, music, film, and speech, so that people can directly observe, appreciate, and evaluate them. The original living history can be reproduced in a fuller way.

The emergence of oral history triggered a change in the philosophy of historiography.

The early pioneers of modern Western oral history have contributed to and influenced the development of modernized and popularized historiography since World War II. Their contributions are manifested in several ways.

1. The widespread use of oral history methods facilitated the study of specialized histories in various fields and played a significant role in increasing historical sources, thus broadening the field of study of history and adding new research methods.

2. Oral history is also far superior to traditional historiography in terms of the breadth of social life that it interrogates, presents, and explores. Human activity is so rich that even the most detailed documents and archives can only record a tiny fraction of it. Traditional history books are filled with the evolution of social and political systems, and most of what people have experienced, seen, heard, and known in their lives cannot be recorded in history books, much less analyzed and explored in flesh-and-blood cases. However, most of the authors of oral histories go to the people, interview and investigate people's lives face to face, and conduct specialized in-depth discussions on historical issues, revealing historical doubts to the world in an in-depth and simple form, commenting on the successes and failures of various people, and making points about the changes of social systems in the past and present. The history of ordinary people, social life, women, ethnic minorities, cities, communities, science and technology, and even disasters are all subjects for in-depth research by oral historians. In a sense, it can be said that traditional historiography is mainly the territory of the ruling class and elite figures, while oral history reveals the details of everyday life of ordinary people.

3. Modern oral history is not only a working method of historical research, but also represents a new concept. It is a breakthrough from the tradition of writing history mainly from written archives, centering on prominent figures, focusing on national politics and upper-class life, and writing history more along the path of «top-down». Oral histories, on the other hand, retain the main line of «top-down» history writing, while creating as many «bottom-up» lines of history writing around them as possible. The authors of oral histories have

gone into the people's lives and have approached reality from multiple perspectives, while incorporating the conditions of the upper social sphere, the lives of ordinary people, the changes in society, and the people's perception of history into the study of oral history. The combination of «top-down» history and «bottom-up» history has been achieved. This has created a new pattern of intersection of elegant and popular main lines in the field of history, and of linking social and personal experiences.

4. The multifaceted participation, exploration, and examination of social life by oral history research has widely elicited reactions from the public, and all segments of society resonate strongly in the face of living oral history research. It also expands the propaganda and educational functions of historiography. The educational aspect has become the main function of historiography [11, c. 81].

A New Methodological System for Oral History Research. One of the major differences between oral history, which has been rooted in the life of the general public since its birth, and traditional historiography is that it always takes the life experiences of people from all walks of life as the content of research. It is the realistic study of all kinds of people and events in oral history that forms the real picture of the development of social history in all its dimensions. This has established the study of social history as an important element of oral history research.

As early as the 1920s, the Chicago School of Sociology, which emerged in the United States, adhered to the modern philosophy of pragmatism, which emphasizes reality, efficacy, and empirical evidence, and pioneered the use of scientific methods to study actual social life. In order to participate in social research, they first made a research plan, then adopted the approach of going out and dividing the areas by associations, communities, and even parishes, systematically interviewing people from all walks of life by area, and interviewing the subjects directly to understand the historical development and current living conditions of certain social groups. Finally, the results of the social surveys are filtered and analyzed to obtain oral evidence of the social surveys. Many of their published sociological monographs have cited a large number of oral histories, which have obviously become an important basis for their sociological research [12, c. 136].

The new social history theory, based on the «bottom-up theory», proposes to emphasize the influence of the cultural values and mentality of ordinary people on the historical development of the group itself and of society as a whole. According to the new social historians, different groups from the bottom of society have the ability to develop their own subcultures and non-political behaviors, and to play a decisive role in the areas they consider most important [7]. In their own research, oral historians have also always been based on finding the dominant ideological tendencies that represent the majority of people in social life, or reflecting the people and events that can influence the change of social institutions in each period as the focus, and have long insisted on mining from them the sense of group culture of ordinary people and their contribution to the development of the calendar. They laid the foundation for the later trend of popularizing historical research. This bottom-up methodological trend further broadened the research horizons of historians and opened up the field of historical research.

Oral history is an academic discipline for the general public, and moreover an academic way about people. And it is the plural people who are the object of study in holistic historiography, and it is the plural people that historiography seeks to grasp. This also constitutes the focus of oral history research. In terms of the developmental dynamics of the human sciences, the contemporary social science research system is under a general trend of re-diversification and integration. The processes of differentiation and integration are constantly intersecting, with integration still in the forefront. A large number of cross-disciplinary disciplines or various sub-systems within each discipline are being explored and integrated through the exploration of human thought to achieve mutual reference and integration, forming a comprehensive unity. Oral history is one of these integrated systems.

Contemporary researchers active in the field of oral history reveal the experiences and emotions of the people of the past in the process of comprehensive examination of the social life history of the past years through interviews and surveys, while the praise and criticism of the interviewees and the interviewers and their expectations for the future are also revealed. This is a good realization of the past being extended in the present and the future being realized through the present, as pursued by historical research. It is clear that oral history has a broad future by virtue of its scientific, rational, comprehensive and comprehensive study of human society.

Список литературы

1. 坎曼. 往事历历在目, 美国当代历史写作 [J]. 世界历史, 1998(6) 79: 392.
2. 候成德. 美国口碑史料学三十年 [J]. 世界史研究动态, 1981(11):31.
3. 熊月之. 口述史的价值 [J]. 史林, 2000(3):65.
4. 托什. 口述的历史 [J]. 雍恢, 译. 史学理论, 1987(4):83.
5. 保罗·汤普森. 过去的声音: 口述史 [M]. 覃方明, 梁东, 张旅平, 译. 沈阳: 辽宁教育出版社, 2000: 7 - 8.
6. 罗蒂. 哲学诠释学和经历的交流: 口述历史的范型 [J]. 国外社会科学, 1981(1):42.
7. 陆象淦. 现代历史科学 [M]. 重庆: 重庆出版社, 1988:253.
8. 布洛赫. 为史学而辩护 [M]. 巴黎: 巴黎大学出版社, 1964: 28.
9. 贝尔. 史学中的综合. 它同一般综合的关系 [M]. 巴黎:巴黎大学出版社, 1953: 36.
10. 杜赞奇. 从民族国家拯救历史 [M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2003: 3 - 4.
11. Сайтова А.М. Отражение развития международных связей ЧГУ им. И.Н. Ульянова с вузами КНР в его летописи / А.М. Сайтова, М.Н. Краснова // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каюковского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 20 декабря 2016 г.). – Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. – С. 79–82.
12. Краснова М.Н. Чувашско-китайское сотрудничество (на примере международных контактов между Чувашским государственным университетом и Аньхойским университетом (КНР) / М.Н. Краснова, Линьци Ли // Университетское образование в полиглоссических регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. – С. 135–140.

ПЕРЕЛОМНЫЕ СОБЫТИЯ XIX-XXI вв. В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОКУРАТУРЫ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1991–1999 гг.

Аннотация: статья анализирует основные аспекты развития прокуратуры Чувашской Республики в 1990-е гг. На основе данных СМИ и опубликованных источников автором выделены особенности этого процесса, выделены его наиболее критические моменты.

Ключевые слова: прокуратура, Чувашская Республика, ЧГУ им. И.Н. Ульянова, реформирование государства.

Начало 1990-х гг. стало переломным временем в истории России. Начало пребывания Российской Федерации в статусе суверенного государства вызвало появления ряда сложностей, не обошедших в том числе и условия деятельности органов прокуратуры как на федеральном, так и на региональном уровне. Изменения в базовых принципах организации российского государства, расширение демократизации в политической системе, гуманизация права не могли не сказаться на положении органов прокуратуры, уровне их полномочий и содержании функций.

В этот период, например решается вопрос о сохранения функции общего прокурорского надзора в прежнем виде. Вполне серьезно рассматривались варианты отказа от этой важнейшей функции прокуратуры, оставшейся с советского периода [1, с. 16]. В итоге было решено изменить содержание этой функции, вместо общего надзора появляется понятие надзора «за исполнением законов местными представительными органами, органами исполнительной власти, управления и контроля, юридическими лицами, общественными объединениями, должностными лицами, а также за соответствие законам издаваемых ими правовых актов», также другие конкретные виды надзора, прямо оговоренные текстом закона [7].

Вопрос о новом содержании работы полномочия был окончательно решен с принятием в январе 1992 г. Федерального закона «О прокуратуре», остающегося основополагающим для этого органа вплоть до сегодняшнего дня [7]. Изменился характер требований к соблюдению законности в самих органах правопорядка, и в силу этих новых требований приказом Генерального прокурора РФ в 1995 г. был упразднен отдел по надзору за деятельностью правоохранительных органов в борьбе с преступностью, вместо него в прокуратуре Чувашской Республики открылись сразу два новых отдела – по надзору за расследованием преступлений в органах

прокуратуры и федеральной службы безопасности и по надзору за расследованием преступлений и ОРД в органах МВД и налоговой полиции.

Еще одним показательным изменением в структуре республиканской прокуратуры стало введение в 1995 г. должности старшего помощника прокурора Чувашской Республики по связям со СМИ, следом появляется должность старшего помощника прокурора Чувашской Республики по рассмотрению писем и приему граждан. Безусловно, эти нововведения способствовали большей открытости работы прокуратуры и укреплению ее взаимосвязи с обществом. Еще одно новое важное направление деятельности в тот период – поддержание здоровых межнациональных отношений в республике. Этот аспект социальной жизни приобрел особую актуальность в середине 1990-х гг. по всей России и в Чувашии тоже [8, с. 14]. К работе прокуратуры это направление имело прямое отношение, что нашло отражение в появлении должности старшего помощника прокурора Чувашской Республики по надзору за исполнением законодательства о межнациональных отношениях.

Прокурором республики сложный период первой половины 1990-х гг. продолжал оставаться Е.П. Жучков. Он имел уже значительный опыт работы на своем посту, являясь прокурором Чувашии еще с 1984 г. [9]. Таким образом, его деятельность пришла в том числе и на сложный период «перестройки» в СССР, а общий стаж работы в органах прокуратуры составил 37 лет. Наиболее существенной проблемой, осложнявшей работу прокуратуры, сам Евгений Петрович считал кадровый вопрос: «Очень много пенсионеров, в кадре никого нет, в резерве, да и как-то на отшибе всё это было в Чебоксарах. Видно, кадрами никто не занимался. Уходили пенсионеры, замещать приходили тоже пенсионеры» [6].

Проблема кадрового «голода» оставалась актуальной и в первой половине 1990-х гг. Вот как описывают ситуацию этого периода сами сотрудники прокуратуры: «В начале и середине 90-х годов в связи с преобразованиями в стране и активным обсуждением вопросов о статусе и месте прокуратуры в системе государственных органов многие опытные и квалифицированные прокурорские работники уволились из органов прокуратуры. Ведомство в то время вновь испытывало дефицит кадров» [5, с. 113]. Вопрос насыщения рынка труда юридическими кадрами тогда стоял остро в целом, во всех сферах, где требовалась квалифицированные юристы: «С переходом на рыночные отношения возрастал спрос на юристов. В 1990 г. республике требовалось не менее 1500 специалистов с высшим юридическим образованием для работы в системе правоохранительных органов, юстиции, судов, иных государственных органов...» [3, с. 197] В итоге кадровый вопрос разрешился только в результате открытия юридического факультета в ЧГУ им. И.Н. Ульянова: «Эту проблему позволило решить открытие в Чувашском государственном университете юридического факультета. Только из первого выпуска, состоявшегося в 1996 году, в прокуратуру было принято 25 человек. Сегодня [по состоянию на 2010 г. – прим. автора] в органах прокуратуры республики выпускники юридического факультета ЧГУ составляют 60 процентов от общего количества оперативных работников» [5, с. 113].

Еще одной отличительной особенностью описываемого периода развития органов прокуратуры Чувашии стал спор между прокурорами

республики и ее руководством о соотношении властных полномочий. В 1994 г. Е.П. Жучков покинул пост главы прокуратуры, став руководителем секретариата и консультантом Государственного Совета Чувашской Республики [9]. На этой новой работе его опыт и знания в юридической сфере оказались очень востребованы, так как в Чувашии по сути только шел процесс становления новых органов власти.

Новым прокурором республики стал С.В. Русаков. Местный уроженец, он имел значительный опыт работы на различных прокурорских должностях в Челябинской и Мурманской области, Таджикистане и Мордовии [10]. В его бытность на посту прокурора Чувашии (он оставался на этой должности до 2000 г.) конфликт с руководством республики достиг апогея. В 1997 г. был даже принят закон Чувашской Республики «О порядке согласования при назначении прокурора Чувашской Республики», согласно которому прокуроры Чувашии должны были впредь назначаться по согласованию с Государственным Советом республики [2]. Таким образом, конфликт выходил на уровень противостояния руководства республики и Генерального прокурора РФ. В самом факте такого спора не было ничего удивительного, он был отражением процесса строительства вертикали власти в новых условиях, когда полномочия отдельных государственных структур еще не получили серьезной законодательной опоры, а на федеральном уровне шли свои, не менее ожесточенные «схватки» по тем же поводам.

Окончанием спора стала отмена указанного закона Чувашии в 2005 г. Итоги же подобным конфликтам подвел президент РФ В.В. Путин уже в наши дни: «У нас не может быть какой-то своей доморощенной законности в одном и в другом регионе, а значит, прокурор – это сквозная верховная власть, следящая за исполнением этих законов вне зависимости ни от каких обстоятельств регионального характера» [4].

Таким образом, период 1990-х гг. явился по настоящему поворотным в жизни работников прокуратуры Чувашии, внеся немало изменений в характер их деятельности.

Список литературы

1. Гончаров С.А. История становления прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства как отдельного направления деятельности органов прокуратуры / Гончаров С.А., Абрамова Е.А. // Вестник Пензенского государственного университета. – 2018. – №1. – С. 15–18.
2. Закон Чувашской Республики от 27 июня 1997 г. «О порядке согласования при назначении прокурора Чувашской Республики» (утратил силу) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/17505975/#friends> (дата обращения: 11.04.2021).
3. Полвека на ниве образования. К 50-летию ЧГУ им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2017. – 374 с.
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=11.04.2021>.
5. Прокуратура Чувашской Республики вчера и сегодня / под ред. В.Г. Метелина; сост. И.Г. Сахаров [и др.]. – Чебоксары: СВ-Пресс, 2010. – 243 с.
6. Прокуратура Чувашской Республики отмечает 90 лет со дня основания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cheboksari.bezformata.com/listnews/prokuratura-chuvashskoj-respublikii/5706016/> (дата обращения: 11.04.2021)

7. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 №2202-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 11.04.2021).

8. Филиппов В.Р. Чувашия девяностых. Этнополитический очерк. – М.: РАН, 2001. – 250 с.

9. Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=2033> (дата обращения: 11.04.2021).

10. Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc.cap.ru/?lnk=4002&t=prsn#:~:text> (дата обращения: 11.04.2021).

Кабуркин Александр Александрович

аспирант

Каллин Игорь Владимирович

аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

КРАСНЫЙ ТЕРРОР: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ В РАЗРЕЗЕ ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

Аннотация: в статье представлены идеологические и правовые основы функционирования органов красного террора – чрезвычайных комиссий, деятельность которых приходится на переломный момент в отечественной истории 1917–1922 гг. В статье отражены идеи и высказывания советского партийно-государственного руководства страны в обоснование красного террора, указаны сведения об основных актах, регламентировавших деятельность вышесказанных чрезвычайных судебных органов, описаны особенности красного террора в разрезе территории Сибири. Отмечена актуальность заявленной темы. Показана значимость явления для развития Советского государства. Приведены отдельные воспоминания современников о красном терроре.

Ключевые слова: красный террор, революция, декрет, судебная система, чрезвычайные судебные органы, революционный трибунал, чрезвычайная комиссия, советская власть, коммунистическая партия, Ленин, Сталин, Сибирь.

Судебная власть в любом государстве выполняет важные общественно-значимые функции. В связи с этим вопрос нормативно-правового регулирования судопроизводства, совершенствования законодательной основы деятельности судебной системы является важным звеном в построении демократического правового государства.

Поэтому всестороннее и полное изучение строительства и трансформации советской судебной системы имеет первостепенное значение, так как именно она явила базисом для построения действующей ныне

российской системы судопроизводства. В таком аспекте начальный этап строительства советского судопроизводства имеет особый интерес, а его исследование требует особо тщательного внимания и детального анализа, в том числе в силу оригинальности и уникальности в разрезе мировой истории.

Примечателен тот факт, что впервые появившееся на мировой арене советское общество в течение практически первых трех–четырех лет своего существования не только создало беспрецедентную государственную машину с эффективным карательным механизмом, вызывающим страх и ужас как у противников советской власти, так и у большинства населения, но и прочно утвердились на международной арене, что способствовало, в том числе, его победе в Великой Отечественной войне. Упрочению позиций советской власти в стране в немалой степени способствовали чрезвычайные судебные органы.

Здесь следует отметить, что после революций 1917 г. Декретом СНК СССР о суде от 22 ноября (5 декабря по новому стилю) 1917 г. существовавшие старые «судебные установления» были упразднены, новая советская судебная система с этого момента начала строиться с нуля [8, с. 124].

При этом параллельно с развитием и становлением судопроизводства, характерного для демократических государств, ответственного за издание соответствующих правовых актов и установление народных судов, заложивших основной фундамент новой судебной системы на территории советского государства, в России формировалась система особых чрезвычайных судебных органов, особенности деятельности и огромный объем полномочий которых всегда будут выделять нашу страну в истории.

Особые чрезвычайные судебные органы советского государства оказали огромное влияние не только на политическую обстановку в стране, но и на развитие ее экономического потенциала, изменение социального состава населения, выработку особой правовой и духовной культуры. Основная роль и первостепенное значение в подобном влиянии на все сферы деятельности советского общества принадлежит политике «Красного террора», осуществлявшейся чрезвычайными судебными органами.

Санкционированная руководством Коммунистической партии и страны политика красного террора действовала весьма эффективно и имела впечатляющие успехи в борьбе с врагами советской власти в период Гражданской войны.

Неоднозначная трактовка событий красного террора, его методов и последствий, глубокое и всестороннее исследование данного явления в настоящее время вызывает множество самых разных дискуссий. Однако данное явление было обосновано большевиками не только с идеологической точки зрения, но и с правовой, основывалось на основных правовых актах страны, имело огромный аппарат принуждения.

Идеология вновь образованного Советского государства в судебной сфере была тесно связана с общими задачами советской власти. В.И. Ленин так указывал в своих записях: «...Нам нужно государство, нам нужно принуждение... Органом... осуществляющим... принуждение, должны быть советские суды...» [14, с. 163].

Сталин, в свою очередь, указывал, что «основной задачей в рассматриваемый период... до ликвидации эксплуататорских классов, являлась

задача в подавлении сопротивления свергнутых классов...» [13, с. 5]. Сообразно с этим одна из основных функций государства заключалась в подавлении свергнутых классов внутри страны [21, с. 645].

М.И. Лапис, руководитель (с ноября 1918 г. по февраль 1919 г.) Секретного отдела ВЧК – ведущего органа политического сыска, осуществляющего негласный надзор за противниками победившего режима, писал: «...не ищите в деле обвинительных улик... Первым долгом вы должны спросить, к какому классу он принадлежит.... В этом смысле суть «Красного террора» [3, с. 5].

С.В. Волковым дано одно из полных определений «Красного террора» как широкомасштабной кампании репрессий большевиков, строившейся по социальному признаку. Ленин говорил: «Возьмите всю интеллигенцию... Поскольку она колебалась..., нашим лозунгом была беспощадная борьба – террор» [15, с. 218–219].

Развивая данные идеи и мысли лидеров Коммунистической партии, Д.В. Плюцко и Д.В. Чермошенцев, отмечают, что основной метод управления обществом в период гражданских войн – это террор [20].

Красный террор в 1917–1922 гг. и был главным орудием советской власти и основным инструментом для ее установления. 30 августа 1918 г. эсеркой Ф.Е. Каплан было совершено покушение на В.И. Ленина. В ответ на это событие большевики официально объявили красный террор. По мере роста числа восстаний и заговоров они усиливали репрессии: арестовывали и расстреливали своих реальных и возможных противников. Красный террор стал средством истребления всех «классово чуждых элементов» и устрашения всего населения страны. Указанные выше идеологические обоснования красного террора нашли воплощение в ряде правовых актов, изданных советской властью и ее органами. Для объективности отметим, что в этот период в России действовал и белый террор, но исследование этого вопроса не входит в задачи данной статьи.

Одними из первых чрезвычайных судебных органов стали Чрезвычайные комиссии (далее также – ЧК): на заседании СНК 7 (20) декабря 1917 г. было принято постановление о создании Всероссийской Чрезвычайной комиссии при СНК (Совете народных комиссаров) по борьбе с контрреволюцией и саботажем [4, с. 159, 161–162]. В.И. Ленин ВЧК называл «...разящим орудием против... бесчисленных покушений на Советскую власть...» [10, с. 582, 16, с. 327].

Исследователи вопросов судопроизводства советской власти А.А. Третьякович и М.Е. Хлопаева обозначили время после Октябрьской революции как период работы двух систем расправы – органов ВЧК и системы Ревтрибуналов. Указанные органы являлись основными орудиями «Красного террора» [24].

Не рассматривая в настоящей статье деятельность Ревтрибуналов, а обращаясь лишь к вопросам деятельности ВЧК, следует отметить, что согласно Декрета от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности», ЧК получали полномочия по расстрелу на месте преступления неугодных власти элементов, то есть карательные функции были расширены вплоть до применения высшей меры наказания без судебного следствия [9, с. 490–491]. Кроме того, понятие «красного террора» на

законодательном уровне было закреплено соответствующим Декретом от 5 сентября 1918 г. «О Красном терроре» [9, с. 450].

Действовавший повсеместно по стране красный террор имел свои особенности на территории Сибири. Обращаясь к историографии вопроса красного террора, можно отметить, что Д.В. Плюйко и Д.В. Чермошенцев, анализируя данное явление в разрезе Сибири, выделяют два разных хронологических периода его действия и две группы историографических исследований данного явления: 1) с ноября 1917 г. до июня 1918 г.; 2) с осени 1919 г. до января 1922 г. Такое деление имеет историческое обоснование с учетом деятельности адмирала А.В. Колчака на территории Сибири [20].

В целом историографические исследования о функционировании чрезвычайных судебных органов в Сибири начинаются уже с 1920-х гг. Здесь уместно отметить работы М.Д. Бермана, Д.Ф. Клингофа, Н.Н. Хвалебного [2, 12, 25].

Исследователь истории о деятельности органов ВЧК в период Гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири В.А. Иванов вполне обоснованно, на наш взгляд, историографию вопроса разделил на советский и постсоветский периоды [11].

Современная отечественная историография по рассматриваемой проблеме представлена крупными работами Р.О. Багаутдинова, А.В. Иванова, А.В. Мангишевой, А.В. Печерина, Д.В. Плюйко, М.Г. Степанова, А.Г. Теплякова, Г.И. Хипхенова, Д.В. Чермошенцева [1, 18, 19, 22, 23, 26].

Деятельность красного террора на территории Сибири имела, помимо особых хронологических рамок, иные особенности, что связано как с географическими особенностями региона, так и с его многонациональным составом при одновременной слабой заселенности территории. В своих воспоминаниях П.И. Лопарев, входивший в Военный совет партизан, созданный 7 декабря 1919 г. и действовавший на территории Среднего Приобья, указывает: «Здесь туземное население... оказывало упорное, не только пассивное, но и вооруженное сопротивление революционным и военным мероприятиям советов... они причинили продвижению советской власти на Севере немало хлопот» [17, с. 166]. Территория нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в частности, была подчинена советской власти к апрелю 1920 г. только лишь после направления в Среднее Приобье регулярных частей Красной Армии в составе Северного экспедиционного отряда под командованием А.П. Лепехина [7, с. 31].

Наряду с коренным населением, противником установления советской власти на территории Сибири и врагами красного террора являлись мусульмане-беженцы, которые призывали своих единоверцев противостоять советской власти, они также активно поддерживали Белую армию [1].

Помимо этого в Сибирь бежали священнослужители, некоторые даже вступали в армию А.В. Колчака [18]. Представители духовенства, спасая свою жизнь, вынуждены были покидать места постоянного проживания. «Бежал с белыми по причине... террора, расстрелов 1918 г.» – писал диакон К* (*более полные данные найти не удалось) церкви г. Ирбита, «Выехал с Урала... от страха террора красных...» – писал священник Л* церкви села Яланское [5, с. 3–3 об., 6, с. 206].

Таким образом, идеологически обоснованный действующей партийно-государственной верхушкой страны, осуществляемый на законных основаниях Красный террор, при самом активном участии специально созданных для этого чрезвычайных судебных органов в лице ЧК, способствовал установлению советской власти как в Сибири, так и в целом по всей стране, позволил укрепить революционные достижения Коммунистической партии, обеспечил практически уничтожение своих противников, одновременно создав предпосылки для последующего развития социалистического государства.

Указанное феноменальное явление в виде красного террора, несмотря на его достаточно серьезное изучение и широкое освещение, требует дальнейшего глубокого исследования, как ввиду своей уникальности, так и в связи с актуальностью вопросов государственного строительства на современном этапе развития российского общества.

Список литературы

1. Багаутдинов Р.О. Мусульмане-беженцы в Сибири и Дальнем Востоке в годы гражданской войны // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. №1. – С. 262–263.
2. Берман М. Борьба с белыми на внутреннем фронте // Коммунист (Иркутск). – 1923. – №3. – С. 24–29.
3. Волков С.В. Красный террор глазами очевидцев. – М.: Айрис-Пресс, 2014. – 448 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-130. Оп. 23. Д. 2.
5. Государственный архив Свердловской области. Ф. 245. Оп. 5. Д. 171.
6. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 90.
7. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21.
8. Декреты советской власти. В 18 т. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Политиздат, 1957. – 640 с.
9. Декреты советской власти. В 18 т. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. – М.: Политиздат, 1964. – 676 с.
10. Документы внешней политики СССР. В 26 т. Т. 4. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. – М.: Госполитиздат, 1960. – 812 с.
11. Иванов В.А. Деятельность органов ВЧК в период гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири 1917–1922 гг.: историографический аспект // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – №3 (20). – С. 198–202.
12. Клингоф Д.Ф. Крестьянство и кулацкие восстания. // Коммунист (Иркутск). – 1920. – №2–3. – С. 12.
13. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). Сборник документов / под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. – 302 с.
14. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. В 55 т. Т. 36. Март–июль 1918. – М.: Политиздат, 1974. – 742 с.
15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. В 55 т. Т. 37 Июль 1918 – март 1919. – М.: Политиздат, 1969. – 748 с.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. В 55 т. Т. 44. Июнь 1921 – март 1922. – М.: Политиздат, 1970. – 726 с.
17. Очерки истории Тюменской области. / отв. ред. В.М. Кружинов. – Тюмень: Тюмень, 1994. – 272 с.
18. Печерин А.В. Массовое бегство духовенства на Урале в 1919 г. и его последствия / А.В. Печерин, А.В. Мангилёва // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2018. – №3 (23). – С. 138–166.
19. Плюйко Д.В. Проблема «красного» террора на территории Сибири в трудах современных российских историков гражданской войны // Исторические науки. – 2010. – №1. – С. 48–51.
20. Плюйко Д.В. Историография проблемы «Красного» террора на территории Сибири в годы гражданской войны / Д.В. Плюйко, Д.В. Чермошенцев // Национальные приоритеты России. – 2015. – №2 (16). – С. 30–32.
21. Сталин И. Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952. – 652 с.
22. Степанов М.Г. Политические репрессии в СССР. Учебное пособие. – Абакан: Бригантинка, 2011. – 179 с.

23. Тепляков А.Г. Деятельность органов ВЧК–ГПУ–НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 434 с.
24. Третьякович А.А. Укрепление системы советского правосудия в 1919–1921 гг. / А.А. Третьякович, М.Е. Хлопаева // История государства и права. – 2006. – №12. – С. 25.
25. Хвалебнов Н.Н. Минувшие дни (краткий очерк бандитского движения по Иркутской губернии за 1920–1922 гг.) // Красная армия Сибири. – 1923. – №3.
26. Хипхенов Г.И. Правда и «кривда» о красных отрядах из военно-политической истории периода «первой советской власти» в Восточной Сибири (1917–1918 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. – 2017. – Т. 13. №4 (25). – С. 154–175.

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, доцент
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Саратов, Саратовская область

ВОСПОМИНАНИЯ ЛУИЗЫ МИШЕЛЬ «КОММУНА» И ФРАНЦУЗСКАЯ КАТОРГА НА НОВОЙ КАЛЕДОНИИ В XIX в.

Аннотация: статья посвящена воспоминаниям Луизы Мишель о новокаледонской каторжной ссылке во Франции. Автор, кроме того, описывает создание новокаледонской каторги, нахождение коммунаров на каторге, впечатления и воспоминания Луизы Мишель во время нахождения на Новой Каледонии в период с 1871 по 1880 г.

Ключевые слова: Франция, XIX век, Луиза Мишель, воспоминания, Новая Каледония, пенитенциарная система, каторга, Парижская коммуна.

Французская каторжная система в середине XIX века переживала кризис. Количество каторжников в тюрьмах Франции превысило все мыслимые размеры, поэтому новый император Наполеон Третий поставил вопрос об избавлении от такого количества каторжников. Смертная казнь (как в Средневековье) потеряла свою актуальность и Министерство внутренних дел Франции обратило свое внимание на далекие заморские колонии. Первой из них была освоена Французская Гвиана (Кайенна), находившаяся в Южной Америке. Но природные условия Гвианы не соответствовали штрафной колонизации. Эпидемии лихорадки, малярия способствовали большой смертности заключенных, поэтому штрафную колонию в Гвиане называли «сухой гильотиной».

После того как Гвиана прославилась как место большой смертности среди заключенных, новая колония привлекла внимание французского Министерства внутренних дел. Это была Новая Каледония, присоединенная Францией в 1853 г. Как отмечал известный исследователь Д.А. Дриль «Новая Каледония, в противоположность французской Гвиане, представляет исключительные условия для успехов колонизации. Климат ее здоров и благоприятен. Температура колеблется в пределах от 7 до 38 градусов. Средняя годичная температура равняется 23 градуса, что значительно

удешевляет постройки и дает возможность жить круглый год в открытых шалаشاх, не нуждаясь в теплой одежде» [3, с. 17]. Остров был довольно большой, находился недалеко от Австралии и Папуа – Новая Гвинея. Выгодное стратегическое расположение Новой Кaledонии способствовало ее скорейшему заселению. По мнению И.Я. Фойницкого «Этот выбор оказался несравненно более удачным. Архипелаг состоит из нескольких островов кораллового происхождения, лежащих в Океании между 20 и 22 градусом южной широты, 162 и 165 градусом долготы по парижскому меридиану. К востоку от него лежит Австралия, к югу Новая Зеландия, к западу Гебридские острова. Хотя Кaledония находится, близ тропического пояса, но климат ее легче переносится европейцами, а ее почва способна к произрастанию злаков и огороднины. Туземное население архипелага, канаки, находилось на первобытной ступени и не представило серьезных затруднений для французской власти» [8, с. 210–211]. Кроме того, «Новая Кaledония представляет гигантский коралловый риф, окружающий остров длинный и узкий, тянущийся с севера-запада на юго-восток. Весь остров кораллового происхождения, обязанный своим бытием действием двух сил – животным и вулканическому огню. Остров весьма горист. С гор много падает рек, в особенности в северной части, но судоходны из них немногие. Климат Кaledонии сравнительно умеренный, благодаря влиянию океана и гор и считается весьма здоровым» [3, с. 38].

Остров был заселен местным населением – канаками, по мнению Н.С. Таганцева, «крайне свирепым, доселе не расставшимся с каннибализмом...» [7, с. 38–39].

Новая Кaledония была открыта известным английским мореплавателем Дж. Куком в 1774 г., но долгое время не привлекала к себе внимание. В 1863 г. вышел в свет декрет императора Наполеона III от 2 сентября. и в эту колонию из Тулона была отправлена первая партия осужденных в каторжные работы. Новая Кaledония стала второй штрафной колонией после Гвианы, где активно использовался труд каторжных заключенных и применялась в качестве наказания пожизненная каторжная ссылка (реплегация).

В 1871 г., в ходе франко-пруссской войны и осады Парижа, в столице Франции вспыхнуло восстание и была образована Парижская Коммуна. Просуществовав 71 день, Коммуна прекратила свое существование в ходе тяжелых многодневных боев. Коммунары частью погибли в сражениях, частью были расстреляны. Уцелевшие привлекались к уголовной ответственности за принадлежность к Парижской Коммуне. Всего к следствию было привлечено свыше 50 тыс. человек. Из них в 1872–1873 гг. ок. 4 тыс. человек осужденных были сосланы на Новую Кaledонию, где составили весьма значительную часть ссыльнокаторжных. Для бывших коммунаров даже придумали новое наказание – депортация. При этом наказаний на исправление преступников надеяться не приходилось, они навсегда изгнались за пределы Франции.

Закон от 23 марта 1872 г. постановил, что лиц, подлежащих депортации и строгому режиму, ссылать на полуостров Дюкос, близ Нуимеа, а приговоренных к простой депортации – на остров Дес Пинс, а за недостатком места – на остров Маре. Но для ссыльных политических преступников все же сделали некоторые послабления. Ссыльные не подлежали

обязательным работам, но если они сами хотели работать, то правительство было найти какие-нибудь занятия. По сути, коммунаров принуждали к безделью и это создавало большие проблемы, поэтому администрация старалась раздавать коммунарам земельные участки, поощряла заниматься сельских трудом и т. д. Но 23 февраля 1875 г. жесточайший ураган уничтожил все плоды сельскохозяйственных трудов. Более того, на острове постоянно циркулировали слухи о скорой амнистии коммунаров. Слухи эти подкреплялись помилованиями отдельных заключенных. Наконец, в 11 июля 1880 г. французский парламент принял 312 голосами за против 116 закон об амнистии коммунарам.

Судьбой ссыльных коммунаров заинтересовался и наш известный путешественник Н.Н. Миклухо-Маклай. Хотя исследователю и показалось, что жизнь коммунаров спокойна и безмятежна, но лишь потому, что тюремная администрация искусно скрывала истинное положение заключенных. Коммунары носили на ногах цепи, сковывались попарно, к ним применялись пытки [1]. Как отмечали в своих воспоминаниях Луиза Мишель и Анри Рошфор, изощренный террор со стороны администрации и постоянное недоедание превращали ссылку «тюремное заключение под открытым небом» [5, с. 362]. Также о большом интересе Миклухо-Маклая к судьбе коммунаров свидетельствует его письмо к И.С. Тургеневу перед их встречей в Париже в декабре 1882 г. Само это письмо пока не обнаружено, но о его содержании можно судить по письму Тургенева П.Л. Лаврову, в котором процитированы слова Миклухо-Маклая: «Наш известный путешественник Миклухо-Маклай, который проездом здесь, обратился ко мне с просьбой доставить ему брошюру или брошюры, «написанные бывшими сосланными в Новую Кaledонию коммунарами, о жизни их там и претерпенных ими там страданиях». А я обращаюсь к Вам, как к вернейшему источнику, и прошу Вас доставить эти брошюры...» [6, с. 132]. Письмо И.С. Тургенева говорит, что Миклухо-Маклай один из первых среди российских исследователей увидел страдания парижских коммунаров в заключении.

Штрафная колонизация Новой Кaledонии вызвала справедливое возмущение местного населения – канаков. В 1878 г. они подняли восстание. Оно охватило значительную часть острова, прежде всего центральные районы и западное побережье, где наиболее интенсивно шла французская колонизация. Жители этих областей больше других страдали от изъятия клановых земель, от передачи все новых и новых территорий французским колонистам и освобожденным каторжникам, от постоянного вмешательства администрации в традиционный жизненный уклад. Вместе с тем состав участников восстания довольно четко отражал специфику новокaledонского общества, находившегося на стадии разложения общинно-родового строя; солидарность определялась этнокультурной близостью племен, их традиционными отношениями (вражды, дружбы, нейтралитета). Колониальным властям удалось внести раздор в ряды восставших и привлечь на свою сторону часть племен. Военный руководитель восставших Атай был предательски убит, и вскоре после этого восстание, длившееся девять месяцев, было подавлено. Как писала участница Парижской Коммуны 1871 г. Луиза Мишель, «оно было потоплено в крови; мятежные трибы были наказаны расстрелом каждого десятого» [4, с. 211].

Луиза Мишель, известнейшая анархистка и деятельница Парижской Коммуны, написавшая воспоминания «Коммуна», вспоминала также о том, что накануне восстания несколько юношей – туземцев пришли попрощаться с ней. «Я отдала им свой красный шарф. Он был со мной на баррикадах Коммуны, я сумела провезти его через все обыски. Этот шарф я разорвала пополам, отдав им половину» [2, с. 20–21]. Восстание было жестоко подавлено, лишь нескольким канакам удалось добраться до соседних островов.

На острове находились и приюты для несовершеннолетних преступников и сирот. Также в этих приютах содержались дети концессионеров. «Тюремная администрация содержит интернаты: для мальчиков – в Бурiali, для девочек – в Фонвари. Воспитание в первом ведется братьями религиозного ордена, а во втором – сестрами ордена Святого Джозефа де Клани. Я (Дриль Д.А. – М.Л.) имел случай осмотреть только последний, проездом в Ля Фуа. Он рассчитан на 138 девочек, которых во время моего посещения было 134. Одни взяты тюремной администрацией потому, что родители их лишены родительской власти. Другие помещены добровольно самими родителями с условием оставить их на попечении заведения до шестнадцати, а по усмотрению администрации и до восемнадцатилетнего возраста, под угрозой возмещения в противном случае всех издержек содержания, считая по 425 франков в год. В заведении девочки получают первоначальное образование и обучаются работам в саду-огороде, шитью, хозяйству и пению. Содержание каждой воспитанницы обходится в 400 франков в год, исключая стоимости содержания и платы сестрам. Их восемь; они получают сравнительно скучное содержание (600 франков в год) и отдаются делу по призванию» [7, с. 57]. Дети концессионеров стали основой современного населения Новой Кaledонии, потомками французских переселенцев.

Новокаледонская ссылка была прекращена после долгих дискуссий в 1896 г. После закрытия ссылки каторжников стали вновь ссылать во Французскую Гвиану, которая в свою очередь прекратила свое существование лишь в 1952 г.

Список литературы

1. Алеман Ж.С. С баррикад на каторгу. – Л.: Ленгихл, 1933. – 244 с.
2. Беленький М. Эпилог на Сосновом острове // Вокруг света. – 1971. – №3.
3. Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. – СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1897. 174 с.
4. Мишель Л. Коммуна. Из воспоминаний. – М., Л.: Государственное издательство, 1926. – 220 с.
5. Рошфор А. Приключения моей жизни. – М., Л.: Academia, 1933. – 452 с.
6. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 13. Кн. 2. – М.: Наука, 1968. – 503 с.
7. Таганцев Н.С. Ссылка и высылка как уголовное наказание // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – №4.
8. Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1881. – 342 с.

Русинова Надежда Германовна

аспирант

Магуськин Виктор Владимирович

канд. техн. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-98522

К ВОПРОСУ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА ЧЕБОКСАРСКОЙ ГЭС (1968–1974 гг.)

Аннотация: в статье ставится цель исследовать вопрос проектирования и строительства Чебоксарского гидроузла в период с 1968 по 1974 г. На основе принципов историзма и объективного анализа рассмотрены основные этапы по реализации плана строительства ГЭС в начальный период. В работе приведены основные показатели проекта. Представлены архивные документы, в которых рассматриваются проблемы, возникающие при сооружении объекта. В результате исследования выяснены некоторые причины, по которым сроки строительства станции не соответствовали плановым показателям. Материалы статьи могут быть использованы для дальнейшего исследования данной темы, а также при написании краеведческих работ.

Ключевые слова: Чебоксарская гидроэлектростанция, история строительства, гидроузел, проектное задание, ресурсы, график финансирования.

Чебоксарская гидроэлектростанция является пятой ступенью Волжского каскада ГЭС. С водом в эксплуатацию гидроузла заканчивается реконструкция Волги. Реконструкция Волги началась еще в 30-х гг. прошлого века. В настоящее время на Волге установлены восемь гидротехнических сооружений. По установленной мощности Чебоксарская ГЭС занимает третье место среди гидроэлектростанций Волжско-Камского каскада [7, с 75]. Гидроузел имеет комплексное значение. Его строительством решается не только проблема энергетики, но и проблема развития речного и автодорожного транспорта. Создание регулируемой емкости в водохранилище позволяет увеличить водообеспеченность 250 тыс. га орошаемых земель. Для Чувашской республики этот объект должен был сыграть судьбоносную роль, стать основой для её превращения в передовой промышленный район страны [6, с. 421].

Проектирование

В состав основных сооружений гидроузла входят: здание гидроэлектростанции, совмещенное с водосбросами, водосливная плотина, судоходный шлюз с нижним подходным каналом и ограждающей дамбой, ограждающая дамба аванпорта и земляная плотина. Бетонные сооружения у правого берега р. Волги. Проектное задание по строительству Чебоксарской ГЭС разработал Всесоюзный ордена Ленина проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт «Гидропроект им. С.Я. Жука» Куйбышевский филиал. Документ утвержден в 1968 г. По

заданию срок строительства устанавливался 6 лет. Полная сметная стоимость составляла 508,6 млн. руб. Себестоимость электроэнергии должна была составить 0,23 коп. за 1 кВч. Срок окупаемости – 8 лет [1, л. 7].

В соответствии с проектом, Чебоксарская ГЭС должна обеспечить электроснабжение дефицитных по топливу районов центра и Поволжья. Гидроузел создаст глубоководный путь на наиболее грузонапряженном участке реки Волги от г. Городца до г. Чебоксары. Этим будет завершена реконструкция Волжского водного пути от Москвы до Астрахани. По сооружениям ГЭС проложат переход на автомагистрали Горький-Казань. Также рассматривалась возможность строительства в перспективе 2-путного железнодорожного перехода по сооружениям ГЭС [1, л. 7–8].

Численность рабочих и служащих в напряженные годы строительства по проекту должна составить 12390 человек. В связи с этим, необходимо обеспечить строителей жильем, предприятиями питания, детскими садами. Так, предстояло построить капитальных домов общей площадью 129,4 тыс. м², а объектов культурно-бытового строительства – 257 тыс. м² [1, 27–28].

Как только проект был утвержден, началось строительство станции. Но в первые годы было недостаточное финансирование. Основное внимание уделялось подготовительным работам. Для ведения строительных работ необходимо, прежде всего, ресурсное обеспечение. Шло согласование с ресурсоснабжающими организациями. Например, отпуск хозяйственно-питьевой воды для проектируемой хозяйственной базы станции и противопожарного водопровода от Чебоксарского Химкомбината в объеме 5700 м³/сут. [3, л. 7]. Теплоснабжение подсобных предприятий строительства организовали от ТЭЦ Химкомбината в объеме 38 Гкал/час в виде поставки горячей воды с параметрами 150–70°C, а также пара в количестве 50 т/час [3, л. 8–10].

Строительство

Согласно проектному заданию и комплексному сетевому графику, разработанному Куйбышевским филиалом института, начало работ по строительству станции привязано к 1 августа 1968 г [4, л. 1–2]. В течение 2-х месяцев в соответствии с сетевым графиком намечено производство работ по подготовке нулевого цикла строительства жилья, верхней площадки, намыву перемычек и ряд других работ.

Фактически некоторые строительно-монтажные работы начались раньше. Так Волго-Камский участок треста «Гидромонтаж» в течение лета 1968 г. вел работы по устройству дорог и площадок, монтажу зданий, отделке подсобно-производственного корпуса. Участок Гидромеханизации, созданный на строительстве Чебоксарской ГЭС в мае 1968 г., приступил к намыву подводной части низовой перемычки 10 июля. В июле же в управление «ЧебоксарГЭССтрой» влилось СМУ СУ-ТЭЦ Главгидроэнергостроя. Численность управления к концу 1968 г. составила 490 рабочих и служащих [4, л. 2].

В первые два года строительства ГЭС работы велись с отставанием от графика. Это было связано с несколькими причинами, а именно недостаточным финансированием, плохой поставкой конструкций, материалов, отставанием работ по электроснабжению.

Переломные события XIX-XXI вв. в свидетельствах современников

Развернутое строительство Чебоксарской ГЭС началось в 1970-м году. Широким фронтом развернулись работы по срезке откосов правого берега с одновременным перемещением грунта в насыпь нижней стройплощадки. Не снижались темпы работ на объектах верхней стройплощадки. Были выполнены фундаменты производственных зданий базы «Механизации» и автобазы на 500 машин. Сдан I этап строительно-монтажных работ по домостроительному комбинату [2, л. 3]. Но на стройке пока еще не все обстоит благополучно. Ощущается недостаток в снабжении строительными материалами и наличии механизмов. Достаточно сказать, что в летнее время 1,5 месяца отсутствовал цемент на стройке, что сказалось на срыве плана пуска домостроительного комбината I очереди. На несколько месяцев был приостановлен монтаж крупнопанельного дома из-за отсутствия пригодных к монтажу сборных железобетонных элементов. Железобетонные панели доставлялись из г. Набережные Челны. Из комплекта дома большой процент сборных элементов после многократных перегрузок, а также во время транспортирования до стройплощадки приходил в негодность, имелись сколы и трещины [2, л. 21]. Остро стоял вопрос строительства собственного домостроительного комбината.

Данные по финансированию и освоению капиталовложений на строительстве Чебоксарской ГЭС в период с 1968 по 1974 г. представлены в табл. 1. Графики плановых и освоенных капиталовложений и строительно-монтажных работ изображены на рис.1. Наблюдается рост финансирования до 1971г., затем снижение капиталовложений. Фактическое освоение капиталовложений постоянно отстает от плана. Процент недовыполнения в разные годы различный, но особенно низкие показатели в 1973 и 1974 гг. Это связано с несколькими причинами. Управление Главгидроэнергостроя не достаточно контролировало объект. Это сказалось, прежде всего, на поставках материальных ресурсов. Так, например, в 1973 г вместо запланированных 52 тыс. тонн цемента получено только 20 тыс. тонн, вместо 12 тыс. тонн металлоконструкций получено 5 тыс. тонн. Строительство гидроузла ощущало недостаточную обеспеченность механизмами, т.к. часть машин была переброшена на строительство ТЭЦ-2. Главгидроэнергострой принял решение в 1973 г. форсировать работы на ТЭЦ-2 и приостановить работы по ГЭС и ОРУ [5, л 36].

Таблица 1

Финансирование и освоение капиталовложений
на строительстве Чебоксарской ГЭС

Годы	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974
Кап. вложения, тыс. руб.							
План	2300	4440	11060	19620	16651	16800	14910
Факт	1605	5170	9745	12438	11730	7568	7385
СМР, тыс. руб.							
План	1620	3510	8600	11580	14576	12700	10800
Факт	962	4048	8127	10966	10424	6746	6311

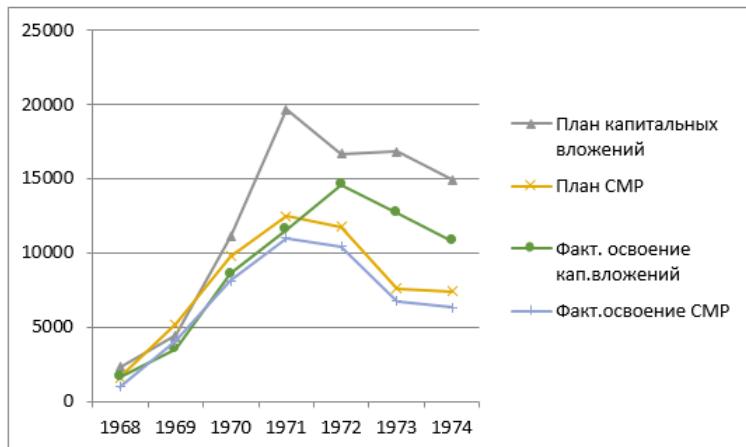

Рис. 1. График финансирования и освоения капиталовложений на строительстве Чебоксарской ГЭС в период 1968–1974 гг.

На снижение темпов строительных работ повлияли и некоторые ошибки в строительстве. Так, например, при разработке правого берега котлована шлюза работы велись с нарушением технологии. В результате после выемки первого яруса котлована до слоя известняков при подрезе откоса в июле 1973 г. начались оползневые подвижки грунта протяженностью до 300 м. Осенью 24 октября после обильных продолжительных дождей произошел значительный обвал грунта. Необходимо было удалить сползший массив грунта и заменить его песками. В связи с этим, работы по устройству котлована шлюза откладывались на полгода [5, л. 25–26].

Таким образом, строительство Чебоксарского гидроузла началось в 1968 г. До этого времени велись подготовительные работы. В соответствии с проектным заданием продолжительность строительства составляла 6 лет. Однако фактически работы велись с отставанием от графика в силу ряда причин. Сроки пуска объекта сдвигались. В результате продолжительность строительства увеличивалась на несколько лет.

Список литературы

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. Р-3211. Оп. 01. Д. 8.
2. ГАСИ ЧР. Ф. Р-3211. Оп. 01. Д. 43.
3. ГАСИ ЧР. Ф. Р-3211. Оп. 01. Д. 6.
4. ГАСИ ЧР. Ф. Р-3211. Оп. 01. Д. 10.
5. ГАСИ ЧР. Ф. Р-3211. Оп. 01. Д. 91.
6. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальные автономии (1920–1930-е годы) / Е.К. Минеева. – Чебоксары: Изд-во Чувашия, 2009. – 594 с.
7. Русинова Н.Г. Становление и развитие Чебоксарской ГЭС: к историографии вопроса // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1. №3. – С. 75–80. doi: 10.47026/2712-9454-2020-1-3-75-80

Тайгильдин Андрей Валерьевич

старший лаборант, аспирант
ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

НЭШВИЛЛЬСКИЙ КОНВЕНТ 1850 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ ДЖЕЙМСА ГЕНРИ ХАММОНДА

Аннотация: нэшвилльский конвент 1850 года является важным этапом в истории сепрессионистского движения в США. Именно в это время на Юге активизировалась деятельность радикальных сторонников отделения южных штатов из состава Союза – «пожирателей огня». Одним из них был политик из Южной Каролины Джеймс Генри Хаммонд, оставивший после себя дневник, в котором он не только описывал происходящие с ним события, но и давал оценку политическим процессам в стране, а также размышлял о будущем южных штатов. В заключение сделан вывод, что Хаммонд понимал основные проблемы объединения Юга и имел план по дальнейшему сближению рабовладельческих штатов, однако ему не хватало политической активности, чтобы продвигать или реализовывать этот план.

Ключевые слова: история США XIX века, Нэшвилльский конвент 1850 года, сепрессионистское движение, пожиратели огня, Джеймс Генри Хаммонд.

1850-е годы для американцев стали решающими в расстановке политических сил в стране. К этому времени уже сформировались два политически непримиримых региона: Юг и Север. Оба региона претендовали на политическую гегемонию в стране, однако это противостояниеочно держалось на экономическом базисе: политическая поддержка была необходима для экономического развития этих регионов. Северные капиталисты использовали свободный наемный труд, создавали из американских штатов единое экономическое пространство, тогда как рабовладельцы южане расширяли свои плантаторские владения с целью увеличить доход от продажи хлопка и других плантационных культур. Идеологически в этот спор вклинивался вопрос о рабстве: северные аболиционисты видели в нем греховный институт, подлежащий уничтожению, а южане считали, что северяне вмешиваются в их личные дела, не имея моральных и политических прав. На протяжении всей первой половины XIX века эти противоречия порой ставили существование американского государства под угрозу. Но всегда удавалось находить компромиссы. В 1820 году разгорелся спор вокруг принятия штата Миссури. Тогда удалось решить эту проблему компромиссом, по которому штат Миссури принимали как рабовладельческий, штат Мен – как свободный, и была утверждена линия 36°30' с.ш., выше которой штаты должны быть свободными, а ниже – рабовладельческими. Чтобы сохранить баланс сил, было принято решение принимать по два штата: один рабовладельческий, один свободный.

В 1833 году из-за двух тарифов 1828 и 1833 годов разразился нуллификационный кризис. Согласно тарифам на иностранные товары накладывались высокие пошлины, что было не выгодно южным штатам, закупающим товары в Европейских странах, в первую очередь в Англии. Самую жесткую позицию заняла Южная Каролина. Идеологом нуллификов был Джон Кэлхун. Нуллификаторы полагали, что штат имеет право отменять законы федерального правительства, если он противоречит интересам штата. Президент Эндрю Джексон посчитал это мятежом и жестко раскритиковал нуллификов. Благодаря жесткой позиции президента и слабой поддержки Южной Каролины другими штатами конфликт был исчерпан.

Однако все это время южане обрастили идеологическими основами для отстаивания своих прав, тем более с 1833 года активизируется деятельностьabolиционистов на Севере с выходом газеты «Освободитель» (Liberator) Уильяма Ллойда Гаррисона, одного из самых ярких представителей движения освобождения.

Отношения снова обостряются после успешной американо-мексиканской войны 1846–1848 годов и присоединения огромных территорий, включая Техас и Калифорнию, к Соединенным Штатам. Большая часть этих территорий лежала ниже линии 36°30' с.ш. установленной в 1820 году, однако эта договоренность распространялась только на Луизианскую покупку, что дало северянам повод попытаться объявить эти территории свободными от рабства. К этому времени южане были более подготовлены и уже координировали свои действия.

Южане начали говорить об отделении, которое может последовать, если их права не будут соблюдены. 19 апреля 1849 года собрался съезд демократов в Теннесси, на котором был дан старт сепаратистскому движению 1850 года. Главной идеей съезда было непринятие любого закона, запрещающего передвижение со своей собственностью, так как это являлось, по их мнению, нарушением прав штатов. На съезде пообещали поддержать Вирджинию и южные штаты, если их права будут попраны [6, р. 316].

В 1850 году состоялся Нэшвилльский конвент. 4 июня 1850 года состоялась первая встреча южан, представлявших ряд рабовладельческих штатов. Главной целью этой встречи было проведение объединенного протеста Юга против попытки изгнать южан со своими рабами с национальных территорий, недавно выигранных у Мексики, другими словами, протестовать против всех форм поправки Уилмота. Исходя из этого, причиной конвента были споры вокруг новоприобретенных земель. В это же самое время в Вашингтоне происходили яростные дебаты, и Генри Клей, «великий миротворец» разработал план очередного компромисса. На этот раз на Юге была сильна позиция противников всякого компромисса – «пожирателей огня», сторонников сепарации.

Обычно, не только в отечественной, но и в американской литературе обращают внимание лишь на лидеров сепарационистского движения, таких как Уильям Лоунден Янси, Роберт Б. Ретт, Джеймс Дебоу и некоторых других. Джеймс Хаммонд из Южной Каролины чаще обходится стороной, хотя именно он озвучил на государственном уровне распространенную среди рабовладельцев теорию «mud-sill» (фундамент), согласно которой, в каждом обществе есть прослойка людей выполняющих всю тяжелую и

грязную работу и являющихся фундаментом общества, но только на Юге белый человек освобожден от этого, так как роль фундамента выполняли чернокожие рабы [2]. Кроме того, в родном штате Хаммонд пользовался авторитетом и популярностью, и на выборах в Сенат в декабре 1850 года он занял второе место, получив 50 голосов после Р.Б. Ретта, набравшего 56 голосов. Р. Барнуэл, занявший третье место, получил всего 27 голосов [5, р. 214]. Таким образом, мы можем поставить Хаммонда на третье место по значимости среди политиков Южной Каролины после Д. Кэлхуна и Р.Б. Ретта.

Джеймс Хаммонд занимал умеренно экстремистские позиции по вопросу о выходе из Союза, полагая, что отделяться необходимо либо всему Югу, либо вообще не отделяться. Благодаря его активной политической жизни, сохранилось множество его речей и выступлений, но, наверно, самые ценные сведения, раскрывающие всю полноту его натуры, содержатся в его дневнике [5]. К сожалению, в России нет переводов его трудов, хотя в США письменное наследие политиков, деятельность которых привела к Гражданской войне, периодически публикуется. Д. Хаммонд вел дневник с 1836 года и вплоть до своей смерти в 1864 году. Однако свои мысли по поводу политических событий и их описание он дает с 1841 по 1862 год. Ранние записи не имеют какой-либо структуры и представляют собой набор случайных заметок, а поздние записи касаются лишь производственных дел на плантации. Так как цель данной статьи показать Нэшвилльский конвент глазами Д. Хаммонда, нас интересуют записи 1849–1850 годов.

Д. Хаммонд участвовал только в первой сессии конвента. Отношение к конвенту было двояким. Он писал, что «либо ничего не поменяется, либо это будет величайшее событие с 1790 года» [5, р. 193]. Во время выбора делегатов от Южной Каролины Д. Хаммонд был в столичном округе и не знал все подробности голосования. Он был огорчен тем, что его кандидатуру не отклонили после первого тура голосования. «Все это выдает меня как человека, борющегося за почести. Мне не хочется туда ехать. Если бы я знал, кому отказывать, я бы отказался. Но так как нет возможности это сделать, отказ был бы оскорбительным, и мог быть использован против меня. Меня не утешает, что я обошел тех, кто желал попасть в делегацию» [5, р. 196]. Попутно он занимался агитацией в штате Джорджа за отправку делегатов в Нэшвилл.

Говоря о весенней сессии Конгресса, Д. Хаммонд подчеркивает, что почти ничего не обсуждалось кроме вопроса о рабстве и отделении от Союза. Доклады южан были направлены на то, чтобы показать все преимущества отделения Юга [5, р. 197]. Однако у Д. Хаммонда были опасения, что южане и северяне снова договорятся еще до съезда в Нэшвилле. Он подготовил проект резолюции для обсуждения на конвенте, в котором предлагал немедленноозвать Генеральный Конгресс, наделенный правом объявить отсоединение, сформировать новую Конституцию и организовать новое правительство, а до тех пор, пока новая конституция не вступит в силу, все полномочия передать временному правительству [5, р. 198].

28 мая Д. Хаммонд поехал на Конвент. К этому времени был уже известен план Генри Клея по урегулированию кризиса и Д. Хаммонд полагал, что теперь съезд бесполезен, так как градус накала уже спал.

Единственное, что, по его мнению, можно было сделать, это предложить поправку к Конституции, запрещающую обсуждать рабство. Однако даже в принятии такого решения он сомневался, опасаясь, что Конвент ограничится лишь принятием резолюции. Д. Хаммонд боялся, что Север будет вдохновлен на агрессию пассивностью Юга, если Юг не объединится и не разработает мер по борьбе [5, р. 201–202].

Он был на всех заседаниях и много работал, чтобы заложить основы для будущих конвентов. От делегатов Южной Каролины ожидали, что они будут настойчиво добиваться отделения, поэтому их позицией было «показать, что мы разумны и готовы пойти настолько далеко к объединению с любой партией сопротивления, насколько позволяли честь и безопасность» [5, р. 203]. По мнению Д. Хаммонда, в этом они преуспели и заложили основы для дальнейшего влияния среди южных штатов. Но после конвента, на съезде в Чарльстоне Р.Б. Ретт открыто заявил об отделении. Его осудили не только в Союзе, но и в родном штате. Генри Клей объявил его предателем. После чего начались нападки на некоторых участников конвента в Нэшвилле. Д. Хаммонд зачитал на съезде небольшую речь, отрывки которой попали в печать. Из-за этих отрывков его резко раскритиковал сенатор от Миссисипи Г.С. Фут, который выступал за принятие компромисса. Д. Хаммонд видел в этом повод для разгрома репутации Южной Каролины как лидера южного движения. В этом было зерно истины, так как Юг еще не был готов к отделению, что и показал Нэшвилльский конвент. Речь Р.Б. Ретта несколько утихомирила политиков Южной Каролины, и Д. Хаммонду было рекомендовано не выступать с речью, подготовленной к 4 июля по вопросу об отделении.

В период между сессиями в сентябре 1850 года был принят Сводный билль компромисса. Среди прочих пунктов резолюции Калифорния принималась как свободный штат, была установлена граница Техаса, запрещена работорговля в Округе Колумбия, но при этом само рабство в Вашингтоне сохранялось, и был ужесточен закон о беглых рабах [1, р. 246–147]. Принятие компромисса несколько сбавило градус напряжения, хоть южане и собирались на второй съезд в ноябре 1850 года.

На вторую сессию конвента Д. Хаммонд не поехал. Он приводит несколько причин, почему он не едет, среди которых главная – это то, что его не избрали в этот раз. Но среди прочих причин насчет второго съезда. Д. Хаммонд не верил в результативность съезда не потому, что считал, что все потеряно, а потому, что на второй съезд собралась лишь часть делегатов, и юнионисты могли это использовать в свою пользу, говоря, что лишь горстка радикалов пытаются говорить за весь Юг [5, р. 204]. Действительно, на первой сессии присутствовало 176 делегатов [3, 216–217], а на второй всего 59 [4, р. 253–254]. Это указывает на проблему объединения Юга как единого политического организма, которую южане не смогут решить вплоть до начала войны. Д. Хаммонд это хорошо понимал, и, несмотря на то, что Южная Каролина выступала за немедленное отделение, он писал: «я уже 20 лет выступаю за разъединение и верно – оно неизбежно. Но ни один штат не готов к этому и никто не последует за нами» [5, р. 206]. Но он видел, что «эти чувства распространяются по всем хлопковым штатам и, подогреваемые агрессивностьюabolitionистов, в скором времени будут доминировать настолько, что все смогут отделиться от Союза» [5, р. 206].

Второй съезд действительно оказался умеренным, не смотря на некоторые яростные речи, призывающие к отделению. Среди этих ярких выступлений была речь южнокаролинского политика Лэнгдона Чивза, которую Д. Хаммонд высоко оценил. Л. Чивз обвинял Север в агрессии к Югу, и теперь, считая, что правительство не справляется и не обеспечивает равенство сил регионов, видел выход только в объединении Юга и выхода его из состава США [7]. Но самому Д. Хаммонду не хватало решительности в этом вопросе. Он занимал осторожную позицию и опасался публичного признания в качестве сепаратиста. По его словам, он мог сделать большее, оставаясь в тени и не афишируя публично свои мнения. «Я буду радоваться нашей независимости, если она будет без какой-либо моей поддержки» [5, р. 206]. Вообще, попытка остаться в стороне прослеживается во всем дневнике Д. Хаммонда. Он старается не вмешиваться в открытые дебаты и часто намеренно упускает свои карьерные возможности как политика. Сам же процесс крушения Союза он видит неизбежным и поэтому лишний раз не требующим активного вмешательства. В этом же году смерть Д. Кэлхуна приводит Д. Хаммонда к мысли, что такие люди как Кэлхун и его современники: Уэбстер, Касс, Бентон и Клей, были звеньями в цепи Союза и удерживали его от разрушения. Он писал, что «через пять лет, когда их уже не станет, произойдут великие изменения» [5, р. 198–199].

Таким образом, Нэшвилльский конвент как важный этап в истории южного сепаратистского движения отразился в дневнике Джеймса Генри Хаммонда, политика и «пожирателя огня» из Южной Каролины. Из дневника мы можем увидеть, что южане показали себя не способными объединиться перед угрозой Севера, среди южан было много сторонников Союза, однако именно этот момент активизировал деятельность южных радикалов – «пожирателей огня». Многие политики выступили с речами, призывающими Юг отделиться от Союза, за что некоторые из них были раскритикованы не только северными политиками, но и южанами – сторонниками Союза. Сам Д. Хаммонд сомневался, что Юг способен на отделение в 1850 году, так как региону не хватало политической целостности, но он верил, что в ближайшее время идея сепарации укоренится в головах южан, старое поколение политиков сменится новыми радикалами, и объединенный Юг выйдет из состава США.

References

1. Congressional Globe, Senate, 31st Congress. 1st Session [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://memory.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=llcg&fileName=022/llcg022.db&recNum=88> (дата обращения 04.04.2021).
2. Hammond J.H. Address before the U.S. Senate (March 4, 1858) // The American debate over slavery, 1760–1865: an anthology of sources. – Indianapolis, 2016. – P. 271–273.
3. Herndon, Dallas T. The Nashville Convention of 1850. Montgomery, Ala., 1905. – P. 203–237.
4. Jennings T. The Nashville Convention. Southern Movement for Unity, 1848–1851. – Memphis State University Press, 1980. – 310 p.
5. Secret and Sacred. The Diaries of James Henry Hammond, a Southern Slaveholder. – Oxford University Press, N.Y., Oxford, 1988. – 342 p.
6. Sioussat, St. George Leakin. Tennessee, the Compromise of 1850, and the Nashville Convention. Valley Historical review, Vol. II, December, 1915. – P. 313–347.
7. Speech of Hon. Cheves Langdon in the Southern Convention, at Nashville, Tennessee. November 14, 1850. 30 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://texashistory.unt.edu/ark:/67531/metapth498762/> (дата обращения: 04.04.2021).

Цыганова Ирина Викторовна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Омский государственный

педагогический университет»

г. Омск, Омская область

DOI 10.31483/r-98297

АНГЛО-ЯПОНСКИЙ СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР 1902 г. В ОЦЕНКАХ РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация: в статье предпринимается попытка представить реакцию русской периодической печати на подписание в 1902 г. союзного договора между Великобританией и Японией. Автором выявляется тематика и анализируется содержание публикаций как столичных, так и провинциальных изданий. Делается вывод о том, что факт оформления англо-японского союза получил широкое отражение и далеко неоднозначную, а подчас и противоречивую оценку на страницах российских газет и журналов того времени.

Ключевые слова: англо-японский договор, блестящая изоляция, Великобритания, Дальний Восток, периодическая печать, Россия, Япония.

О подписании в Лондоне англо-японского соглашения в России стало известно через несколько дней. Уже 2 февраля 1902 г. газета «Петербургский листок» сообщала своим читателям, что «европейские и азиатские «просвещенные мореплаватели» заключили между собой военно-политический союз». При этом, подчеркивалась важность данного события, а сам договор определялся как «серезный» и заключенный «на равных условиях» [10].

Цель данного исследования – рассмотреть содержание публикаций и выявить оценки, данные в русских периодических изданиях союзному договору между Великобританией и Японией, заключенному 30 января 1902 г.

Пресса пыталась разобраться в мотивах, вследствие которых стороны пришли к своему союзу, определить, какой из договаривающихся сторон условия договора были более выгодны, и как к подобному союзу следует относиться России. Практически все издания, поместившие известие о состоявшемся между Великобританией и Японией соглашении, были единодушны в том, что «серезный договор на равных условиях, заключенный между государством европейским и азиатским, представляет собой факт, без сомнения, выходящий из ряда вон» [10]. Одновременно указывалось, что в целом, «англо-японское соглашение мало что вносит в сущность отношений Англии с Японией», так как «кобе островные державы давно уже действуют заодно...» [8]. В подтверждение этому, газета «Курьер» приводила высказывание британского министра иностранных дел лорда Ленсдауна: «Соглашение это может быть рассматриваемо как результат событий, происходивших в течение последних двух лет на Дальнем Востоке, и той роли, которую играли в них Великобритания и Япония. В продолжение всех смут и осложнений, возникших в Китае вслед за боксерским восстанием и нападением на пекинские посольства, обе державы

находились в тесном и непрерывном сообщении друг с другом и действовали под влиянием одинаковых взглядов» [4].

При этом, выясняя обстоятельства, способствовавшие принятию каждой из держав решения о вступлении в союз, русские периодические издания справедливо указывали на большую активность Великобритании, которая, по мнению журнала «Наблюдатель», «сознавая свое критическое положение и чувствуя свою изолированность, заигрывала с Соединенными Штатами, пробовала любезничать с Германией, а последнее время остановила свое внимание на России». «Но ни с кем ей не удалось заключить союза, за исключением англо-германского соглашения по вопросам, касающимся Дальнего Востока, – резюмирует автор публикации. – Принцип «как можно меньше дать союзнику» и как можно больше взять от него», которым руководствуются английские политические деятели, не мог понравиться ни одной из держав, с которыми Великобритания думала заключить союз...» [7, с. 7]. Похожая оценка внешнеполитических устремлений Великобритании была дана в статье под заголовком «Английские договоры», помещенной в февральском номере газеты «Петербургский листок». Ее автор критиковал неумеренную склонность Англии к заключению всевозможных договоров и соглашений, объясняя это ее боязнью оказаться в «блестящем одиночестве». А также, указывал на большую склонность кабинета Солсбери «к дипломатическим переговорам и к заключению трактатов выгодных только Англии» [12].

Следует сказать, что в отношениях Англии и Японии, предшествовавших подписанию договора о союзе, далеко не все было гладко и не существовало полного единства взглядов и целей – каждая из сторон стремилась удовлетворить прежде всего свои интересы, причем, способы действия у держав также были различны. Как указывала газета «Новое время», «Англия толкает Японию вперед одну, а Япония настаивает, чтобы Англия шла с нею рядом, угрожая в противном случае согласиться с Россией» [8]. Несомненно, Великобритания было легче договориться об антироссийском союзе с Японией, чем с Германией. Помимо того, что русско-японские противоречия в тот период были острее, чем противоречия между Германией и Россией, они были сосредоточены в том районе (Корея, Маньчжурия, Северный Китай), который интересовал и англичан. Японцев было легче и, казалось тогда, безопаснее привлечь для укрепления обороны других азиатских владений Англии [2, с. 109.]. Но, по мнению газеты «Петербургский листок», даже после заключения «английского договора с желтолицею нацией Востока, при помощи которого Великобритания постаралась обезопасить свои интересы на Дальнем Востоке», так старательно маскируемое одиночество Англии не только не прекратилось, «а лишь выступило еще более рельефно. Общее недоверие к Англии осталось в прежней силе, несмотря на договоры...» [12]. Противоположную оценку находим на страницах «Петербургской газеты»: «Что касается Англии, то надо заметить, что, заключив ныне союз с Японией, она вышла из той сферы «полной изолированности», которая до сих пор считалась британской дипломатии верхом политической мудrosti и проницательности. Со временем Крымской войны Англия ни с кем не заключала никаких союзных договоров, полагая, что она достаточно сильна, чтобы защищать, где бы то ни было, свои интересы и в принятом

ею положении «splendid isolation»... Очевидно, что отныне британская политика... вступила на совсем новый путь, находя, что «блестящая изолированность» уже не соответствует нынешнему положению Англии и, что без союзников не обойтись и ей...» [15].

Пытаясь определить значимость только что заключенного союза, авторы публикаций указывали, что Великобритания «берет на себя щекотливые и тягостные обязательства союзницы чужого государства в весьма обширной области интересов на Дальнем Востоке» [1, с. 369]. Так в одном из номеров «Нового времени», например, можно было встретить даже такое суждение: «Англия страшно пала, если дошла до союза с желтыми. Но, с другой стороны, ... так как эти желтые имеют хорошие войска и так как они наивно предоставили их в распоряжение англичан, то последние, конечно, выиграли, и выиграли очень много...» [9]. Следовательно, по мнению газеты, «падение Англии» оправдано и компенсировано с избытком теми выгодами, которые представил ей этот союз. А вот газета «Московские ведомости», часто подвергавшая в своих материалах критике прогерманскую направленность внешней политики русского правительства, поместила статью под говорящим названием «Новая «победа» Англии», где был дан подробный и, в целом, глубоко негативный анализ последствий для Великобритании двух соглашений, заключенных с Герmaniей (1901 г.) и с Японией (1902 г.). Автор публикации критиковал утверждение, что англо-японский договор заключен державами с целью «поддержания мира на Дальнем Востоке и целостности Китая и Кореи» и «наносит поражение планам России» [6]. Напротив, в статье подчеркивалось, что «англичанам положительно не удаются ни военные, ни дипломатические победы», которые «всегда не только напоминают известную шекспировскую комедию «Много шума из ничего», но и получают, в конце концов, совершенно обратное значение». Автор настаивал также на том, что союз с Японией не приветствовался не только за пределами Англии, но и внутри страны, что подтверждало, по его мнению, тот факт, что «Англия испытывает уже четвертый год на всех пунктах своей не по силам заносчиво хвастливой политики жалкое фиаско... и она уже тому рада, что ей соблаговолила протянуть руку маленькая Япония» [6].

Активно дискутировался в русской прессе вопрос о том, что же означает данный союз для Японии. Соглашаясь с утверждением, что сам по себе «этот международный акт любопытен во многих отношениях», журнал «Вестник Европы» писал: «Сделаться постоянной и вполне равноправной союзницей Англии для преследования общих с ней целей во внешней политике – было в высшей степени важно для Японии, независимо от практического значения и последствий союза» [1, с. 369]. По мнению же газеты «Новое время», для японцев в этом договоре «наиважнейшим было заручиться помощью в борьбе с Россией» [8], чего она, в итоге, и получала, согласно его условиям. «Подписание союзного трактата с европейской великой державой – крупное удовлетворение японскому тщеславию, и союз как бы обязывает Англию действовать на Дальнем Востоке во всем заодно с Японией», – писал Аргус в статье «Англо-японское соглашение (Первое впечатление)» в газете «Новое время» [8]. Ему вторил корреспондент «Петербургского листка»: «В Японии чувствуют, главным образом, нравственное удовлетворение по поводу договора с

Англией... Действительно, нация, которая недавно еще считалась варварскою, теперь оказалась в состоянии вступить, на равных правах, в соглашение с одною из великих держав Европы». Хотя, далее автор высказывал категоричное мнение о том, что «практических выгод от договора этого вряд ли может ожидать какой-либо серьезный японский государственный деятель. Если рукоплескали чему в Токио, то именно мысли о пользе договора для японского престижа» [11]. В мартовском номере газеты «Сибирская жизнь» сообщалось, что «для присутствия на торжествах коронации английского короля Эдуарда VII и более прочного скрепления англо-японского союза, Япония предполагает послать в Англию три военных броненосца». При этом, издание уточняло, что «это будет только третий случай, когда японские суда войдут в воды Западной Европы» [18]. Несомненно, заключение союзного договора было определенным образом выгодно как одной, так и другой стороне – Великобритания нарушила свою «блестящую изоляцию», Япония же укрепила свой авторитет на международной арене [3, с. 537].

На страницах русских периодических изданий нашли широкое обсуждение условия, на которых был оформлен англо-японский союз. Так журнал «Вестник Европы» писал, что «обе державы заключили между собой настоящий активный союз, – по-видимому, оборонительный, но в сущности также наступательный» [1, с. 368]. Согласно условиям договора «оба государства намерены охранять независимость и неприкосновенность Китая и Кореи. В случае нападения какой-либо державы на Китай и Корею Англия и Япония совместно желают принимать меры для охраны своих интересов. Если Япония окажется в войне с кем-либо, то Англия обязывается мешать другим государствам вмешиваться в эту войну, и наоборот, те же обязательства берет на себя и Япония в случае какой-либо английской войны. В случае нападения на одно из союзных государств двух или нескольких держав, Англия и Япония обязуются вести войну совместными усилиями. По делам Китая и Кореи, кроме того, оба договаривающихся государства обязуются не иметь друг от друга никаких секретов» [10]. Выходило, что подписанный договор в большей степени был выгоден Японии. «Индия в нем не упоминалась, а в отношении Кореи и Маньчжурии договор обеспечивал Японии все, чего добивалось ее правительство. Он давал ей возможность начать войну против России, обладая уверенностью, что ни одна держава не окажет России вооруженной поддержки из опасения столкнуться уже не с одной Японией, но и с Англией – ее союзницей» [3, с. 537–538]. Япония, таким образом, после заключения союза с Англией чувствовала себя уверенной в том, что могла навязать свою волю силой. В частности, это касалось России, отношения с которой у Японии обострялись [19, р. 4].

Так как ход переговоров о союзе держался в тайне и осведомлены о его подписании были только Германия и США, для всех остальных держав опубликование договора между Англией и Японией, в известной степени, явилось большой неожиданностью. «Тайна этих переговоров так тщательно сохранялась, – отмечал бельгийский дипломат де Мэн, – что русская миссия в Токио даже не почувствовала, как английский министр иностранных дел «подложил бомбу», которая так внезапно разорвалась» [20, р. 155]. И русскую прессу, естественно, занимал вопрос, насколько опасен этот

союз для России? Газеты и журналы помещали на своих страницах множество рассуждений по этому поводу, которые в основном сводились к двум точкам зрения: сторонники первой утверждали, что союз опасности для России не представляет и даже ей выгоден, а те, кто был с ними не согласен, настаивали на том, что союз этот напрямую направлен против России.

Успокоительные суждения содержались в материалах газеты «Петербургский листок», которая убеждала читателей в том, что «для России договор этот не представляет повод к каким-либо новым опасениям и тревогам» [10]. «Само подписание такого договора, – продолжала ее мысль «Петербургская газета», – является собой полное торжество русских политических взглядов на отношения к Китаю и Корее, так как провозглашенное в соглашении желание Англии и Японии поддерживать независимость и неприкосновенность Китая и Кореи является именно краеугольным камнем нашей русской политической программы на дальнем азиатском Востоке» [15]. Отсюда следует, что подписанный союзный договор «мог встретить со стороны нашего правительства только невозмутимое отношение как к дипломатическому акту, нисколько не изменившему … положение вещей на политическом горизонте» [16]. Газета «Курьер», делая обзор правительенного сообщения об англо-японском соглашении, также утверждала: «Сущность заключенного между Англией и Японией договора нисколько не противоречила той политике, которой придерживалась Россия со времени возникновения осложнений в Китае». «В интересах ли России противодействовать такому соглашению?» – задавал вопрос автор публикации. И, далее твердо заявлял, что «ответ на это может быть дан только отрицательный» [5]. В материалах «Петербургской газеты» также содержались заверения, что англо-японский союзный договор представлял собой «сильный оплот общего миролюбия», и что у России не может быть никакого основания «видеть в нем событие, не соответствующее ее интересам». Более того, утверждалось, что России надлежало «приветствовать то отрадное явление, что ныне Англия и Япония всецело прониклись провозглашенными впервые русской политикой стремлениями, признав их единственными целесообразными в целях защиты и обеспечения на Дальнем Востоке столь желательного для всех мира и порядка» [15].

В свою очередь, «Сибирская жизнь», напротив, отмечала: «Союз этот – большая дипломатическая ошибка нашего правительства. Ввиду южно-африканских событий, положение Англии стало весьма затруднительным и, на дипломатической арене западных держав она почувствовала себя обособленной, теперь же она может заявить Европе, что, приобретя себе на Востоке самого сильного союзника, она этим самым приобрела себе верного охранника своих восточных интересов» [17]. А газета «Наблюдатель» напрямую утверждала, что «острие … англо-японского оборонительного и наступательного союза… направлено против России. Оба заключившие его государства в одинаковой степени косо посматривают на устремление русского влияния на Дальнем Востоке» [7, с. 8]. Сам «факт сближения наших двух соперници… весьма важен, и в нем нельзя не видеть нового доказательства, что Англия не намерена отказываться от своей традиционной враждебной нам политики» [7, с. 9]. Хотя в тексте договора, по понятным причинам, Россия как возможный противник

Англии и Японии не упоминалась, но во время переговоров между министром иностранных дел Великобритании Ленсдауном и японским посланником Хаяши Россия совершенно открыто называлась как та страна, с которой возможен военный конфликт, как страна, против которой, собственно, и заключался договор. Никто из участников переговоров этого не скрывал [2, с. 121–122].

«Англо-японский договор ставил Англию и Японию единственными распорядителями судеб Дальнего Востока, – писала газета «Петербургский листок». «Эти державы взяли на себя вовсе не принадлежавшее им право исключительной охраны Китая и Кореи. Они хотели следить за тем, чтобы никто не захватывал китайские или корейские земли, причем обе они взоры или поодиночке заранее объявляли войну всякому притязателю на охраняемые ими земли». И далее автор статьи по этому поводу едко замечает: «На подобную монополию в охране Дальнего Востока никто не уполномочивал ни Японию, ни Англию» [13]. Что же касается истинных стремлений Великобритании и Японии, то они также далеки от того, чтобы «отказаться от всяких попыток нарушения самостоятельности Китая и Кореи». И уж никак нельзя разглядеть в англо-японском договоре «оплот общего миролюбия» [11; 15]. Более того, как утверждал «Петербургский листок»: «Когда в конце января было опубликовано англо-японское соглашение, то в разных газетах появились толки о войне. Стали говорить, что на крайнем Востоке должны вскоре начаться осложнения самого серьезного характера» [14]. Было совершенно понятно, что обе подписавшие соглашение державы, стремились укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. Англо-японский союз был направлен одновременно и против Китая и Кореи, и против России. Англия, согласно условиям договора, фактически, брала на себя обязательство не допускать образования какой-либо коалиции против Японии, вне зависимости от того какую авантюру Япония не затеяла бы против России. По справедливому замечанию газеты «Новое время»: «Слепая русофobia японцев бросила их очень кстати в объятия англичан для этой цели. Вопрос теперь только в том, как долго японцы дадут себя дуречь и эксплуатировать» [9].

Таким образом, факт заключения англо-японского союза нашел всестороннее освещение и весьма неоднозначную оценку на страницах русской периодической печати начала XX века. Авторами высказывались различные точки зрения, давались оценки причин и обстоятельств подписания союза, по-разному трактовалось содержание статей договора, определялась его значимость для обеих сторон и его влияние на развитие международных отношений на Дальнем Востоке. Правы оказались те, кто сумел рассмотреть агрессивный характер этого союза, который, отнюдь, не преследовал цели умиротворения в данном регионе. Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война подтвердила это и со всей ясностью показала, что союзный договор 1902 г. явился дипломатической подготовкой Японии к войне против России.

Список литературы

1. Вестник Европы. – 1902. – Т. 2. Кн. 3/4. – Март / апрель. – 888 с.
2. Гальперин А.Л. Англо-японский союз: 1902–1921 гг. – М.: Госполитиздат, 1947. – 448 с.
3. История дипломатии. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. – Т. 2. – 820 с.
4. Курьер. – 1902. – 4/17 февраля.

5. Курьер. – 1902. – 9/22 марта.
6. Московские ведомости. – 1902. – 4/17 февраля.
7. Наблюдатель. – 1902. – №3. – Март.
8. Новое время. – 1902. – 11/24 февраля.
9. Новое время. – 1902. – 8/21 марта.
10. Петербургский листок. – 1902. – 2/15 февраля.
11. Петербургский листок. – 1902. – 3/16 февраля.
12. Петербургский листок. – 1902. – 9/22 февраля.
13. Петербургский листок. – 1902. – 10/23 марта.
14. Петербургский листок. – 1902. – 14/27 марта.
15. Петербургская газета. – 1902. – 2/15 февраля.
16. Петербургская газета. – 1902. – 8/21 марта.
17. Сибирская жизнь. – 1902. – №59. – 14 марта.
18. Сибирская жизнь. – 1902. – №60. – 15 марта.
19. Lensen G.A. Korea and Manchuria Between Russia and Japan. 1895–1904. – By Sir Ernest Satow, edited by George A. Lensen. – Tallahassee, Florida: The Diplomatic Press, 1966. – 296 p.
20. Lensen G.A. The D'Anethan Dispatches From Japan. 1894–1910. The Observation of Baron Albert D'Anethan. – Tokyo: Tallahassi (Fla): Diplomatic Press, 1967. – 272 p.

Ярыгин Андрей Андреевич
канд. ист. наук, доцент
Иванова Анастасия Георгиевна
бакалавр, студентка

ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

КАРИБСКИЙ КРИЗИС 1962 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ УРОЖЕНЦЕВ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Аннотация: статья посвящена самому острому международному кризису второй половины XX столетия, которая поставила мир на грань ядерной катастрофы. В большинстве случаев история Карибского кризиса рассматривается через призму глобальных проблем и событий. Это позволяет получить почти полную картину этого яркого и важного исторического события. Но изложение истории Карибского кризиса будет неполным без освещения событий глазами непосредственных участников. Авторы, опираясь на письменные источники (специально собранные воспоминания-интервью участника Карибского кризиса, личный архив, газеты), излагают взгляд непосредственных участников на те события.

Ключевые слова: Карибский кризис, Кубинский кризис, операция «Анадырь», интервью, уроженцы Республики Марий Эл, участники Карибского кризиса.

В период холодной войны, которая характеризуется острым противостоянием между СССР и США в борьбе за преобладающее влияние в мире, одним из наиболее значительным стал «Карибский кризис»,

который произошёл в октябре 1962 г. Под Карибским кризисом понимают резкое обострение международной напряженности, которое было вызвано тайной доставкой и размещением на Кубе осенью 1962 года советских стратегических ракет и едва не приведшее к вооруженному конфликту между двумя сверхдержавами – СССР и США. Его изучению посвящены сотни статей и десятки изданий как в отечественной, так и в зарубежной историографии [2–5 и др.].

В большинстве случаев история Карибского кризиса рассматривается через призму глобальных проблем и событий: позиций и действий правительств США и СССР, официальных лиц, дипломатических работников и военных специалистов и т. д. Это позволяет получить почти полную картину этого яркого и важного исторического события. Но именно почти. Так как изложение истории Карибского кризиса будет неполным без освещения событий глазами непосредственных участников. И не только офицеров группы советских войск на Кубе и военно-морского флота, но и рядовых солдат и офицеров младшего и среднего звена, непосредственно участвовавших в проведении операции «Анадырь». Чтобы составить наиболее полную картину событий недавнего прошлого, необходимо активно использовать также и материалы «устной истории» в виде специально собранных воспоминаний-интервью участников. «Устная история» совершенно особая категория источников. Она существует до тех пор, пока жив сам человек носитель памяти исторических событий. Особенно это важно в тех случаях, когда непосредственные участники давали «подпись о не разглашении», а теперь, когда срок действия её закончен, не все очевидцы живы.

Из 43 тысяч офицеров, солдат и матросов, участвовавших в проведении операции «Анадырь» были и 18 представителей Республики Марий Эл. После снятия режима секретности в освещении драматических событий 1962 года они, при поддержке работников военкомата создали в республике комитет воинов – интернационалистов «Кубинская группа» под руководством старшего лейтенанта запаса Алексея Александровича Бусыгина. Они проводили большую патриотическую работу, переписывались с легендарным Фиделем Кастро. В коллективном поздравлении Фиделио Кастро и кубинскому народу в связи с 37 годовщиной Кубинской революции они отмечали, что «сохранили самые добрые воспоминания Вашей стране и Вашем народе, пребывание на Кубе одно из самых лучших событий нашей жизни.» [6]. В декабре 1966 года все члены комитета воинов-интернационалистов «Кубинская группа» были награждены грамотой Президиума Верховного Совета СССР, а в октябре 1998 года они получили кубинские медали «Воин интернационалист» I степени, которые им вручил заместитель военкома города Йошкар-Ола Виктор Алексеевич Макаров [1, с. 1].

К сожалению, не все участники Карибского кризиса поделились своими воспоминаниями о тех событиях. В нашем распоряжении оказались воспоминания руководителя «кубинцев» старшего лейтенанта запаса Алексея Александровича Бусыгина. Они хранились в папке одного из отделов Марийского республиканского музея, но по ряду объективных причин не были архивированы. Они составили часть личного архива автора, посвященного тем далеким событиям. Кроме того, нам удалось записать

воспоминания участника группы советских войск на Кубе Шатунова Леонида Никаноровича. Сейчас они хранятся в личном архиве Анастасии Ивановой.

Оба ветерана с волнением вспоминают обстановку строгой секретности, которая сопутствовала отправке советского контингента на Кубу. Л.Н. Шатунов отмечает, что вспоминает: «Мы были самые первые. Мы оделись в гражданское, свою форму сложили в чемодан, его опечатали и сдавали прямо в багажерку (каптерку). Утром позавтракали... в автобус и в Балтийск – 50 км. Приехали туда, нас сразу в гавань и к кораблю. ... И тут же отплытие, все. Ничего мы не понимали. Вышли мы в море Балтийское. Капитан-директор пришел к нам туда в трюм и говорит: «Ребята, я не знаю куда, но у меня письмо: «Вскрыть, когда выйдем в Атлантику».» Все. И до Атлантики мы перешли пролив между Англией и Францией, вышли в Атлантику. Тогда уже сказали, что мы идем на Кубу» [6]. Леонид Никанорович вспоминает, что, узнав о месте назначения, советские солдаты не испытывали страха или нерешительности. Он вспоминает, что, зная о том, что Фидель Кастро «...объявил, что кубинцы пошли по социалистическом пути развития» и возможна интервенция США на Кубу, все понимали важность своей миссии. «Защищать же их надо было, и мы уже как к братьям ехали. У нас не было разговоров таких как нам плохо или испуг какой-то, нет» [6].

О режиме секретности вспоминает и Алексей Александрович Бусыгин. Офицер-ракетчик он знал немногим больше своего товарища, но понимал, что обстановка очень напряженная. Их корабль шел через Средиземное море. «На всю жизнь запомнились прощальные слова командира нашего дивизиона, подполковника Александра Андреевича Негова, сказанные им на последнем построении: «Желал бы вас всех видеть живыми и здоровыми на этом же месте».

Тогда мы не придали значения эти словам и вспомнили о них несколько позже. Прибыв на новое место, мы застали там картину свертывания боевой техники в походный порядок. Никто из солдат и офицеров не знал куда, с какой целью, на какой срок мы покидаем расположение войсковой части. Первую тревогу вызвала рекомендация работника политотдела, чтобы мы сообщили в письмах своим родным о том, что убываем в длительную командировку без возможности длительной письменной связи. Железнодорожным эшелоном полк был перевезен со всей боевой техникой, вооружением и имуществом в г. Николаев на Черное Море.

В порту боевая техника и личный состав нашего зенитно-ракетного полка были загружена на океанские теплоходы-сухогрузы «Партизан Бонивур», «Юрий Гагарин», «Оренбург», и с очередностью в два дня корабли вышли в море. Перед выходом в море капитан судна и начальник эшелона получили от представителя Генерального штаба МО СССР 3 пакета. На первом пакете была надпись: «Вскрыть после оставления территориальных вод СССР». Два других пакета были без надписей. В пакете №1 предписывалось идти через проливы Босфор и Дарданеллы, а после прохождения проливов вскрыть пакет №2. В этом пакете предписывалось вскрыть пакет №3 после прохождения Гибралтарского пролива. Прошли. Вскрыли. В пакете №3 содержался приказ «Следовать на остров Кубу.

Порт выгрузки – Тринидад».» Таким образом, были перекрыты возможные каналы утечки информации о маршруте следования судна» [6].

Алексей Александрович вспоминает и о сложном и изматывающим пути на Кубу в трюмах корабля и о штормовой погоде, и о мучившей морской болезни, но солдаты и матросы прошли этот путь с честью. Всем запомнилась встреча советских солдат и офицеров на Кубе. «Кубинцы очень тепло встречали нас, выкрикивали приветствия, слова»Амиго» (друг), «Компанеро» (товарищ), махали сжатыми в рукопожатии руками, посыпали воздушные поцелуи, и у всех на лицах радостные улыбки» [6]. Также тепло о кубинцах и Л.Н. Шатунов: «Кубинцы встретили нас очень хорошо. Они вот когда узнали, что ты из Союза очень как-то радостно, восторженно приветствовали. Даже что-то спрашивали, а мы еще ничего не понимали, что они говорят [6].

Но вспоминается не только радостная встреча кубинцами советских солдат, но и непривычные условия службы «условиях неизвестной для нас жары и периодическими тропическими ливнями (как из ведра) техника была приведена в боевое состояние, полк преступил к несению боевого дежурства по охране воздушного пространства Кубы, а в свободное от боевого дежурства время личный состав занимался созданием элементов наземной обороны и оборудования жилого городка со спортивными площадками для командных игр, для занятия физподготовкой [6]. После дипломатического разрешения Карибского кризиса 1962 года большая часть советского военного контингента вернулись на Родину.

В воспоминаниях Алексея Александровича и Леонида Никаноровича Шатунова нет анализа политической обстановки, они были простыми солдатами. Но в них присутствует гордость за мужество своих сослуживцев, честно выполнивших свой долг интернационалиста и советского солдата наследника боевых традиций воинов Победы, чью 76 годовщину мы будем праздновать в этом году.

«Устная история» в воспоминаниях Алексея Александровича Бусыгина и Леонида Никаноровича конечно же субъективна. Но за кажущейся субъективностью стоит живой человек в его индивидуальности, через которую отражается ушедшая эпоха, его переживания и психологический фон событий. Она позволяет воссоздать эмоциональную атмосферу событий, без которой невозможно понять внутреннюю историю и хода Карибского кризиса изнутри. И воспоминания Алексея Александровича Бусыгина и Леонида Никаноровича Шатунова тому подтверждение.

Список литературы

1. Алтышев А. Остров Свободы не забыла своих защитников // Марийская правда. – 30.10.1998. – №206 (2038).
2. Грибков З.И. Карибский кризис // Военно-исторический журнал. – 1993. – №1. – С. 15–20.
3. Киличенков А.А. Советский военно-морской флот в Карибском кризисе // Новый исторический вестник. – 2008. – №1. – С. 120–132.
4. Фурсенко А.А. Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. / А.А. Фурсенко, Т. Нафтали пер. с англ. М.А. Тимофеева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2016.
5. Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы: середина XX века. – М.: Наука, 2006.
6. Личный архив авторов.

УНИВЕРСИТЕТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЛЕНОВ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА

Григорьев Александр Владимирович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Карпов Алексей Валентинович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Величко Светлана Валентиновна

учитель

МБОУ «СОШ №3»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ АБИТУРИЕНТОВ КАК СРЕДСТВО ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация: в статье приводятся результаты анализа ретроспективного анонимного опроса первокурсников, проведенного с целью выявления структуры факторов, мотивирующих молодых людей к выбору высшего учебного заведения и будущей специальности.

Ключевые слова: профессиональная ориентация абитуриентов, качество образования, структура мотивации абитуриентов.

Вопрос изучение мотивации абитуриентов при выборе высшего учебного заведения и будущей специальности является одним из важнейших инструментов в процессе организации работы приемной комиссии вуза и его структурных подразделений по профессиональной ориентации молодежи. Изучению и анализу данного вопроса посвящено большое количество научных исследований. Так, в статье ученых Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского анализируются факторы и причины, оказывающие влияние на процесс принятия решения о выборе того или иного высшего учебного заведения и оценки роли рейтинговых позиций университетов как в общих рейтингах, так и по отраслям [1]. Проблемы работы приемной комиссии в профориентационной работе на примере Волгоградского государственного технического университета рассматривает в своей статье А.Д. Кременецкая, предлагая специальную анкету для изучения мотивации поступающих [2]. Проблеме выбора будущими студентами

направления подготовки на примере анализа данных по Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету уделила внимание в своей работе Я.С. Гуреева [3]. Вопросу разработки узнаваемого бренда вуза, брэндингу как неотъемлемой части маркетинговой стратегии любого вуза, уделяется основное внимание в работе Б.О. Паралюева [4]. Факторы, влияющие на выбор профессии, рассматриваются в статье ученых Российско-Армянского университета [5].

В настоящей статье рассматривается структура мотиваторов абитуриентов, представленная как совокупность ожиданий будущих студентов от учебы в вузе. Авторы исходили из той предпосылки, что для налаживания полноценного диалога с абитуриентами необходимо знать не только мотивы выбора вуза или профессии, но и систему ценностей молодых людей, из которой они исходят, делая вывод о необходимости получения высшего образования.

В начале второго семестра 2020–2021 учебного года на историко-географическом факультете ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» был проведен ретроспективный анонимный социологический опрос среди обучающихся первого курса. В опросе приняло участие большинство обучающихся первокурсников очной формы обучения, за исключением отсутствующих к моменту его проведения по уважительным причинам. При этом возрастные категории опрошенных студентов распределились по следующим группам: 17 и 18 лет – 48 человек или 65,7% от числа всех респондентов; от 19 до 23 лет – 25 опрошенных или 34,3% респондентов. Доля молодых людей, которые поступали в вуз повторно, составила 26%, а доля поступавших после службы в армии и учебы в средних специальных учреждениях – 8,3%. Среди опрошенных студентов преобладали девушки (78,1%), что, в целом, характерно для гуманитарно-естественнонаучного факультета. Согласно полученным данным, основная масса первокурсников получает первое профессиональное образование – 65 человек или 89%. Доля выпускников колледжей и техникумов среди них составила 11%, причем половина из них продолжила обучение по ранее выбранной им специальности. Точно таким же оказалось распределение между студентами-бюджетниками (89%) и студентами-контрактниками (11%).

Распределение студентов по критерию их проживания до поступления в вуз между категориями городского и сельского населения оказалось практически паритетным: 36 горожан (включая жителей поселков городского типа) и 37 сельчан. В определенной степени этот показатель свидетельствует о равноценной подготовке к поступлению в вуз как в городе, так и на селе. Большую часть первокурсников составила молодежь Чувашии – 79,5%; распределение по другим (соседним) регионам было следующим: 11% из Марий Эл, 5,5% из Нижегородской области, 1,4% из Татарстана. По одному студенту приехали учиться на историко-географическом факультете из Республики Крым и Магаданской области. Это студенты, которые имеют родственников в Чебоксарах.

Что касается распределения студентов по специальностям, наиболее популярным направлением подготовки, несмотря на пандемию и ограничение передвижения, стал «Туризм» – 20,5%. На втором месте оказалось направление «Публичная политика и социальные науки» – 15,1%. Третье

место по популярности среди первокурсников заняли два направления подготовки – «Экология» и «Землеустройство и кадастр» (по 13,7%). Четвертое место распределили между собой направления «Документоведение и архивоведение», «История международных отношений», «География» (12,3%). Если из семи направлений подготовки три можно условно назвать больше теоретическими, чем прикладными («Публичная политика и социальные науки», «История международных отношений», «География»), то их доля в совокупности составит 39,7%. С определенной долей вероятности можно утверждать, что среди первокурсников факультета более популярными становятся профессии, востребованные в реальном секторе экономики.

Первый вопрос, который был задан респондентам, касался времени принятия решения о выборе профессии. Изначально авторами анкеты предлагалось три варианта ответа: в школе, после школы и после выяснения результатов конкурса. Вариант «в школе» включал период обучения вплоть до сдачи ЕГЭ; вариант «после школы» подразумевал период от получения результатов ЕГЭ до сдачи документов в приемную комиссию. Вариант «после выяснения результатов конкурса» предполагал, что абитуриент делает выбор не от любви к профессии, а скорее вынужден поступать туда, куда он проходит по полученным баллам. При этом оказалось, что вынужденный выбор пришлось сделать только 26% первокурсников. Казалось бы, более четверти респондентов не испытывают любви к направлению подготовки, с которым связали ближайшие четыре года обучения. Однако контрольные вопросы показали, что 91,8% опрошенных не разочаровались с выбором своей будущей профессии, и менять ее в последующем намерен всего лишь один человек из 73 опрошенных. В известной степени имеющиеся данные свидетельствуют о довольно осознанном выборе со стороны абитуриентов близких по направлению подготовки специальностей уже на этапе после прохождения конкурса.

Интересно сравнить отношение таких показателей, как намерение работать по специальности и отношение студентов к расходам государства на подготовку специалистов. Определенно работать по специальности собирается 60,3% респондентов. В то же время 54,8% опрошенных считают вполне нормальным, что государство тратит бюджетные средства на подготовку кадров, а при этом выпускники по выбранной им специальности в дальнейшем работать не будут. Возможно, это объясняется тем, что доля студентов-бюджетников среди опрошенных составляет 89,0% и они просто не способны оценить т.н. «чужие» бюджетные расходы на их подготовку.

Студентам-первокурсникам было предложены вспомнить и записать, какие ожидания они испытывали при поступлении в вуз, и какие из них по прошествии семи месяцев обучения расцениваются ими как осуществившиеся, не осуществившиеся и пока не осуществившиеся, но с перспективой осуществления на последующих курсах. Из всего массива ожиданий «мужская доля» была представлена 74 ответами или 46,3% от их общего количества. Ожидания абитуриенток, соответственно, были представлены 86 ответами или 53,8%. При этом, юноши определенно оценили 82,4% ответов, отложив на перспективу реализации на последующих курсах 17,6% «ожиданий». Девушки дали определенную оценку 66,3% своих

«ожиданий», надеясь, что оставшиеся 33,7% сбудутся на последующих курсах. Из массы «ожиданий», которым юноши дали вполне определенную оценку, как сбывшиеся, были отмечены 86,9%, как определенно не сбывшиеся – 13,1%. У девушек в качестве сбывающихся оценены 77,2% «ожиданий», как не сбывшиеся – 22,8% «ожиданий». На основании этих данных можно предположить, что уровень «ожиданий» от поступления в вуз в целом у девушек был выше, чем у юношей, но при этом доля ожиданий, оцененных как сбывшиеся, оказалась ниже. Видимо, это объясняется большей «эмоциональностью и мечтательностью» самих девушек-abitуриенток. Из числа всех опрошенных, только трое юношей и две девушки (3,1% ответов) не «ожидали» от поступления в вуз никаких существенных изменений в своей жизни.

Все так называемые «ожидания» от поступления в вуз мы разделили на восемь условных групп. На первом месте оказались «ожидания», связанные с учебой: получать новые знаний, больше внимания уделять профессиональной подготовке, проходить практику и т. д. В этой части «ожиданий» в общей сложности было представлено 46 позиций или 28,8% ответов от из общей массы. Это свидетельствует о том, что абитуриенты большое внимание уделяют именно приобретению профессии, как важнейшей составляющей студенческой жизни. В абсолютном выражении юноши и девушки уделили вопросам обучения равное значение, по 23 ответа. Но в процентном выражении значение вопросов образования для юношей составило 31,1%, для девушек несколько ниже – 26,7%. Следует отметить, что первокурсники достаточно серьезно отнеслись к вопросам, связанным с организацией учебного процесса и учебному труду. В последующих рассуждениях они отметили, что эта доля среди всей массы высказанных «ожиданий» могла бы быть и выше, но то, что в вуз, в первую очередь, поступают для того, чтобы учиться, «само собой разумеется».

Второе место по значимости для стремящихся в вуз молодых людей, заняла группа вопросов, которую можно условно назвать как «студенческий образ жизни» (23,1% от общего количества «ожиданий»): новые знакомства, участие в студенческих мероприятиях, интересная студенческая жизнь. Юноши посвятили этому аспекту 14 ответов или 18,9%, и все «ожидания» расценили только как сбывающиеся. Девушки вопросам «студенческого общения» посвятили 23 ответа или 26,7%. Из них в 11 случаях «ожидания» новых знакомств и веселой студенческой жизни девушки оценили как состоявшиеся, а 3 как не состоявшиеся, при этом 9 позиций выражали мнение об их возможности реализации на более старших курсах.

Третье место, но с существенным отставанием от «тем-лидеров», заняли «ожидания» активно заниматься в вузе общественной работой: волонтерство, участие в жизни студенческого актива, студенческий КВН и др. Стать «студенческими активистами» мечтали 12,5% абитуриентов (9 юношей и 11 девушек). Шесть девушек уже реализовали эти «ожидания», одна нет, четверо надеются реализоваться в перспективе. У юношей все позиции равномерно распределились по всем трем группам.

Четвертое место (11,9%) заняли «ожидания» материального плана: получение стипендии, возможность найти подработку и т. д. Четверо юношей расценили эти «ожидания» как сбывающиеся, трое как не сбывающиеся. У

девушек этой группе уделило внимание 12 человек, из которых пятеро расценили «ожидания» как сбывшиеся и пятеро как не сбывшиеся.

Пятое место (11,3%) по количеству «ожиданий» составила группа позиций, связанных с надеждой изменить условия жизни: быть более самостоятельными, независимыми от родителей, проживать в общежитии, чувствовать себя более свободными. Если данной теме уделило внимание 6 юношей (8,1%), то девушек в абсолютных цифрах оказалось вдвое больше, что в долевом выражении составило 13,9%. При этом, все юноши расценили ситуацию как оправдавшую «ожидания». У девушек такие «ожидания» оправдались у четырех человек, один из ответов был определено отрицательным, а семеро высказались о том, что ждут реализации таких надежд в недалеком будущем.

Занятиям наукой и творчеством было отведено 5,0% всех ответов. У трех юношей эти «ожидания» оправдались. Из пяти девушек две дали на этот вопрос также положительный ответ, у одной ожидания не оправдались, двое надеются реализовать творческий и научный потенциал на последующих курсах.

Заняться спортом планировали шесть юношей и одна девушка. Все они уже реализовали свои намерения. При этом от общей массы всех пожеланий планы занятия спортом составили всего лишь 3,4%.

В ходе опроса, студентам также был предложен вопрос, связанный с определением перспективы стать специалистом своего дела. Большинство респондентов (79,5%) ответили, что специалистом можно стать только проработав по специальности какое-то количество лет. Надежду в достаточной мере освоить профессию уже в стенах вуза высказало 20,5% первокурсников.

Студентам было предложено также дать одну рекомендацию по организации образовательного процесса в вузе. На первом месте оказалось «пожелание» проводить больше практических и лабораторных занятий (об этом заявили 17 из 73 студентов). Второе место заняли вопросы создания благоприятных условий для учебы («диваны в коридорах», «буфет на каждом этаже», «ремонт лифта» и др.) – 15 человек. На третьем месте – «пожелания» оснастить учебные аудитории большим количеством современной оргтехники (14 человек). На четвертом месте оказался ответ «все устраивает» – семь ответов. Пятое место разделили пожелания повысить «качество образования» и «повысить стипендию» (по пять человек). Больше информации о будущей профессии хотели бы получать четыре человека, более равномерно распределять учебную нагрузку по дням недели «посоветовало» три человека. Более четко организовывать учебный процесс высказалось два человека, и один респондент предложил «строже проверять посещаемость».

Таким образом, pilotное исследование среди бывших абитуриентов, после семи месяцев обучения их в вузе показало, что определяющим фактором для выбора высшего профессионального образования, по мнению опрошенных, является получение качественных профессиональных знаний, практических компетенций и перспективы получения хорошо оплачиваемой работы. Не менее важное значение для абитуриентов имеет социальный аспект учебы в вузе: интересная, насыщенная новыми знакомствами и мероприятиями студенческая жизнь, условия обучения.

Поступив в вуз, недавние абитуриенты в основной массе довольны своим выбором, условиями и качеством образования, но высказанные ими «пожелания» предоставляют руководству вуза и приемной комиссии новые возможности для совершенствования профориентационной работы в будущем, повышения качества образования в самом учебном заведении, улучшения условий обучения и проживания студентов.

Список литературы

1. Авралев Н.В. Анализ мотивации абитуриентов 2016 года в целях оптимизации политики менеджмента качества образовательных услуг вуза / Н.В. Авралев, И.Н. Ефимова, А.В. Маковейчук // Высшее образование сегодня. – 2017. – №1. – С. 53–57.
2. Кременецкая А.Д. Исследование мотивации абитуриентов при поступлении в высшие учебные заведения России // Форум молодых ученых. – 2019. – №2 (30). – С. 844–846.
3. Гуреева Я.С. Мотивация выбора специальности абитуриентами при поступлении в вуз // Аллея науки. – 2019. – №1 (28). – С. 905–908.
4. Паралюев Б.О. Бренд вуза – основная мотивация для принятия абитуриентом решения о поступлении в институт // Цивилизация знаний: Российские реалии. Сборник трудов XXI Международной научной конференции. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2020. – С. 596–598.
5. Берсерян А.С. Факторы, влияющий на выбор профессии / А.С. Берсерян, Л.С. Петровая // Личность. Профессия. Карьера. Оренбург, 18–20 февраля 2020 года. Сборник научных трудов психолого-педагогического профориентационного форума с международным участием. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2020. С. 25–29.

Лю Цяньцянь

аспирант

Краснова Марина Николаевна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЦЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация: в статье анализируются идеи Д. Дьюи и П. Паркера, утверждающие важность самоидентификации преподавателя и необходимости отказа от одностороннего обучения в образовании.

Ключевые слова: сообщество, учительское сознание, образовательное сообщество.

Вопросы взаимодействия обучающего и обучающегося остаются актуальными в современном мире на всех ступенях образования. Как построить отношения учителя с учеником обсуждаются в педагогике и философии образования разных стран. В XXI веке это стало еще более актуальным, так как учитель перестал быть носителем сакрального знания, существует масса разнообразных источников, откуда можно почерпнуть информацию. И чем старше преподаватель и младше студент, школьник, тем

больше расхождений в вопросе их взаимодействия. Глобализация образовательного пространства привела к тому, что преподаватели разных стран обучаются студентов других стран и подходы к обучению могут на первый взгляд не совпадать. Студенты из Китая учатся в России, российские студенты в Китае, китайские преподаватели работают в российских вузах и наоборот [4]. С какими проблемами они сталкивают, что их должно объединять?

В данной статье мы обращаемся к учению Д. Дьюи – американскому философу и педагогу середины XIX века. В своем труде он рассматривает проблемы взаимодействия учителя и ученика, с точки зрения положения учителя в этом процессе.

Вот как описывает П. Палмер одностороннее преподавание учителя: «Я здесь, тебя там нет». Учитель стоит на одном месте, глядя на потолок. Он передает информацию классу, который напечатан в книге, его не волнует, что делают ученики. Во время лекций учителя ученикам очень скучно. Методы преподавания учителя отнимают слишком много времени, но это лучше, чем самообучение. Большинство учеников были очень недовольны учителем. По мнению П. Палмера, учителю не хватает смелости преподавать; его ум был отделен от его социальной роли, от его учеников и от его образовательной карьеры. Учитель без учеников – это не учитель сам по себе. Так где же выход? П. Палмер видит в создании сообщества – интеграции учителей [3].

Мы знаем, что человек нуждается в группе, чтобы повзросльеть, развивать свою человечность и личность в общественной жизни. Д. Дьюи убежден, что участие в общественной жизни необходимо для реализации индивидуального и человеческого существования, делая возможным обмен опытом или ценностями через общение, диалог [2; 7].

Ценность образования выражается в том, чтобы члены сообщества «решили свои общие проблемы путем совместного изучения и обмена опытом» с целью «сохранения, передачи, пересмотра и расширения центрального наследия, которое мы получили». Важно, чтобы наши потомки могли приобрести ценности, которые являются более значимыми, более надежными, более доступными и общепризнанными [6]. В этом заключается теория социального блага Дьюи [5]. Т.е. роль преподавателя очень важна, он должен донести ценности до учащихся и это должны понимать все университетские преподаватели.

По словам Паркера для преподавателя важна самоидентификация. Теория самоидентификации Гидденса утверждает, что «самоидентификация является рефлексивным пониманием личности, основанным на личном опыте» [1]. Она предполагает, что оценка других людей с социальной идентичностью важна для собственной идентичности. Где же выход? Сообщество, это один из лучших путей [5]. П. Палмера призывает к омоложению ума учителя мужеством и надеждой на преподавание, он предлагает образовательное сообщество и указывает на связь между сообществом и реальностью: Создание образовательного сообщества должно опираться на почву образовательной реальности.

Паркер неоднократно подчеркивает центральную идею образовательного сообщества: «Обучение – это создание пространства для практики истинного сообщества». Паркер утверждает, что интеграция

учительского разума требует участия трех образовательных сообществ: сообщества познания; сообщества познания в истине (способность создавать духовную связь между учителем, учеником и истиной) и сообщества познания учителей, избегающего закрытой двери преподавания. Качественные педагогические беседы – это своего рода открытый, аутентичный диалог о профессии учителя, а не мысль о том, что вы просто преподаватель данного предмета и не имеете отношения к остальным преподавателям. Возможно, учитель может изменить свое скучную трату времени, ничего не стоящее одностороннее преподавание, когда он по-настоящему войдет в образовательное сообщество [3].

Учитель может сигнализировать потенциальному сообществу, например, ученикам или учителям, о формировании сообщества единомышленников, то, возможно, он сможет пойти дальше и отойти от бедной системы образования и обратиться к общественности за изменениями в области образования.

Наконец, призыв состоит в том, что каждый педагог должен повышать свой внутренний голос, двигаться в направлении образовательного сообщества, интегрировать сердца и умы учителей и преподавать с надеждой и с педагогическим мужеством.

Список литературы

1. Гуюха Цзя. Обзор теории самоидентификации Гидденса. Цзянъганский форум. 2003.
2. Кэмпбелл Джеймс. Понимание Дьюи: мудрость природы и сотрудничество. – Пекин: Пресса Пекинского университета, 2010. – 53 с.
3. Палмер Паркер. Мужество учить: прогулка в сознании учителя. – Шанхай: Пресса Восточно-Китайского Нормального Университета. – 2005. – №13.
4. Сaitova A.M. Отражение развития международных связей ЧГУ им. И.Н. Ульянова с вузами КНР в его летописи / A.M. Сaitова, M.H. Краснова // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции). сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 79–82.
5. Теннесси Фердинанд. Сообщество и общество: основные понятия чистой социологии / пер. Линь Ронг Юань. – Пекин: Пресса Пекинского университета, 2010.
6. Хиллман Ларри. Чтение Дьюи: интерпретация для постмодерна. – Пекин: Пресса Пекинского университета. 2010.
7. Яджун Чен. Смысл и эффект философии разума Дьюи / Фудан. Издание по социальным наукам. – 2006. – №1.

Петров Даниил Александрович

студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Петрова Ольга Борисовна

учитель

МБОУ «Аликовская СОШ им. И.Я. Яковлева»

с/п Аликовское, Чувашская Республика

УЧЕБНАЯ ПОЛЕВАЯ ПРАКТИКА ПО ЭКОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Аннотация: в статье описан опыт прохождения учебной полевой практики по экологии в условиях пандемии коронавируса.

Ключевые слова: учебная полевая практика, пандемия, экологическое образование.

В соответствии с учебным планом по подготовке специалистов-экологов на историко-географическом факультете Чувашского госуниверситета им. И.Н. Ульянова учебная полевая практика по экологии, как правило, проходит в г. Чебоксары и в его окрестностях в июле после летней экзаменацационной сессии. Программа прохождения практики охватывает изучение природных сообществ, антропогенно преобразованных экосистем, предприятий, оказывающих воздействие на окружающую природную среду, предприятий, занимающихся реабилитацией нарушенных экосистем. Изучение этих объектов проходит в виде экскурсий. Программой предусмотрено также и реальное участие студентов-практикантов в практической работе по защите окружающей среды. Практическая работа студентов заключается в участии их в акциях «Посади лес!», «Живи, лес!», «Чистый берег», в инвентаризации зеленых насаждений и уходе за ними. В ходе практики студенты-практиканты ведут фенологические наблюдения, проводят научные эксперименты.

В прошедшем 2020 году из-за пандемии COVID-19 руководством университета летнюю учебную полевую практику было решено провести по месту жительства студентов, а связь между руководителем практики и студентами-практикантами предложено поддерживать дистанционно с использованием возможностей ZOOM и других форм электронной связи.

В конце мая руководитель летней экологической практики профессор кафедры природопользования и геоэкологии Ф.А. Карягин по электронной почте довел до студентов программу практики. Программа включала задания, которые должны были быть выполнены до конца срока окончания практики, т. е. к 31.07.2020 г. От каждого студента требовалось вести дневник по каждому дню практики, вести фенологические наблюдения и наблюдения за погодой. Перед непосредственным началом практики студенты получили инструктаж по пожарной безопасности, инструктаж по поведению на природе. До каждого студента также были доведены весьма интересные научно-познавательного характера статьи «Ядовитые растения Чувашского края», «Опасные животные нашей местности», образцы ведения дневников погоды и фенологических наблюдений, рекомендующая методическая литература и пособия, в том числе разработанные

преподавателями кафедры природопользования и геоэкологии О.Е. Гавриловым, А.В. Димитриевым, С.С. Еремеевой, Н.Г. Карагановой, Ф.А. Карягиным, А.А. Мироновым и др. (перечень представленного методического материала приведен в разделе «Литература»).

Рис. 1

Рис. 2

В сложившихся условиях руководитель практики предложил студентам обратиться в местную школу и предложить свои услуги по подготовке к новому учебному году, высказать готовность в участии в совместных научных исследованиях с преподавателем географии (биологии и химии, экологии). Естественно, руководитель практики параллельно вел работу с руководителями школ и с учителями, договаривался с ними о нашем устройстве для прохождения практики на базе их школ. В задачу практики входило и изучение состояния экологического образования и воспитания учащихся в данной школе. Отдельные студенты получили задания обращаться в природоохранные учреждения (организации, предприятия) и

пройти там практику. Такие задания получили те студенты, у которых поблизости имеются такие учреждения и заведения.

Рис. 3

Лично я проходил практику в своей родной школе – Аликовской средней общеобразовательной школе им. И.Я. Яковлева. В Аликовской СОШ большое внимание уделяется экологическому образованию и воспитанию школьников. Здесь постоянно проходят различные акции природоохранной направленности: субботники по благоустройству, мероприятия по посадке деревьев и кустарников, сбору макулатуры, использованных батареек и др. В мероприятиях, как правило, участвует вся школа. Каждому классу выделяется территория, которую они должны очистить от мусора. Работы по благоустройству проводятся непосредственно как в самой школе, на территории школы, так и на территории села Аликово, и даже на ближайших придорожных лесопосадках, в оврагах и балках.

В школе проводятся мероприятия и другого характера, например, научные конференции учащихся по экологии, конкурсы, литмонтажи, которые имеют целью воспитать у школьников правильное отношение к природе, вызвать познавательный интерес к экологическим знаниям. В этом плане в школе особенно много работают учителя биологии и химии Тимофеева Ираида Ивановна и Иванова Алина Ананьевна, а также директор школы Владислав Константинович Волков. В наступившем учебном году в Аликовской СОШ произошло большое событие – в школе стали преподавать предмет «Экология».

Рис. 4

Необходимо отметить также, что в Аликовской СОШ хорошо поставлена кружковая работа по экологии и краеведению. Здесь долгие годы работал кружок юных геологов «Кристалл». Организатором и руководителем кружка была учительница географии Петрикова Людмила Иосифовна. Автор данной статьи также был активным членом «Кристалла». Юные геологи школы изучали не только геологическое строение и полезные ископаемые своего района, своей республики, но и совершили экспедиции в другие регионы России, участвовали во всероссийских конкурсах и олимпиадах по профилю занятий, становились победителями и призерами этих мероприятий (рис. 4).

Для прохождения практики руководство школы меня прикрепило к творчески работающему опытному педагогу – к учительнице начальных классов О.Б.Петровой. Под ее руководством нам удалось полностью выполнить программу практики, к тому же в какой-то степени помочь школе в подготовке к новому учебному году. Моя помощь в этом ответственном деле заключалась в участии в генеральной уборке классных помещений, в проведении небольшого необходимого ремонте ученических столов и стульев, пополнении классного помещения новыми объектами интерьера, в обустройстве внешней территории школы, уходе за цветами (рис. 1–3).

Руководители практики профессор Ф.А. Карагин (дистанционно по ZOOMu и электронной почте), школьный педагог О.Б. Петрова непосредственно оказали помощь в выполнении и запланированных исследовательских работ. Исследовательские работы заключались в фенологических наблюдениях, в ведении дневника погоды (рис. 5), мониторинге состояния родника, в его обустройстве, изучении основных параметров и экологического состояния близлежащих прудов и озер. Следует отметить плачевное экологическое состояние наблюдаемых водных объектов. Они несут большую антропогенную нагрузку. Это было особенно заметно во второй половине лета, когда наблюдаемые нами объекты были охвачены интенсивным процессом эвтрофикации (цветения). Считаю необходимым продолжить начатые наблюдения и исследования этих водных объектов с целью помочь их оздоровлению. Кроме того, по предложению руководителя практики Ф.А. Карагина мы занимались изучением и историей родного края, в частности, собирали сведения об участниках Великой

Отечественной войны, об участниках Сурского и Казанского оборонительных рубежей. Предметом наших исследований была и местная топонимия, которая еще недостаточно изучена.

Номер	Бренд	Слово	Фраза	Слово
1	Бренд	Слово	Фраза	Слово
2	Бренд	Слово	Фраза	Слово
3	Бренд	Слово	Фраза	Слово
4	Бренд	Слово	Фраза	Слово
5	Бренд	Слово	Фраза	Слово
6	Бренд	Слово	Фраза	Слово
7	Бренд	Слово	Фраза	Слово
8	Бренд	Слово	Фраза	Слово
9	Бренд	Слово	Фраза	Слово
10	Бренд	Слово	Фраза	Слово
11	Бренд	Слово	Фраза	Слово
12	Бренд	Слово	Фраза	Слово
13	Бренд	Слово	Фраза	Слово
14	Бренд	Слово	Фраза	Слово
15	Бренд	Слово	Фраза	Слово
16	Бренд	Слово	Фраза	Слово
17	Бренд	Слово	Фраза	Слово
18	Бренд	Слово	Фраза	Слово
19	Бренд	Слово	Фраза	Слово
20	Бренд	Слово	Фраза	Слово
21	Бренд	Слово	Фраза	Слово
22	Бренд	Слово	Фраза	Слово
23	Бренд	Слово	Фраза	Слово
24	Бренд	Слово	Фраза	Слово
25	Бренд	Слово	Фраза	Слово
26	Бренд	Слово	Фраза	Слово
27	Бренд	Слово	Фраза	Слово
28	Бренд	Слово	Фраза	Слово
29	Бренд	Слово	Фраза	Слово
30	Бренд	Слово	Фраза	Слово
31	Бренд	Слово	Фраза	Слово

Рис. 5

Несмотря на возникшие трудности в организации учебной практики из-за разразившейся эпидемии коронавируса COVID-19, считаю, что она (практика по экологии) для меня и студентов группы ИГФ 23–19 прошла с пользой.

Список литературы

1. Дмитриев Д.А. Окружающая среда и здоровье населения Чувашской Республики / Д.А. Дмитриев, В.Д. Семенов, Ф.А. Калягин. – Чебоксары, 1995. – 196 с.
2. Калягин Ф.А. Карттирование перенесенных географических названий // IV республиканская ономастическая научно-практическая конференция: тезисы. – Киев: Наукова думка, 1969. – С. 47–49.
3. Калягин Ф.А. Перенесенные географические названия и их связь с историей заселения Чувашской АССР // Ономастика Поволжья: материалы 2-й Поволжской ономастической научно-практической конференции. – Горький, М.: Институт этнографии АН СССР, Горьковский государственный университет, Дзержинская типография 1971. – С. 190–193.
4. Калягин Ф.А. Топонимические параллели Мордовской и Чувашской АССР // Краеведение Мордовии: материалы 1-й Мордовской краеведческой конференции. – Саранск: Мордовкнигоиздат, 1973. – С. 247–252.
5. Калягин Ф.А. Окружающая среда и природные ресурсы Чувашской Республики. – Чебоксары: Минприроды Чувашской Республики, Цивильская типография Госкомиздата Чувашской Республики, 1996. – 132 с.
6. Калягин Ф.А. Экологическое образование в социальном вузе // Актуальные проблемы охраны природы, окружающей природной среды и национального природопользования: материалы I Международной научно-практической конференции. – 2010. – С. 240–247.
7. Калягин Ф.А. О фенологических наблюдениях в школе / Ф.А. Калягин, А.В. Дмитриев // Народная школа. – 1996. – №4. – С. 49–54.
8. Калягин Ф.А. Фенологические наблюдения в экологическом образовании и воспитании школьников / Ф.А. Калягин, А.В. Дмитриев // Труды Института научно-исследовательских и общественных инициатив по экологии и охране природы: материалы республиканской конференции по экологическому воспитанию «Экологическое образование и воспитание». – 1996. – С. 115–125.
9. Корнилов А.Г. Общая экология: конспект лекций / А.Г. Корнилов, Ф.А. Калягин. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2001. – 56 с.

10. Лялин Г.С. Экологическое воспитание в процессе проведения ботанических экскурсий / Г.С. Лялин, Р.Т. Нерогова, Ф.А. Карягин. – Чебоксары, 1996. – 176 с.

11. Миронов А.А. Летняя учебная экологическая практика / А.А. Миронов, Ф.А. Карягин, О.Е. Гаврилов. – Чебоксары, 2018. – 127 с.

12. Чувашская Республика: история и современность: книга-альбом / В.Н. Алексеев, И.И. Бойко, В.П. Иванов [и др.]; под ред. В.П. Иванова. – Чебоксары, 2018. – 219 с.

Фомина Анна Андреевна

магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-
БАКАЛАВРОВ ПРОФИЛЯ «ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»
НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЧГУ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА**

Аннотация: статья посвящена обобщению методического опыта преподавателей кафедры истории и культуры зарубежных стран ЧГУ им. И.Н. Ульянова по подготовке выпускников профиля «История международных отношений». Исследование основано на обзоре конкретных научных публикаций профессорско-преподавательского состава кафедры, отражающих содержание и ключевые аспекты процесса обучения студентов.

Ключевые слова: история международных отношений, методика, традиционные способы обучения, современные способы обучения.

Подготовка выпускников-бакалавров различных профилей в системе современного высшего образования России отличается растущим уровнем требований. Обучение студентов-бакалавров профиля «История международных отношений» в этом отношении не является исключением.

Методический опыт кафедры истории и культуры зарубежных стран ЧГУ им. И.Н. Ульянова основывается прежде всего на сочетании современных интерактивных и традиционных способов обучения студентов. Он получил прямое отражение в ряде научных публикаций преподавателей кафедры, изданных в последние годы. В числе современных методов следует в первую очередь назвать применение цифровых технологий, получивших особую актуальность в период борьбы с пандемией COVID-19. Расширявшееся применение дистанционных форм обучения потребовало своего методического осмысливания, базой для которого стала подготовка абитуриентов [15; 16].

Определенные кафедральные традиции имеют применение интерактивных методов в преподавании. К их числу следует отнести участие студентов, обучающихся на кафедре, в движении исторической реконструкции, ставшем предметом обобщающего изучения [5]. Кроме того, в числе подобных методов следует назвать получившее широкое распространение на всем историко-географическом факультете поисковое движение [17] и деятельность студентов по развитию музеев ЧГУ им.

И.Н. Ульянова различных направлений [3]. Работа студентов в составе соответствующих кружков и обществ позволяет добиваться результатов в процессе не только их подготовки как профессионалов, но и в осуществлении воспитательной деятельности. Еще одно немаловажное ее достоинство – формирование общественного интереса и привлекательность для самих обучающихся.

Подобной привлекательностью обладает освоение современных научных направлений, где участие студентов также имеет эмпирический характер. К числу таковых следует отнести изучение «устной истории» («oral history»), коммеморативных практик, деятельность лаборатории им. И.Н. Ульянова – И.Я. Яковleva [4; 8; 6; 9; 10; 11].

Тем не менее, сохраняет актуальность и применение традиционных методов обучения, изучением и развитием которых продолжают заниматься преподаватели кафедры [1; 2]. Их использование не исключает освоение новых направлений научно-исследовательской деятельности, тематик работ, прямо посвященных изучению зарубежной истории, международных связей Чувашии и России как в историческом прошлом, так и в настоящем [7; 12; 18; 19 и др.]. Не менее важно для современного историка разбираться в специфике развития социально-экономических процессов, непосредственно влияющих на характер международных отношений, их особенности и содержание [13; 14; 20 и др.]

Таким образом, ключевой особенностью современного процесса обучения студентов-бакалавров профиля «История международных отношений» на кафедре истории и культуры зарубежных стран ЧГУ им. И.Н. Ульянова следует считать эффективное современных и традиционных методов подготовки профессиональных историков.

Список литературы

1. Агеева Н.Н. Концепция исторического развития Юга России в античный период в трудах М.И. Ростовцева // Вестник Чувашского университета. – 2007. – №3. – С. 9–15.
2. Агеева Н.Н. Преподавательские традиции в династии Фортунатовых // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): сб. статей. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2014. – С. 17–22.
3. Галошева О.Н. Опыт создания и перспективы развития музея истории Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова / О.Н. Галошева, О.Н. Широков // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения). Сборник статей. – Чебоксары, 2014. – С. 70–80.
4. Дмитриева О.О. Складывание церемониальных практик празднования памятных дат Отечественной войны 1812 года в Российской империи / О.О. Дмитриева, Т.Н. Иванова // Вестник Екатерининского института. – 2017. – №1 (37). – С. 24–26.
5. Донская В.К. Историография движения исторической реконструкции на примере Волго-Вятского региона / В.К. Донская, О.Н. Широков // Вестник Чувашского университета. – 2012. – №4. – С. 15–19.
6. Иванова Т.Н. Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVIII–XIX веков / Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева // Диалог со временем. – 2019. – №66. – С. 392–404.
7. Иванова Т.Н. А.А. Фортунатов как исследователь Каролингского возрождения / Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева // Учен. зап. Казан.ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 884–886.
8. Иванова Т.Н. Проблемы создания источников устной истории и память о 1990-х гг. (на примере воспоминаний чебоксарцев) / Т.Н. Иванова, В.А. Андреева // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковleva).

Сборник трудов Всерос. науч. конф. с междунар. участ. / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары, 2019. – С. 177–182.

9. Иванова Т.Н. Сохранение наследия И.Я. Яковлева и его семьи в ЧГУ имени И.Н. Ульянова / Т.Н. Иванова, О.О. Дмитриева // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова). Сборник статей / редакция: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. – Чебоксары, 2017. – С. 29–33.

10. Иванова Т.Н. Свидетельства воинов-интернационалистов, участников боевых действий в ДРА, как устно-исторический источник о 1990-х годах / Т.Н. Иванова, К.Н. Корнякова // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). Сборник материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участ. – Чебоксары, 2020. – С. 274–278.

11. Иванова Т.Н. Юбилейные даты как стимул развития «университетологии» / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Диалог со временем. – 2015. – №52. – С. 384–389.

12. Идрисов Р.А. Историческая география Западного Казахстана в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук / Институт истории и этнологии им. Ш. Уалиханова МН-АН РК. – Алматы, 1998.

13. Идрисов Р.А. К истории модернизации России: опыт сравнительного анализа // Проблемы модернизации России: история и современность. сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2011. – С. 92–96.

14. Идрисов Р.А. Проблема самоидентификации постсоветской интеллигенции // Российская интелигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения). Сборник статей. – Чебоксары, 2014. – С. 218–223.

15. Краснова М.Н. Цифровые технологии при подготовке к ЕГЭ по обществознанию / М.Н. Краснова, Р.А. Идрисов // Опыт образовательной организации в сфере формирования цифровых навыков. Сборник материалов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участ. – Чебоксары, 2019. – С. 290–292.

16. Краснова М.Н. Анализ возможностей использования электронных ресурсов при формировании навыков написания эссе по обществознанию // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №2. – С. 190.

17. Краснова М.Н. Поисковое движение Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова как память о Великой Отечественной войне / М.Н. Краснова, Т.А. Суворова // Россия и Китай в борьбе с мировым фашизмом. Материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 70-летию Победы во Второй мировой войне. – Чебоксары, 2016. – С. 101–107.

18. Сайтова А.М. Отражение развития международных связей ЧГУ им. И.Н. Ульянова с вузами КНР в его летописи / А.М. Сайтова, М.Н. Краснова // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Кауховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции). Сб. статей Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2017. – С. 79–82.

19. Широков О.Н. Цели и функции СЭВ в начальный период развития // Вестник Чувашского университета. – 2006. – №3. – С. 64–70.

20. Яковлева Т.В. Инновационная деятельность центров поддержки технологий и инноваций в Чувашии / Т.В. Яковлева, Р.А. Идрисов, О.Н. Широков // Российская интелигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения). Сборник статей. – Чебоксары, 2014. – С. 102–104.

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Баев Андрей Анатольевич

аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-98386

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА В ВОЛОГОДСКОМ КРАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНЫХ КНИЖЕК НА 1862 И 1863, 1873 ГГ.)

Аннотация: в статье проведен краткий анализ изменения развития системы образования в Вологодском крае в третьей четверти XIX века после проведения реформы образования 1863–1864 годов. По данным Памятных книжек за 1862 и 1863, 1873 годы приведено изменение правил приема в Вологодскую губернскую мужскую гимназию после указанной реформы.

Ключевые слова: реформа образования 1864 г., Памятная книжка, Вологодская губернская мужская гимназия, церковно-приходские школы, воскресные школы, всесословное образование.

Образованность общества может о многом рассказать будущим поколениям. Политика правительства в данном направлении берется в учет при оценке деятельности руководства. Зачастую, многие правители русского государства оставляли этот вопрос в стороне и не касались системы образования, так как их устраивала закоренелость общества. Великие реформы Александра II являются исключением из данной тенденции. Реформа образования 1864 года занимает одно из ключевых мест в деятельности царя-реформатора.

В третьей четверти XIX века происходит стремительный скачок в развитии системы образования, был наведен порядок в каждом из типов учебных заведений и введены новые типы учебных заведений. Вологодский край не стал исключением. Данные Памятной книжки Вологодской губернии на 1873 год (табл. 1) демонстративно показывают нам эти изменения. Были вновь открыты воскресные школы, частные школы, женские гимназии и т. д.

Такой источник как Памятные книжки издавались в Вологодской губернии с 1853 по 1917 годы. Всего было 29 выпусков. Данный тип источника является справочным и статистическим. В данных источниках

Проблемы публичной истории и исторической памяти

находится информация о составе и занятиях жителей, о природе, экономике, культуре, быте, изменения в руководящем составе. Составляющие части Памятных книжек: адрес-календарь (правительственные и общественные учреждения с полным кадровым составом); административный справочник (административные учреждения, учреждения культуры, списки населенных пунктов, крупных землевладельцев); статистический обзор (по сферам хозяйствования); научно-краеведческий сборник (материалы исследователей, публицистические статьи). Данный источник бесценен при изучении генеалогического древа, политики в различных сферах жизни общества.

Таблица 1

*Число учебных заведений в Вологодской губернии в 1871 году
(составлено по материалам Памятной книжки Вологодской губернии
на 1873 год)*

Название учебных заведений	Число учебных заведений			
	В Губернском городе	В уездных и заштатных городах	В уездах	Всего в губернии
Духовная семинария	1	—	—	1
Училища	1	5	—	6
Мужская гимназия	1	—	—	1
Женская гимназия	1	—	—	1
Педагогические курсы	1	—	—	1
Землемерно-таксаторские классы	1	—	—	1
Женская прогимназия	—	5	—	5
При мужской гимназии подготовительный класс	1	—	—	1
Уездные училища для мужского пола	1	7	—	8
Двухклассные сельские училища	—	—	1	1
Одноклассные сельские училища	—	—	4	4
Начальные народные училища, состоящие в ведении учительских советов				
Городские для мужского пола	3	10	—	13
Городские для женского пола	1	2	—	3
Городские для обоего пола	—	1	—	1
Приготовительные классы при уездных училищах	—	1	—	1

Окончание таблицы 1

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Училища сельские для мужского пола	–	–	39	39
Училища сельские для женского пола	–	–	9	9
Училища сельские для обоего пола	–	–	57	57
Церковно-приходские школы	1	–	400	401
Частные школы	3	3	3	9
Воскресные школы	–	–	1	1

По данным таблицы видно, что в Вологодском крае в 1871 году действовало 564 учебных заведения: из них 16 находилось в Вологде, 34 – в уездных и заштатных городах, 514 – в уездах. Если сравнить наличие учебных заведений по трем графам: губернский город, уездные и заштатные города, уезды, то можно сделать следующий вывод: в губернском городе образование было более разносторонним и разноуровневым, т.е. был больший выбор по направлениям подготовки. После окончания гимназии можно было сразу поступать в университеты для получения высшего образования.

На селе же основным видом учебных заведений были церковно-приходские школы с 1 или 2 годами обучения, где основным предметом являлся Закон Божий. Во многом, поэтому крестьяне оставались очень набожными. Сельские училища или земские школы с 2-летним сроком обучения давали начальное образование, чего было естественно недостаточно для получения глубокого образования на селе. В целом, если сравнивать уровень наличия учебных заведений в Вологодском крае с другими регионами страны, то ситуация будет примерно одинаковой.

Если говорить о численности обучающихся в данных учебных организациях в 1871 году, то общее число учеников составляло 10626 учеников, из которых 1470 учеников учились в учреждениях губернского города, 1856 – в уездных и заштатных городах, 7300 – в уездах, т.е. на селе. Это очень низкий процент от общего числа детей школьного возраста. По половому принципу количество обучающихся очень сильно берет крен в сторону мужского пола: 9658 – мужского пола и 968 – женского пола [2, с. 46–49]. Этот статистический факт объясняется традицией, что женщина – это хозяйка в доме, поэтому государство не очень заботилось о женском образовании даже в такое близкое от современности время.

Что касается главного учреждения Вологодского края в XIX веке, то ей по-прежнему оставалась Вологодская губернская мужская гимназия. В 1871 году в ней обучалось 214 учащихся из различных сословий. Об этом говорят нам «Правила для приема учеников в Вологодскую мужскую гимназию».

Первое правило гласило: «В гимназии обучаются дети всех состояний, без различия звания и вероисповедания» [2, с. 88]. Идея всесословного образования была воплощена в 1864 годах Александром II через принятие «Устава гимназий» и «Положения о народных училищах» [3, с. 198]. В Памятной книжке за 1862 и 1863 годы, т.е. до данной реформы, данной

правило звучало следующим образом: «В Гимназию и пансион при оной принимаются: 1) в пансионеры: дети одних только дворян и чиновников; 2) в приходящие ученики: дети дворян, чиновников и лиц свободного состояния, исключая придворнослужителей, не достигших классных чинов, артистов Императорских театров, принадлежащих ко 2-му разряду, и кавалеров, – уроженцы Царства Польского только тогда, когда представляют от г. Попечителя Варшавского учебного округа свидетельство о том, что к обучению их в гимназиях, университетах и других учебных заведениях не настоит препятствия» [1, с. 3]. Мы видим существенные ограничения по приему в гимназию, ни каких детей низшего сословия. Таким образом, именно благодаря данной реформе начался резкий скачок грамотности населения, стали открываться новые типы учебных заведений типа церковно-приходских, частных и воскресных школ [4, с. 62].

Второе правило сообщало о необходимых документах для подачи прошения на зачисление: «К прошению о поступлении в Гимназию, подаваемому на имя директора, прилагаются свидетельства о возрасте и о звании. Медицинское свидетельствование поступающих в том, что они не имеют телесных недостатков или болезней, преподавающихся вступлению в общественное заведение, делается врачом гимназии» [2, с. 88]. В Памятной книжке на 1862 и 1863 годы данное правило было следующим: «Документы, требуемые для поступления: 1) о звании; 2) о рождении и крещении, засвидетельствованный Духовною Консисториею; 3) о здоровом телосложении и привитии оспы; 4) об увольнении от общества детей, если принадлежат к купеческому и мещанскому сословию; 5) обязательство от лица, жительствующего в Вологде при определении детей в пансионеры: 1) в исправном взносе платы, 2) в строжайшем исполнении требований заведения, если пансионер находиться будет вне оного и 3) в приеме его, в случае исключения из Гимназии» [1, с. 3–5]. Здесь налицо более жесткие требования. Если ребенок не вышел телом, то учиться ему в гимназии до реформы было не суждено. Если не православной религии, то путь закрыт.

В третьем правиле указаны возрастные цензы и необходимые первоначальные знания для поступления в подготовительный класс: «В подготовительный класс Гимназии, принимаются дети не моложе 8 и не старее 10 лет, знающие первоначальные молитвы и умеющие читать и писать по-русски и считать до 1000, а также производить сложение и вычитание над этими числами» [2, с. 88]. В 1862 и 1863 годах данного класса еще не существовало в Вологодской гимназии.

В четвертом правиле возрастной ценз и необходимые первоначальные знания для поступления в 1 класс: «Для поступления в 1 класс гимназии требуется: а) знание главнейших утренних и вечерних молитв и важнейших событий священной истории ветхого и нового завета; б) умение бегло и со смыслом читать по-русски, напечатанное гражданским шрифтом и пересказывать по предложенными вопросам, легкие прочитанные рассказы, а также писать по-русски под диктовку, без искажения слов, крупным и средним шрифтами и читать по церковно-славянски, и в) знание первых четырех арифметических действий над целыми отвлеченными числами. При сем наблюдается, чтобы в 1 класс поступали дети не моложе 10 лет. В следующие классы гимназии принимаются имеющие соответственные классу познания и возраст» [2, с. 88].

Важным было замечание, которое касалось религии: «Примечание. Дети не христианского исповедания при поступлении своем в гимназию

или в приготовительный класс при оной не подвергаются испытанию из закона своей веры» [2, с. 88]. Это очень важное дополнение к правилам, так как в Правилах на 1862 и 1863 годы всем представителям не православной религии путь в гимназию был закрыт.

Таким образом, необходимо отметить, что в третьей четверти XIX века произошли огромные сдвиги в развитии системы школьного образования, что стало итогом Великих реформ Александра II. Получение образования стало всесословным и доступным для всех слоев общества, кроме крепостных крестьян, не выкупивших свой надел.

Список литературы

1. Памятная книжка Вологодской губернии на 1862 и 1863 г. – Вып. 1. – Вологда: Губернская типография, 1963. – 189 с.
2. Памятная книжка Вологодской губернии на 1973 год, изданная Вологодским губернским статистическим комитетом, под редакцией члена-секретаря комитета Ф.А. Арсеньева. – Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1873. – 93 с.
3. Пыхалов И.В. Образование в Российской империи: факты и мифы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – С. 196–200.
4. Руль Д.В. Эволюция образовательной системы в России XIX века. Реформы и их последствия // StudNet. – 2020. – №5. – С. 58–66.

Ешпанов Владимир Сарсембаевич

д-р ист. наук, профессор

Лузанов Виктор Александрович

магистр

Жаламанова Диана Александровна

студентка

Казахский университет технологии и бизнеса
г. Нур-Султан, Республика Казахстан

**ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
КОМСОМОЛЬЦЕВ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ
ТРАНСПОРТЕ СССР В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация: в статье рассмотрена роль авангарда молодёжи 40-х годов – комсомола в победе в Великой Отечественной войне. Изучен исторический опыт комсомола, деятельность тыловых комсомольских организаций на железнодорожном транспорте. Освещена работоспособность и большая организующая роль комсомола в условиях войны. Особое внимание уделено региональному исследованию, научная ценность которого определяется местной источниковой базой, позволяющей наиболее точно реконструировать историю прошлого.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, железнодорожный транспорт, комсомол, соревнование, трудовая помощь фронту.

Комсомол – организация, которая в течение военного времени стала школой жизни для многих поколений советских людей; организация, внесший огромный вклад в героическую летопись нашей истории.

Историческим испытанием для всего советского народа стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Война коснулась всех поколений. История комсомола в годы войны – это живой пример прошлого. Перелистывая его страницы, мы ощущаем дыхание эпохи, видим неповторимую связь времен и поколений. К началу 1941 года на территории СССР насчитывалось более десяти миллионов комсомольцев. По призыву Коммунистической партии патриоты-комсомольцы вместе со всем народом приняли самое активное участие в перестройке работы тыла на военный лад. Девизом комсомола стал призыв «каждому комсомольцу – тыловую специальность».

С самых первых дней войны комсомольцы-железнодорожники Актюбинского отделения Оренбургской железной дороги приняли активное участие во всесоюзном соревновании. Целью этого соревнования стало выполнение производственных показателей и ускорение продвижения поездов фронту и тылу. Они развернули движение двухсотников, трёхсотников, пятисотников, выступили с почином выполнять планы за товарища, ушедшего на фронт. Партийные, комсомольские и профсоюзные организации в повседневной партийно-политической, массово-агитационной работе мобилизовали коллективы, бригады смены на повышение производительности труда, укрепление высокой трудовой и государственной дисциплины, на всемерное оказание помощи фронту. Широко популяризируя передовые стахановские методы труда, подтягивая отставших, отдельные коллективы смены и бригады улучшили свою работу, в соревновании за второе полугодие первого года войны добились значительных успехов.

Только по отделению движения в соревновании за сентябрь первое место заняли комсомольцы железнодорожной станции Актюбинск. Станция сократила время в формировании поездов, увеличила процент отправления поездов, не имея браков в работе. Второе место заняли комсомольцы железнодорожной станции Кандагач. Коллектив этой станции энергично боролся за ускорение продвижения поездов, время простоя на станции. Третье место заняли комсомольцы железнодорожной станции Челкар, которые провели профилактическую работу по замене верхнего строения железнодорожного полотна на своей территории [1].

Паровозное депо станции Актюбинск, где мастером-передовиком работал коммунист Шахринов, октябрьскую программу выполнило на 360% благодаря своей команде молодых комсомольцев-железнодорожников. Вся бригада была занесена на областную доску почета. По паровозному депо в октябре средняя производительность труда составила 165%. За высокую производительность труда в октябре на областную доску почета занесены передовые стахановцы – лунинцы: комсомольцы-железнодорожники. Их работа была оценена комиссией, а итоги работы озвучены на комсомольском собрании. Благодаря их трудолюбию, паровоз, за которым они были закреплены, содержался в отличном состоянии, в результате чего локомотив имел 57342 км пробега без ремонта, перевыполнялась техническая скорость, экономно расходовалось топливо.

Главный кондуктор железнодорожной станции Актюбинск Якубов со своими комсомольцами в дни напряженной работы, не считаясь с трудностями, отдали все силы на ускорение движения поездов по своему участку [2].

С сентября 1941 года комсомол участвовал в формировании системы всеобщего военного обучения (Всевобуча), благодаря которой за годы

войны было обучено различным военным специальностям около 1,7 млн будущих призывников. В процессе подготовки квалифицированных кадров ФЗО и железнодорожные училища выполняли важные заказы. Согласно постановлению Государственного комитета обороны по Актюбинской области дополнительно были организованы учебно-производственные школы ФЗО железнодорожного транспорта с контингентом 400 человек. Промышленные предприятия и железнодорожный транспорт по плану подготовки квалифицированных кадров из числа женщин должны были подготовить для области в 1942 году 2500 человек, фактически за отчетный период подготовлено 1480 человек, что составляло меньше половины годового плана.

Вопрос о подготовке квалифицированных кадров из числа женщин обсуждался в Обкоме на совещании начальников отдела кадров, предприятий Актюбинской области. Кроме того, этот вопрос рассматривался и на бюро Обкома КП (б) Казахстана, на бюро Горкома КП (б) Казахстана, проверялось состояние укомплектованности и подготовки кадров на предприятиях и железнодорожном транспорте с выездом на места объектов 4 и 7-го отделений железной дороги. Со стороны отдела кадров Обкома КП (б) к руководству подготовкой квалифицированных кадров масовых профессий из женщин, еще не достаточно было подготовлено в 1942 году [3].

Однако, несмотря на достигнутые успехи, имелись и недостатки, количество брака в работе еще присутствовало. К более серьезным относятся такие, как сход паровозов, обрыв поездов, проезд закрытых семафоров, контрольных столбиков и отправления по неготовому маршруту. Имелось место и количество нарушений, только за первое полугодие 1942 года имелось 15 нарушений указа Президиума Верховного Совета.

В основном состав комсомольцев на отделениях железной дороги Актюбинской области состоял из бывших учеников школ ФЗО и учащихся Актюбинского техникума железнодорожного транспорта. К началу 1943 года было обучено 130 человек по разным направлениям железнодорожных рабочих профессий: литейщиков, слесарей, токарей и других. Для повышения квалификации кадров молодых рабочих на заводе организованы курсы техникума по группам, по специальностям. Окончили курсы техникума более половины подавших заявления.

При отделениях дороги были созданы кружки по изучению устава и программы партии, в которых занимались комсомольцы и рабочая молодежь. Систематически по цехам и сменам проводились беседы на различные темы, касающиеся патриотического направления «Партия большевиков – организатор побед», «Красная Армия – Армия спасителей», «Сталин – великий полководец современной Отечественной войны» и другие. В результате проведенной работы было принято в 1943 году в члены комсомола области 72 человека.

Актюбинские комсомольцы-железнодорожники стремились поддержать почин работников других магистралей по повышению производственных показателей. К всесоюзному дню железнодорожников в 1944 году взяли социалистическое обязательство выполнить строительные работы, а заработанные средства передать в фонд восстановления разрушенных железнодорожных станций СССР. Для успешного выполнения строительных программ организовали учебу новых рабочих строительных квалификаций. Однако в ходе проведения самого мероприятия

возникли следующие проблемы: комсомольско-рабочие бригады не всегда обеспечивались такими необходимыми строительными материалами, как алебастр, кирпичи, лесоматериал и другие. Отсутствие на участке компрессоров замедляло работу по добыче камня, в результате чего были простой в колонне искусственных сооружений, несвоевременная доставка балласта не давала возможности привести путь в надлежащее состояние. Невзирая на вышеупомянутые проблемы, все же удалось завершить запланированное мероприятие [4].

Таким образом, значительная роль в победе в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов принадлежит комсомольцам, которые самоотверженно трудились в тылу, обеспечивая фронт всем необходимым, заменяя отцов и братьев, ушедших на фронт. Подвиг комсомола за годы войны был высоко оценен. Более половины Героев Советского Союза – это комсомольцы.

Список литературы

1. Государственный архив Актюбинской области (ГААО). Ф. 13. Оп. 11. Д. 251. Л. 23.
2. ГААО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 251. Л. 68.
3. ГААО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 255. Д. 14.
4. ГААО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 255. Д. 49.

Кузнецова Юлия Викторовна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет

им. Н.П. Огарева»

г. Саранск, Республика Мордовия

МЕСТО СНОВ И СНОВИДЕНИЙ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Аннотация: в статье рассматривается феномен сна и сновидения в контексте традиционной китайской культуры. Автором выделены главные черты в представлениях китайцев о снах, а также представлены классификации сновидений на основе анализа таких памятников китайской письменности, как иньские гадательные надписи, канон «Чжоу ли», канон «Хуан-ди нэй цзин», труд «Цяньфу лунь», «Сонник мудреца Чжоугуна», китайская сюжетная проза сяошо (VII–XII вв. н.э.).

Ключевые слова: сон, сновидение, толкование сновидений, Китай, китайская культура, гадательные практики.

Для китайской культуры характерны высокая оценка сновидения как тонкого энергетического состояния человеческого тела и особого духовного измерения. В традиционных представлениях китайцев помимо материальной души, поддерживающей функционирования организма, существует нематериальная душа, которая покидает тело во время сна и существует по потусторонним мирам, общаясь с душами мертвых, живых, духов. Следует отметить, что отношение к сну как важнейшему способу связи мира людей с потусторонними мирами характерно практически для всех древних культур. Исследователь Ю.В. Кузнецова пишет: «Можно

признать типичным тот факт, что в традиционных сообществах сновидение рассматривается как явление сакрального характера, наделенное пророческими свойствами. Обусловлено это восприятием состояния сна как своеобразного пространства непосредственной коммуникации со своими предками, что, во многом, является основой существования человека в традиционном обществе» [4, с. 49].

В древнем Китае была широко распространена практика инкубации снов, т. е. получения священного послания во время сна на священном месте, обычно в специальных храмах. Процедура инкубации подразумевала сложное ритуальное сопровождение: очищение перед сном, интерпретация сновидений с помощью храмового толкователя, определение дальнейших действий сновидца и т. д. Практически до XVI в. правительственные чиновники, прежде чем принимать государственные решения и делать официальные заявления, были обязаны посещать храмы для инкубации, чтобы заручиться высшей поддержкой. Подтверждение обращения правителей к снам, как важным знакам, встречаются уже в одном из ранних памятнике китайской письменности – иньских гадательных надписях.

Безусловно, центральное место в практике инкубации занимает толкование сновидений (мэнчжань), которое уходит корнями вглубь веков. Уже в эпоху Чжоу (1045–221 гг. до н. э.) искусство интерпретации сновидений занимало центральное место среди гадательных практик. В одном из ранних памятников китайской классической литературы, входящих в конфуцианское «Тринадцатикнижие», каноне «Чжоу ли» («Чжоуские ритуалы», III в. до н.э.) говорится о служителях (чжаньмэн), которые занимались гаданиями исключительно по сновидениям [2, с. 87]. Канон содержит первую классификацию снов, содержащую шесть типов снов, основанных на чувствах спящего человека: обычные сны, тревожные сны, рефлексивные сны, грэзы наяву; счастливые сны; пугающие сны. Для правильной интерпретации сновидения была крайне важна фигура толкователя, которому необходимо было учитывать множество факторов: положение звезд, время года, здоровье человека и его физическое окружение.

Подробный анализ влияние состояния человека на его сновидения проведен в древнейшем и основополагающем трактате традиционной китайской философии и медицины «Хуан-ди нэй цзин» («Канон Желтого императора о внутреннем»). Например, если в человеке много энергии инь, то во сне присутствует образ воды или происходит наводнения, а при переизбытке энергии ян, человек видит огонь, пожар. Как пишет известный американский религиовед Джеймс Р. Льюис, «Инь представляет собой ранимое, тонко чувствующее начало, в то время как ян – сильное и властное. В сновидениях инь может выражаться в символах воды, ян сообщает о себе символами огня» [3, с. 201]. Таким образом, сны могут рассматриваться для диагностирования болезней.

Подробная типология снов предложена в основном труде философа Ван Фу «Цяньфу лунь» («Суждения затворника»). Исходя из представленной классификации, сновидения бывают: прямые (будущие события во сне предстают в ясном виде); символические (во сне присутствуют иносказательные образы); духовные (говорящие о духовном состоянии человека); мыслительные (отражают мысли спящего); личностные (в

зависимости от социального статуса спящего); противоположные (расшифровываются в обратном смысле) и т. п.

В народе большой популярностью пользовался «Сонник мудреца Чжоу-гун» или «Мудрый сонник», созданный основателем чжоусской династии Чжоу-гуном (XI в. н.э.). Чжоу-гуном являлся авторитетом в сфере традиционных гадательных практик и одним из авторов известной китайской философской и гадательной книги «Чжоу-И» («Канон превращений»). В соннике подчеркивалась особая роль сновидений, как божественных посланий, способных повлиять на судьбу человека. Сны подразделялись на определенные категории (не всегда логичные и последовательные): связанные с движением небесных тел; с рельефом местности; сны о частях тела; сны о предметах одежды; сны о мечах, ножах, знаменах; сны о чиновниках; сны о зданиях и отдельных помещениях; сны о драгоценностях; сны о туалетных принадлежностях; сны о транспортных средствах; сны о дорогах, мостах, рынках; сны о семейной жизни; сны о еде и напитках; сны о погребальных ритуалах; сны о писчих принадлежностях; сны о счастливых и несчастливых событиях; сны религиозного содержания; сны об убийствах и драках; сны сельскохозяйственной тематики; сны о стихийных бедствиях, нападениях разбойников и мятежах; сны о нечистотах, грязи и уборке; сны о диких животных, включая несуществующих; сны о домашних животных и скотине; сны о черепахах, рыбе и насекомых.

Что касается образного ряда сновидений, то его расшифровка, безусловно, зависит от специфики китайской истории и культуры, что, однако, не отменяет универсальный характер многих символов сна. Как пишет Ю.В. Кузнецова, «для этнографии и культурологии наиболее важным представляется вопрос этнической специфики образов и действий в сновидениях и их связи с духовной культурой народа. При всем многообразии существующих типологий и классификаций сновидений в рамках конкретной исторической культурной общности, представляется возможным выделить универсальные основания представлений о снах и сновидениях в народной культуре» [4, с. 50].

Известный китаевед А.И. Алиев, анализируя китайскую сюжетную прозу сюошо (VII–XII вв. н.э.), отмечает, что «согласно зафиксированным в указанном материале представлениям, сон выступает в первую очередь важнейшим способом связи мира людей и потустороннего мира: обиталища душ умерших, загробной сферы и сферы святых, духов» [1]. Исследователь предлагает типологию сновидений, встречающихся в данном виде китайской прозы:

1) вещий сон. Это необычное, как правило, краткосрочное явление, правильное истолкование которого может служить руководством к действию;

2) сон с явлением души умершего человека, которая может выражать обеспокоенность, обращаясь во сне к человеку с просьбами, угрозами, благодарностью и т. д.;

3) жизнь-сон выступает в качестве литературного приема, когда за короткий период времени во сне проходит целая жизнь. Имеет воспитательную цель осознания несовершенства своей реальной жизни;

4) сон с посещением горнего мира. В китайской прозе человек оказывается ввергнутым в такой сон часто из-за того, что некий святой вызывает к себе, в свои чертоги его душу – например, для ученой беседы или, например, сочинения стихов;

5) сон, в котором человек попадает в загробный мир по вызову потусторонних сил с целью получения определенных сведений. Частым сюжетом является посещение человеком ада, где он убеждается, какие бывают наказания после смерти [1].

Суммируя вышесказанное, следует заметить, что в традиционной китайской культуре снам отводится значительное место в системе гадательных практик, которые составили основу методологии научного знания в Китае, наиболее полно воплощая в себе комплексный подход к проблемам взаимодействия человека и среды. Толкование сновидений в Китае является частью духовной практики, которой до сих пор привыкли доверять, в ней прослеживается связь с божественным началом, заложенным в самом человеке, присутствуют подсказки и предупреждения.

Список литературы

1. Алимов И.А. О сне в представлениях китайцев / И.А. Алиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pvcentre.agava.ru/alimov>
2. Brennan J. The Dream, Divination and Statecraft: The Politics of Dreams in Early Chinese History and Literature / J. Brennan // The Dream and the text. Essays on Literature and Language / ed. by C.S. Rupprecht. State University of New-York Press, 1993. – Р. 73–103.
3. Джеймс Р. Льюис. Энциклопедия сновидений / Р. Льюис Джеймс. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 336 с.
4. Кузнецова Ю.В. Сны и сновидения в контексте традиционной культуры (на примере финно-угорских народов) / Ю.В. Кузнецова // Центр и периферия. – 2019. – №1. – С. 49–53.
5. Сонник Чжоу-гун (Китайский сонник) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://juicyworld.ru/dream-book-zhou-gong/>

Ласточкин Вячеслав Борисович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПАМЯТЬ О ПОДВИГЕ НАШЕГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ – ВАЖНЕЙШИЙ РЕСУРС ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: в статье рассмотрены актуальные проблемы социального партнерства государственных организаций, общественных объединений, СМИ, краеведов в сохранении исторической памяти о массовом народном подвиге наших соотечественников в Великой Отечественной войне и воспитании молодежи, в первую очередь учащейся, на примере этого подвига в духе патриотизма.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашская Республика, патриотическое воспитание молодежи, патриотическое воспитание школьников, активная жизненная позиция, государственно-общественное социальное партнерство, преемственность поколений.

Сохранение исторической памяти о важнейших событиях, определивших судьбу народов многонациональной России, патриотическое воспитание молодежи на основе этой исторической памяти является важнейшим фактором государственной политики Российской Федерации в области образования и культуры, направленной на консолидацию общества. Статья 67–1 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохранив память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российской государства, признает исторически сложившееся государственное единство. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [3, с. 24].

В России, в том числе в Чувашской Республике, сложилась и развивается действенная система государственно-общественного социального партнерства государственных и муниципальных учреждений общего и дополнительного образования и культуры с общественными объединениями в деле формирования молодежной культуры патриотической ориентации. Как справедливо отмечает В. Лутовинов, «патриотическое воспитание должно рассматриваться как одно из приоритетных направлений работы образовательных организаций всех типов и уровней, особенно общей (средней) школы. Это связано с тем, что именно дети и молодежь составляют основную объектовую базу патриотического воспитания, а школа является ведущим учреждением, где закладываются основы гражданско-патриотического становления подрастающего поколения – будущего нашей страны» [4, с. 15]. При этом патриотизм обязательно должен быть деятельным естественным состоянием и проявлением

экзистенциальной сущности человеческой личности, ее активной жизненной позиции. Необходимо согласиться с точкой зрения Е.Ю. Клепцовой, которая считает, что «именно в рамках личностно-деятельного подхода, возможно, рассмотреть специфику и психологические особенности рассматриваемого феномена. Специфичность патриотизма определяется воздействианием в нем высших смыслов реализации себя в жизни и деятельности» [2, с. 36]. Таким образом, речь теперь уже идет даже не просто о традиционном личностно-ориентированном, а о более высоком – личностно-деятельностном подходе, при котором личность выступает уже в качестве не пассивного объекта, а сознательного, активного, равноправного субъекта учебно-воспитательного процесса. Такой подход несет ярко выраженный гуманистический аксиологический смысл, поскольку воспитывает креативные способности и потребности юношей и девушек и соответствует их естественному устремлению к самореализации и самоутверждению на благородном общественно полезном поприще. Это соответствует и лучшим традициям среднего и высшего образования советского периода. В современных условиях эти традиции находят яркое воплощение в волонтерстве, работе молодежных поисковых отрядов, масштабом участии в таких общественных патриотических акциях, как «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк».

В год 75-летия Великой Победы, даже несмотря на ограничения, вызванные эпидемией коронавируса, зародилась еще одна подобная интересная массовая патриотическая акция «У Победы есть имя. Улицы Героев в Чебоксарах». На чебоксарских улицах, носящих имена героев, появились красочные стенды, посвященные их подвигу. Они сами по себе привлекают внимание. Осенью, с началом учебного года, в школах начались, а в марте, в дни традиционной Недели детской книги, – особенно активизировались мероприятия, посвященные памяти этих героев.

Так, в микрорайоне кадетской школы №14 имени генерал-майора В.А. Архипова в Чебоксарах есть улицы Олега Кошевого, Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Лизы Чайкиной. Здесь прошла серия мероприятий, посвященных памяти этих героев-комсомольцев, в том числе читательские конференции по роману Александра Фадеева «Молодая гвардия», документальным повестям матерей юных героев Елены Кошевой «Повесть о сыне», Любови Космодемьянской «Зоя и Шура», зрительская конференция по новому фильму «Зоя» о Зое Космодемьянской. Кстати, этот фильм вызвал в Чувашии особенный интерес еще и потому, что главную роль играет в нем наша землячка – 27-летняя актриса Московского академического театра, выпускница гимназии №5 Анастасия Мишина.

Особенно большой опыт патриотического воспитания учащихся накопила Чебоксарская кадетская школа имени Героя Советского Союза А.В. Кочетова – боевого летчика Великой Отечественной войны. В нее открыт уникальный школьный музей авиации на вертолете, подаренном нашим земляком Героем России генералом Н.П. Гавриловым.

В Чебоксарских средних школах №№27 и 29, что на улице Мичмана Павлова, традиционными стали мероприятия памяти этого нашего земляка, который не только был героем Гражданской войны, но и командовал резервной стрелковой бригадой во время Великой Отечественной войны.

В Чебоксарской средней школе №45 учитель истории и обществознания А.В. Григорьев разработал, провел учебно-воспитательный час на тему: «Пионеры – герои» и опубликовал сценарий этого мероприятия в журнале «Халах шкуле – Народная школа» [1, с. 27–29].

Замечательные возможности для патриотического воспитания открывает проводимый в Чувашской Республике в 2021 г. «Год трудового подвига строителей Казанского и Сурского рубежей», посвященный 80-летию этого подвига, до недавнего времени остававшегося, к сожалению, недостаточно известном общественности даже в Чувашии, на территории которой проходила народная стройка с участием 110 тысяч человек, в основном женщин и молодежи. Вручную, с использованием только ломов и лопат, в жесточайшие морозы, доходившие до 45 градусов, эти герои до-срочно выполнили задание ГКО, и в январе 1942 г. завершили строительство оборонительных рубежей протяженностью 380 км., что почти втрое превышало общую протяженность линии Маннергейма в 135 км. Кроме того, на территории Чувашии были построены часть железной дороги Свияжск – Ульяновск и автодороги Москва – Казань с мостом через Суру длиной 565,5 км. Эти стратегические магистрали имели важное значение для снабжения наших войск в Сталинградской битве [6, с. 120–122].

Теперь в честь этого ратного подвига развернулась сооружение мемориалов, в т.ч. главного из них – на повороте с трассы М7 на село Байгулово Козловского района. К поисковой работе активно подключились молодежь и школьники, особенно члены поискового клуба «Алые маки» под руководством председателя совета Чувашского регионального отделения Общества «Поисковое движение России» Евгения Шумилова. Учащиеся школ участвовали в выборе юбилейного логотипа. 4 февраля 2021 г. в Чебоксарах состоялась презентация сборника воспоминаний участников строительства рубежей, подготовленного и изданного под эгидой Управления образования администрации г. Чебоксары и регионального отделения Союза женщин России. Первая тысяча экземпляров сборника уже направлена в библиотеки и школы Чувашии. На сайте Мининформполитики ЧР посвященном героям строительства, открыт новый сайт «Глазами детей», на котором размещены сочинения, рисунки, видеоролики с рассказами школьников – внуков этих героев. Учащиеся идут на экскурсии на выставку «Строительство оборонительных рубежей» в Доме Дружбы Народов в Чебоксарах.

8 февраля в кадетской школе имени А.В. Кочетова в рамках Всероссийского проекта памяти открылась выставка «Без срока давности» о злодеяниях гитлеровцев и их пособников на территории 28 полностью или частично оккупированных автономных республик, краев и областей РСФСР. В марте–апреле эта выставка работала в Национальной библиотеке ЧР, где она была дополнена многотомным изданием сборников документов на эту тему, там же была открыта выставка картин и портретов.

Чебоксарское городское общественное собрание ветеранов Великой Отечественной войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов дважды – в 2015 и 2020 годах – издало сборник воспоминаний «Солдаты и дети победы» [5], в который включены 14 работ учителей и учащихся школ столицы республики – лауреатов творческого конкурса «Рассказы деда о войне».

Так юношество познает правду и обретает гражданственность в познании, сохранении и продолжении исторической памяти.

Список литературы

1. Григорьев А.В. Пионеры-герои / А.В. Григорьев // Халах школе – Народная школа. – 2020. – №3. – С. 27–29.
2. Клепцова Е.Ю. Феномен патриотизма как категория деятельности / Е.Ю. Клепцова // Воспитание школьников. – 2020. – №1. – С. 34–39.
3. Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года. – М.: Эксмо, 2020. – 64 с.
4. Лутовинов В. Образовательная сфера – важнейший компонент патриотического воспитания в современной России / В. Лутовинов // Воспитание школьников. – 2021. – №2. – 9–19.
5. Солдаты и дети Победы. Сб. воспоминаний. 2-е изд., доп. – Чебоксары: Новое время, 2020. – 296 с.
6. Сухова Е.В. Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР) / Е.В. Сухова. – Чебоксары: ПБОЮЛ Л.А. Наумова, 2008. – 212 с.

Мягков Герман Пантелеимонович

д-р ист. наук, профессор
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»

профессор
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

Недашковская Надежда Игоревна

канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
г. Москва

«СУБЪЕКТИВНОЕ» И «ОБЪЕКТИВНОЕ» В ДИСКУРСЕ ИСТОРИОГРАФИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ XIX в.

Аннотация: продолжая свои исследования по истории славистики XIX века, авторы обращаются к проблеме ее профессионализации. Выдвигается положение, что на современном этапе прогресс в осмыслении означенного процесса связан с применением комплексного антропологического подхода к изучению метанарратива. Доказывается необходимость максимального включения в современное историографическое поле «субъективных» и «объективных» свидетельств, оставленных историографами – создателями «пантеона классиков» и корпуса классики славяноведческой науки.

Ключевые слова: славяноведение, историография, антропологический поворот, нациестроительство, пантеон классиков.

История славяноведения, как и другие нациеведческие дисциплины, давно оказалась в поле зрения разных наук – истории, социологии, филологии, психологии. Очевидно, что она не только перекрывает несколько

предметных полей, но и не сводима к аналитике в рамках одной парадигмы. Уже дискуссии на IV Международном съезде славистов в Москве (1958 г.) показали, что деконструкция истории славяноведения [7] возможна только при помощи теорий для гетерогенных объектов. Для изучения наследия славяноведения оправдано парсонсовское понимание человеческого сообщества и общества в целом [9] как системы отношений и взаимосвязей, а не совокупности действующих лиц и акций, что отнюдь не противоречит антропологическому фокусу новой историографии, но позволяет расшифровывать историю науки как движущееся явление, как процесс конструирования сознания, и не подвергать редукции социальный контекст возникновения идей и самого проекта славяноведения.

Таким образом, новая историография этой науки должна ставить задачу метарефлексии, то есть преодоления ограниченности интерпретативных методов, деконструкции внутренних закономерностей нарративов, составляющих ткань историографии, с позиции наблюдателя извне. Антропологическая оптика позволяет при этом найти органичные ракурсы изучения главного актора историографического дискурса – человека – интеллектуала и творца, писать «историю с человеческим лицом» [10]. В таком случае весь корпус текстов от дневников и писем до историографических трудов и энциклопедий будет прочитан как единая семиотическая система. «Отвечая вызовам и потребностям современного общества, история неизбежно вовлекается в процесс непрерывной смены ракурсов и методов изучения, ключевых понятий и оценочных критериев», – пишет Л.П. Репина в статье, предваряющей публикацию уникальных интервью современных историографов [3, с. 5].

Внешней аналитической рамкой новой историографии славяноведения, позволяющей раскрыть механизмы формирования дискурса во всей его полифонии, является профессионализация этой науки [12, с. 267; 11]. Она позволяет включить в исследовательское поле все многообразие дискурсивных связей славяноведения, провоцировавших такое же многообразие практик. Задача изучения истории науки как истории ее профессионализации закономерно превращает человека – субъекта дискурса в центральный объект исследования и позволяет избежать кумулятивистской модели анализа, которая неизбежно описывает мнения, не выявляя условий их возможности. Таким образом, в новую историографию славистики возвращается целый пласт мнений, устных свидетельств, «субъективных» или даже очевидно ангажированных воспоминаний, а наблюдатель преодолевает традиционную роль адвоката или судьи.

Все аспекты профессионализации славяноведения в России XIX в. имеют репрезентативную источниковую базу, детально отражены в историографическом нарративе рассматриваемого периода, но в силу дальнейшей дисциплинаризации (обособления) отдельных составляющих науки о славянском мире, не изучались до наших дней как единый дискурс.

Весь *первый этап* существования славистики как сообщества антиквариев, которое усложняется в первой половине XIX столетия методологическими идеями романтиков и порождает проект комплексной науки о славянском мире, в России развивался преимущественно по модели и под влиянием патронажа вельмож и государственных чиновников. О деятельности самых значимых из них – Н.П. Румянцева и С.С. Уварова –

существует обширная научная литература [5; 6]. Согласно концепции Е.А. Вишленковой и К.А. Ильиной, профессора «уваровского призыва» по проекту и при поддержке министра, развивая новую науку, осуществили не только кадровую экспансию, но и трансформацию карьерной модели, своеобразную принудительную модернизацию ряда аспектов профессионализации (порядок экспертизы, коммуникации, получения степени, должности и т. д.) [1]. Этим блестяще объясняется негативный прием некоторых уваровских профессоров в университетах, столкновения при «скоропалительной» подготовке диссертаций и программ путешествий в славянские земли (новые источники – открытия и быстрая слава), а также парадоксы репутаций этих профессоров в историографии. Достаточно вспомнить противоречия в оценках наследия практически всех первых университетских славистов – О.М. Бодянского, П.И. Прейса, И.И. Срезневского, В.И. Григоровича.

Корпус классики российской версии науки начал формироваться почти одновременно с корпусом источников. Как и вся коммуникация славистики, корпус классических трудов был во многом наднациональным и изначально интегрировал в себя труды европейских славистов. И здесь в круг действующих лиц (акторов дискурса) оказались вовлечены не только ученые-антикварии и ученые-«нациестроители», но и интеллектуалы – переводчики из смежных областей науки – классической филологии, русской истории. Один из известных примеров – приглашение Н.П. Румянцевым И.М. Снегирева, М.П. Погодина, О.М. Бодянского для переводов трудов Добровского, Шафарика и др.

«Пантеон» классиков славяноведения начинает выстраиваться одновременно с корпусом классических текстов, однако, не полностью его дублируя по персоналиям. В первой половине века он был представлен преимущественно европейскими именами – И. Добровского, Ю. Крижанича, В. Караджича, П. Шафарика, рядом с которыми встали имена доуниверситетских славистов – собирателей и мыслителей: П.И. Кеппена, К.Ф. Калайдовича, А.Х. Востокова. Метафорика вокруг имен этих ученых сразу была оформлена в высоком «штиле»: «будители», «отцы славяноведения», «патриархи». Именно за право вносить корректиды в состав пантеона будут конкурировать во второй половине века авторы «больших» историй славистики – В.И. Ламанский, А.А. Кочубинский, И.В. Ягич и др.

Показателен жанровый состав историографических работ представителей первого поколения университетских славистов и их ближайших учеников: это преимущественно научные биографии разных модификаций от полного монографического исследования наследия одного ученого до некролога и обширная переписка, которая будет опубликована значительно позже. «Истории», т.е. нарративы, истории, пусть даже только о первых годах славяноведения в России, появятся лишь в позитивистской славистике, которая сделает попытку порвать с первоначальным проектом и методологией славяноведения эпохи романтизма [4].

Второе поколение университетских славистов перепишет историю и создаст свою историографию этой науки, поскольку ее история оказалась стратегически значимой частью нарратива славянской идентичности. Ими оказались созданы сюжетные схемы и тропы, которые структурировали искания ученых и позволяли транслировать идеологемы славяноведения в «массовое» научное и общественное сознание, они же «отредактируют» и

состав героев/антигероев метаnarратива, узурпировав таким образом его власть (показательны случаи редактирования, если не полной фальсификации текстов «отцов-основателей» славистики, как это произошло с трактатом Л. Штура [8]).

Сложившийся к началу XX в. нарратив истории российского славяноведения представляет собой сложный, многослойный и «многоязычный» текст, в котором бессмысленно искать единую линейную логику развития науки или субъективные траектории карьеры и политических интересов славистов – такой путь только усиливает власть нарратива. История этой науки представляет собой корпус научных, публицистических, художественных, эпистолярных, мемуарных текстов, записанных устных суждений и свидетельств о научном быте, оценочных суждений, каждое из которых является единицей общей семиотической системы и должно прочитываться в контексте других.

Таким образом, в опытах самоописания славистики второй половины XIX в. нашел реализацию первоначальный интеллектуальный проект славяноведения и, что еще важнее, происходило дальнейшее переконструирования этого проекта в соответствии с интересами новых поколений политиков и славистов.

Исследование конкурирующих «историй» славистики, созданных разными научными поколениями, в контексте методологических поисков науки позволяет рассмотреть научное наследие славяноведов XIX в. с позиций историзма как часть интеллектуального проекта славянского национализма вне зависимости от произошедшей специализации. Последующая специализация развела историю отдельных славистических дисциплин, а без учета первоначального замысла славистики в наши дни происходит утрата и ее предмета.

Исследуемый нами корпус источников никогда не рассматривался как единый текст, единая знаковая система. До настоящего времени не предпринималось также и попыток объяснения неоднократной резкой смены методологических установок славяноведов на протяжении всего XIX в., анализа процесса специализации, причин «переписывания» историографии науки. Проблематизация указанных «темных мест» истории славистики на материале текстов самоописания позволит сформировать подход к изучению истории славистики, который вслед за основоположником интерпретативной (герменевтической) антропологии К. Гирцем [2] ставит задачу приобрести доступ к категориям миропонимания изучаемых людей через признание всех участников и всех высказываний дискурса, дополняет арсенал истории гуманитарного знания, демонстрируя пути реализации антропологического поворота в историографии. В настоящее время это особенно актуально, поскольку история славистики на современном этапе продолжает транслировать не отрефлексированные и потому сохраняющие свою власть нарративы национального и государственного строительства.

Для нас также важно, что именно история профессионализации славистики позволяет установить связи между исторической рефлексией и критическим анализом современного состояния ее историографии.

Список литературы

1. Вишленкова Е.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость / Е.А. Вишленкова, К.А. Ильина // Новое литературное обозрение. – 2013. – №4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/15v.html> (дата обращения: 5.03.2021).

2. Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
3. «Из первых уст...»: историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / сост. и общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2020. – 208 с.
4. Макарова Н.И. Проблема методологического синтеза в славяноведении: наследие В.И. Григоровича / Н.И. Макарова // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: сборник научных статей и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинцев. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – С. 243–248.
5. Майофис М.В. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов / М.В. Майофис. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 800 с.
6. Молчанов В.Ф. Государственный канцлер России Н.П. Румянцев / В.Ф. Молчанов. – М., 2004. – 575 с.
7. Мягков Г.П. Несостоявшийся проект транснациональной истории славяноведения: к проблеме реконструкции замысла науки / Г.П. Мягков, Н.И. Недашковская // Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона: научный альманах'2017 / общ. ред. А.Е. Загребин; ред. кол.: В.С. Воронцов, Р.Н. Касимов, Д.А. Черниенко (отв. ред.). – Ижевск: Шелест, 2017. – С. 5–12.
8. Недашковская Н.И. Полемика вокруг трактата Л. Штура «Славянство и мир будущего»: романтизм и нигилизм в дискурсе проектов славянского национального возрождения XIX века / Н.И. Недашковская, Г.П. Мягков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 856–871.
9. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – 880 с.
10. Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2013. – С. 5–22.
11. Савельева И.М. Классическое наследие / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 336 с.
12. Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание / Р. Тоштендаль. – М.: Новый Хронограф, 2014. – 346 с.

Павлова Алевтина Николаевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

РАЗВИТИЕ ИДЕИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АРХИВОВ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: идея преобразования архивов в России берет свое начало в деятельности выдающихся архивистов своего времени Н.В. Калачова, И.Е. Андреевского и Д.Я. Самоквасова. Сравнительно-исторический и историко-генетический методы позволяют установить преемственность в развитии проектов архивной реформы в России во второй половине XIX – начале XX века. Суть предполагаемой архивной реформы заключалась в проведении централизации архивов, с целью улучшения их положения.

Ключевые слова: архивы, история архивного дела, историография архивоведения, Андреевский И.Е., Калачов Н.В., Самоквасов Д.Я., проекты архивной реформы, централизация, отечественное архивное строительство.

Актуальные проблемы современного этапа развития архивного дела в нашей стране связаны с изучением различных его аспектов, выявлением модернизационного потенциала и основных тенденций развития архивов, что требует обращения к историческому опыту, учета просчетов и достижений прошлого. На этапе дореволюционного развития страны идеи преобразования архивов получили наибольшее развитие в последней трети XIX – начале XX в. и связаны с именами Н.В. Калачова, И.Е. Андреевского и Д.Я. Самоквасова. Данная проблема нашла освещение в ряде работ В.Н. Автократова [1], Б.Б. Лебедева [4], К.А. Мазина [5], Н.И. Химиной [9], Т.И. Хорхординой [10], Л.И. Шохина [11] и др.

Реформы 1860–1870-х гг. в России оказали существенное влияние на архивы, где стала прослеживаться тенденция к централизации и концентрации документальных материалов. В этот период поборником идеи централизации явился Н.В. Калачов. В 1865 г. он был назначен управляющим Московского архива Министерства юстиции. К моменту назначения в архив у него сложилась определенная система основных теоретических положений архивоведения. Ученый считал, что в процессе развития архивов в России их назначение «раздвоилось» и цель архивных занятий разделась на две: выдачу деловых справок и облегчение работы исследователей» [3, с. 4].

Суть архивной реформы, предложенной Н.В. Калачовым, заключалась в сохранении архивных материалов, расширении доступа исследователей в архивы, превращение их в учреждения, гармонически сочетающие работы по обслуживанию государственного аппарата и отдельных лиц и удовлетворению запросов исследователей. Проект предусматривал создание сети архивов трех ступеней: архивы при министерствах и других высших правительственные учреждениях; местные центральные архивы;

архивы текущих дел при каждом учреждении. Местные центральные архивы должны были постоянно хранить документы, представляющие научную ценность. Возглавлять архивную сеть была назначена Главная архивная комиссия [6, с. 5]. Таким образом, был поставлен вопрос о создании единого руководящего архивного органа, в чем заключалась новизна и прогрессивность идей Н.В. Калачова.

Дело Н.В. Калачова было продолжено И.Е. Андреевским, преподававшим в Петербургском археологическом институте, созданном в 1878 г. по инициативе Н.В. Калачова. В 1885 г. И.Е. Андреевский занял пост директора этого учебного заведения. Суть проекта И.Е. Андреевского сводилась к следующему: разделение всех архивов на текущие и исторические; централизация исторических архивов, подчинение их центральному управлению. Из числа исторических архивов исключались ведомственные исторические архивы, что ограничивало сферу применения архивной реформы И.Е. Андреевского. Главная роль в осуществлении реформы отводилась губернским ученым архивным комиссиям и Петербургскому археологическому институту [2, с. 3–8]. И.Е. Андреевский пытался предложить максимально реальный проект, отсюда следовали уступки ведомственному принципу хранения архивных материалов [5, с. 90]. Проект И.Е. Андреевского явился промежуточным этапом, связавшим деятельность Н.В. Калачова и Д.Я. Самоквасова.

Д.Я. Самоквасов был назначен на должность управляющего Московским архивом Министерства юстиции в 1892 г. и возглавлял его до 1911 года. Смысл его реформы состоял в максимальной централизации архивной системы [10].

Ученый продолжил дело Н.В. Калачова, требуя составления в архивах описей, отвечающих не только практическим, но и научным интересам. Свои требования к составлению инвентарных описей он считал важной частью архивной реформы, целью которой являлось максимальное облегчение для ученых условий научно-исследовательской работы в архивах [10, с. 28].

Д.Я. Самоквасов поставил своей целью преодоление «архивного нesстроения», которым характеризовал ведомственную разобщенность архивов, отсутствие научно-справочного аппарата к историческим документам, их уничтожение [7]. Он считал необходимым начать реформу с создания главного архивного управления, в ведении которого должны были входить все вопросы архивного дела. Предусматривалось создание центрального исторического архива по образцу Национального архива Франции в Париже. Центральный исторический архив должен был сконцентрировать документы центральных государственных учреждений до 1825 года. В 12 губернских городах предполагалось создание краевых архивов с документами до 1775 г., а в остальных – городских исторических архивов с материалами после 1775 г. [8].

Необходимость учреждения центрального органа управления архивным делом обосновывалась не только необходимостью организационного преобразования архивов, но и целями создания единого методического центра. Проект Д.Я. Самоквасова предполагал создание широкой сети государственных архивов в противоположность существовавшей ведомственной разобщенности архивных учреждений, но не касался частных

архивов и архивов церковных учреждений [9, с. 12]. Очевидно, что в условиях, когда идея централизации архивов не получила поддержки на государственном уровне, невозможно было выработать единую научную концепцию классификации архивных документов. В целом теоретические разработки Д.Я. Самоквасова послужили фундаментом архивного законодательства в последующий период.

Таким образом, проекты преобразования архивов, предложенные Н.В. Калачовым, И.Е. Андреевским и Д.Я. Самоквасовым имели важное значение в истории архивного дела в России во второй половине XIX – начале XX века. Проект архивной реформы Н.В. Калачова имел прогрессивное значение, хотя он был реализован лишь в небольшой части, но дал своеобразный толчок к разработке новых проектов в данной области.

В отличие от Н.В. Калачева И.Е. Андреевский предоставлял уступки ведомственному хранению архивных материалов и являлся сторонником ограниченной централизации архивов. Смысл архивной реформы, предложенной Д.Я. Самоквасовым, состоял в максимальной централизации архивной системы, в чем заключалось ее отличие от проектов Н.В. Калачова и И.Е. Андреевского.

Список литературы

1. Автократов В.Н. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. / В.Н. Автократов // Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М.: РГГУ, 2001. – С. 299–312.
2. Андреевский И.Е. Наука об архивах: лекции, читанные в Петербургском археологическом институте в 1885/86 -1886/87 гг. / И.Е. Андреевский. – СПб., 1887. – С. 3–8.
3. Калачов Н.В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство / Н.В. Калачов // Сборник статей по архивоведению. – Т. 1. Ч. 1. – СПб., 1910. – С. 4.
4. Лебедев Б.Б. В.О. Ключевский и Д.Я. Самоквасов / Б.Б. Лебедев // Вестник архивиста. – 2001. – №6. – С. 303–311.
5. Мазин К.А. Из истории отечественной архивоведческой мысли второй половины XIX века / К.А. Мазин // Археографический ежегодник за 1989 год. – М.: Наука, 1990. – С. 88–93.
6. Маяковский И.Л. Н.В. Калачов как историк-архивист (из истории русского архивоведения. 1860–1880-е гг.) / И.Л. Маяковский. – 17 с.
7. Самоквасов Д.Я. Архивный инвентарь / Д.Я. Самоквасов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1897. – С. 57.
8. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России / Д.Я. Самоквасов. – М., 1902. Кн. 2.
9. Химина, Н.И. Отечественное архивное строительство: идея централизации на рубеже XIX–XX веков / Н.И. Химина // Отечественные архивы. – 1998. – №4. – С. 9–15.
10. Хорхордина Т.И. Самоквасов: консерватор-реформатор / Т.И. Хорхордина // Отечественные архивы. – 2000. – №2. – С. 26–41.
11. Шохин Л.И. Письмо Д.Я. Самоквасова великому князю Сергею Александровичу о назначении директором Московского архива Министерства юстиции / Л.И. Шохин // Вестник архивиста. – 2001. – №6. – С. 311–313.

Упоров Иван Владимирович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»
г. Краснодар, Краснодарский край

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ПРОБЛЕМА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО- ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Аннотация: в статье рассматривается проблема, связанная с особенностями развития общественно-исторического сознания в России. Автором отмечается противоречивость этого процесса, что показывается на примерах диаметрально противоположных интерпретаций одних и тех же исторических фактов, причем не только обычайтелями, но и профессиональными историками. Дается объяснение этому феномену.

Ключевые слова: исторический факт, общественное сознание, интерпретация, наука, методология.

Прошедшие два десятилетия прошедшего XXI в. характерны, среди прочего, тем, что в мировом информационном пространстве произошла революция – благодаря цифровым технологиям (компьютеры, Интернет) резко изменилась информационная парадигма: теперь огромные массивы сведений, знаний о практически любых сферах жизни доступны в кратчайшее время, измеряемое часами, минутами и даже секундами. Это обстоятельство не может не влиять на состояние научных исследований, что вполне естественно, если рассуждать логически – чем больше знает учёный, тем плодотворней должны быть его результаты. Однако ситуация нередко складывается неоднозначно, и это касается прежде всего исторической науки, о которой идет речь в данной статье. И эта неоднозначность заключается в том, что, несмотря на доступность множества источников о фактах истории России, по-прежнему наблюдаются острые разногласия по многим из них. Такое положение складывается ввиду различных исходных позиций толкователей этих фактов, то есть разноречивость определяется в первую очередь субъективным фактором.

И в этой связи мы не можем согласиться с точкой зрения о том, что «понятие объективности вполне применимо в исторических исследованиях, если определять его как данные, достоверность которых подтверждена научными методами» [1, с. 39]. Основной контраргумент как раз и заключается в субъективности самой методологии, которая ставит под сомнение объективность исторического исследования. И хотя, казалось бы, с принятием Конституции России 1993 г. и закрепленной в ней запретом цензуры и обязательной государственной идеологии, и, соответственно, с провозглашением свободы научного творчества (ст. 13, 29, 44 Конституции России), что произошло вообще впервые с историей России, методология исторического исследования должна быть усовершенствована настолько, чтобы выводы учёных-историков были достаточно убедительными, – этого пока не произошло.

Можно приводить немало примеров, показывающих, что субъективизм в значительном количестве исторических трудов отечественных исследователей явно зашкаливает, что, среди прочего, снижает потенциал возможностей, которые предоставляют достижения научно-технического прогресса в виде отмеченных выше цифровых технологий. Так, активные дискуссии среди профессиональных историков перманентно возникают по поводу заключенного в 1939 г. известного договора о ненападении между СССР и Германией (пакта Молотова-Риббентропа) с соответствующими секретными протоколами. Широкой общественности содержание этих протоколов стало известно после публикации в журнале «Новая и новейшая история» только в 1993 г. [2], и с тех пор споры вокруг этого исторического события не утихают. При этом абсолютное большинство историков не подвергают сомнению сам подписания секретных документов [4], то есть данный исторический факт является общепризнанным, однако его интерпретация различная и, как правило, позиции диаметрально противоположны. В.Р. Мединский оценивает советско-германский пакт 1939 г. как «дипломатический триумф» советской военно-внешней политики [3], и это одна позиция, а с другой стороны, и это другая позиция, данный пакт расценивается сугубо с негативной точки зрения, например, в работе В.Л. Дорошенко [5]. И если в первой половине 1990-х гг. в научно-историческом пространстве России преобладала первая позиция, то в дальнейшем, и особенно в настоящее время, преобладает вторая позиция. Подобная ситуация складывается и по поводу других исторических фактов, и довольно наглядно проявляется, в частности, по вопросам, связанным с деятельностью Сталина.

И это довольно сложное и противоречивое явление в развитии российского общественно-исторического сознания. Объясняя его, ряд авторов указывают на то, что исторический опыт общества есть результат не только рационального осмысливания прошлого, но и «его интуитивного и эмоционального восприятия» [6, с. 161], что на «формирование исторического знания влияет парадигма того научного сообщества, к которой принадлежит ученый-историк» [7, с. 42]. Можно добавить еще в этом контексте, что применительно к России исторические знания, как нам представляется, имеют слишком широкое понимание, если делать сравнение с другими гуманитарными научными науками, и прежде всего потому, что эти исторические знания непосредственно вплетаются в общественную-государственную-индивидуальную жизнь российского социума. Более того, есть основания предполагать, что поведение большинства россиян, по крайне мере, если иметь в виду их стратегические жизненные позиции, во многом определяются теми знаниями об истории нашей страны, которые они получили и определенным образом конвертировали в свои повседневные поведенческие установки.

В свою очередь, это обусловлено непоследовательной политикой российского государства, элита которого, исходя из своих целей, также склонна к преувеличению (преуменьшению) и выборочности исторического отечественного опыта, и соответствующие оценки через средства массовой информации предлагаются россиянам как «должные», но которые в дальнейшем нередко опровергаются. Так, в свое время советское государство практически заново переписало историю монархической

России, причем в негативной коннотации. После распада СССР в 1991 г. наблюдался активный процесс критики советского государства. И это при том, что речь идет об одной стране и об одном народе!

И подобные исторические «шарахания» не могут не разделять общество (причем, это касается как профессиональных историков, так и обычных жителей-обывателей нашей страны) по разным «историческим баррикадам», негативным образом влияя на фактор сплоченности общества перед вызовами современности и будущего. И в этом плане большая ответственность накладывается на профессиональных историков, которым нередко приходится принимать непростые решения в своей профессиональной деятельности. Так, еще сравнительно недавно (по историческим меркам), казалось бы, курс истории КПСС был обязательным в любом вузе СССР, и этот учебный курс читали сотни профессоров и доцентов, которые, разумеется, все достижения связывали с КПСС. Но в 1991 г. советского государства не стало, была распущена и КПСС, более того, компартии были предъявлены обвинения в преступлениях против общества, и даже были попытки организовать суд над ней [8]. А что же историки-преподаватели? Они быстро перестроились и стали преподавать историю страны с совершенно иными оценками КПСС. С историками-учеными ситуация похожая.

Разумеется, мы далеки от абсолютизации в характеристике историко-научного и педагогического сообщества (но тенденция, на наш взгляд, очевидна) и не склонны подвергать критике поведение и действия указанных субъектов исторического знания (на то ни у автора, ни вообще у кого-либо нет морального права, ибо каждый сам определяет свою жизнь), и лишь констатируем, что ни власть, ни научное историческое сообщество оказались не готовы, причем до сих пор, дать обществу честный и внятный комментарий произошедшему тогда событиям, связанным с распадом СССР. На наш взгляд, следовало, если предельно кратко, пояснить, что идея коммунизма не прошла испытания временем и квалифицируется как утопическая, МТБ коммунизма к 1980 г., как предписывалось в Программе КПСС, построить не удалось даже в первом приближении, выбранное направление развития общества оказалось ошибочным, и социально-экономическая ситуация требовала перехода на рыночные отношения. Но для такого признания нужно было, конечно, незаурядное политическое мужество, а политиков с таковым не обнаружилось, возможно потому, что историки не представили своего в достаточной степени убедительного профессионального объяснения происходящим событиям.

В литературе по этому поводу отмечается, что «при сознательно проводимом субъективизме (что тождественно идеологизированности) результаты исторического исследования заранее предписываются и действия такого «ученого» являются лишь имитацией познавательной деятельности. В этом случае выбираются только те исторические факты, которые допускают интерпретацию в духе требуемого результата; факты, не работающие на такую «теорию», либо отвергаются как ложные, либо же замалчиваются» [9]. К сожалению, подобные явления пока в значительной степени являются типичными, и особенно применительно к истории советского и постсоветского периодов, то есть, новейшей истории России. Мы можем объяснить это тем, что само российское общество находится в

стадии весьма противоречивого общественно-политического и социально-экономического развития, схожего по степени внутреннего напряжения к периоду конца 1980-х гг. Тем не менее, ученые-историки, на наш взгляд, должны находиться над «схваткой», и страницу за страницей писать Большую Летопись нашей страны, стремясь к максимально возможной объективности. Так, если вернуться к оценкам советско-германского пакта 1939 г., то тот же В.Р. Мединский, давая ему в целом позитивную оценку, в то же время считал неправильным оправдывать ссылками на подготовку к войне «тотальное беззаконие, террор против собственных граждан, массовые репрессии» [3].

И такой подход, когда нужно спокойно, как говорится, без надрыва, описывать события, не замалчивая и не выпячивая отдельные из них, и давать им оценку в корректных выражениях, и должен, как представляется, доминировать в исторической науке. Кроме того, мы считаем вполне возможным, когда историк меняет свою научную позицию, если на то, по его мнению, имеются соответствующие аргументы. В любом случае не нужно забывать, что история как научная отрасль занимает особое место в системе науки как социального института, поскольку как в повседневной жизни обывателей, гражданских сообществ, так и в деятельности представителей власти любого государства, и особенно России, исторические знания активно используются для формирования и укрепления собственных убеждений и позволяют обладателям таких знаний чувствовать себя более комфортно, оправдывать и обосновывать свои решения и т. д.

Соответственно, историческая наука, в отличие от иных гуманитарных наук, включает в свою орбиту значительное число граждан, и является в этой связи весьма влиятельной составляющей общественного бытия. Поэтому представляется очевидным, что историкам следует воздерживаться от политизации и конъюнктурности в своих исследованиях; в противном случае история как наука может просто исчезнуть, превратившись в аппарат обслуживания соответствующих политических сил. Вместе с тем также очевидным является необходимость более активного процесса предоставления общественности ранее закрытых архивов, без чего трудно делать объективные исторические суждения. Не менее, а, может быть, более важная задача заключается в определении мировоззренческих начал бытия российского социума, поскольку уже длительное время вопрос о том, какое общество мы строим, остается открытым, и историки здесь должны внести свой вклад, представляя обществу в этом контексте объективную историческую ретроспективу нашего прошлого.

Список литературы

1. Леона А.В. Философский аспект проблемы объективности исторического знания // Дискуссия. – 2014. – №1. – С. 37–41.
2. Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. – 1993. – №1. – С. 83–95.
3. Мединский В.Р. Дипломатический триумф СССР // РИА Новости. – 23.08.2019.
4. Грибан И.В. Пакт Молотова – Риббентропа в современном медиаполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2018. – №1 (67). – С. 131–138.
5. Дорошенко В.Л. Сталинская провокация второй мировой войны // Другая война: 1939–1945 / под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. – С. 60–75.
6. Сидоров В.Г. Идеология исторической памяти как фактор оценки прошлого // Голос минувшего. – 2016. – №3–4. – С. 159–163.

7. Мухаметгалиева Ч.И. Проблема объективности исторического знания // NOVAINFO.RU: исторические науки и археология. – 2016. – №1 (50). – С. 39–42.

8. Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде: записки участника процесса. – М.: Былина, 1999.

9. Нысанбаев А. Проблема объективности в историческом познании // Официальный сайт Института истории и этнологии МОН Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iie.freenet.kz/otan_tar_1_2000_1-2.html (дата обращения: 18.04.2021).

Юстус Татьяна Владимировна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-98332

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ТРУДОВОГО ВОСПИТАНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: в статье проанализированы теоретические основы и исторический опыт трудового обучения и воспитания школьников Чувашии и показана роль школы в их подготовке к общественно полезному труду, связь трудового воспитания с другими видами воспитания, политехнической школы, этнопедагогическими и культурными традициями, место и роль трудового воспитания учащихся в их социальной адаптации в современном обществе.

Ключевые слова: Чувашия, труд, воспитание, профориентация, политехническая школа, этнопедагогические традиции, образовательно-профессиональные кластеры, интегрированное образование.

Сегодня, когда в условиях перехода к новому технологическому укладу и «экономике знаний» современное производство настоятельно требует непрерывного пополнения квалифицированными, владеющими инновационными технологиями кадрами рабочих и специалистов, представляется чрезвычайно важным осмысление и применение исторического опыта трудового воспитания молодежи. Речь идет, прежде всего, о мировоззренческом, ценностном аспекте такого воспитания. Как правильно утверждал академик Г.Н. Волков, «воспитание в труде – основная проблема этнопедагогики всех народов. Трудолюбие – главная задача воспитания. Трудовое воспитание – венец всей системы народного воспитания» [1, с. 125].

В России, история которой на протяжении двенадцати веков проходила в суровых, нередко экстремальных природных условиях и в почти непрерывных войнах, труд всегда был и остается главным условием выживания и развития, а значит – и высшей мировоззренческой, нравственной ценностью, квинтэссенцией народной системы ценностей. Труд и его результаты, умение и мастерство всегда определяли статус человека в

обществе. Труженик-праведник, подвижник, умелец – главный герой дошедших до нас из глубины веков на страницах легенд, сказаний, фольклора. Увековеченная писателем Н.С. Лесковым, которому в этом году отмечали 190-летний юбилей, легенда о праведнике Левше, сказы П.П. Бажова – это настоящий гимн труду и мастерству, которые выступают как воплощение лучших качеств русского национального характера. Этот эпический гимн созвучен реальным биографиям народных самородков, имена которых известны каждому.

Объявленный в Чувашии 2016 г. Годом человека труда еще более обострил общественный интерес к этой теме, а так же открывшаяся по инициативе Главы Чувашской Республики О.А. Николаева государственная программа увековечения ратного подвига строителей Сурского и Казанского оборонных рубежей в 2021 г. еще более актуализирует проблему в современных условиях.

И здесь важнейшее место принадлежит школе. Нашиими верными союзниками в трудовом и основанном на нем нравственном воспитании выступают историческая правда, классическая литература. Человека труда еще до Октябрьской революции воспевали Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Некрасов, А.П. Чехов, А. М. Горький. Яркие, навсегда запоминающиеся впечатления о трудовом подвиге нашего народа в период реконструкции народного хозяйства школьники получают при знакомстве с произведениями советской классики.

Педагоги и организаторы образования в Чувашии накопили колоссальный опыт трудового воспитания учащихся. Зачинателем здесь можно по праву считать И.Я. Яковleva, создавшего замечательную систему трудового обучения и воспитания в Симбирской чувашской школе. Сам он в письме В.И. Ленину 25 ноября 1919 г. охарактеризовал сущность и цель этой системы так: «Вся жизнь в школе воспитанников обоих полов была мною основана на труде» [9, с. 27–28]. Он организовал образцовую сельскохозяйственную ферму в 12 верстах от города Симбирска, сеть «кружков помощи населению», включавших учебные, учебно-познавательные и производственные мастерские, сады и огороды.

Крайне важным элементом концепции И.Я. Яковлева было то, что школа была задумана не только как очаг пропаганды передовой агротехники вместе со связанными с ней естественнонаучными знаниями, но и как средоточие сбережения и передачи следующим поколениям традиционных ценностей чувашского национального менталитета. Вместе с повышением культуры труда в селе приходила и новая культура отношений между людьми. Там, где появлялись выпускники Симбирской школы, они налаживали систему трудового воспитания, разработанную их наставником [6, с. 75].

Идеи И.Я. Яковлева получили на чувашской земле продолжение и развитие в дальнейшем, особенно после Октябрьской революции. В процессе школьной реформы 1959–1965 гг., сущностью которой был переход к трудовой политехнической школе, было расширено изучение предметов естественного цикла (математика, физика, химия, биология) и организовано практическое трудовое обучение. Важным звеном трудового воспитания и политехнического обучения сельских школьников выступала

опытническая работа. Начиная с 1955 г., широкое распространение получили ученические производственные бригады и звенья, число которых в Чувашии к лету 1959 г. достигло 850 и продолжало расти. А в городах учащиеся школ проходили производственную практику, прежде всего на шефствующих предприятиях [5, с. 242]. В числе таковых оказался Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат, который неоднократно оказывал помощь подшефной средней школе №11 г. Чебоксары в осуществлении производственной подготовки учащихся [3, с. 80].

Поскольку такая реформа действительно назрела, она вызвала одобрение общественности в ходе всенародного обсуждения Тезисов ЦК КПСС «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране», проходившего в течение полутора месяцев после ноябрьского (1958) Пленума ЦК КПСС. Только на страницах газеты «Советская Чувашия» тогда высказались по различным аспектам проблемы более 70 участников дискуссии, предложения которых дали возможность значительно усовершенствовать концепцию реформы и ее реализацию [4, с. 51–52].

Сознательному выбору будущей профессии и карьеры способствует создание новых моделей взаимодействия с вузами, техникумами, колледжами, квантормиумами – образовательно-профессиональные кластеры (ОПК). По мнению челябинского педагога И.В. Горбачевой, деятельность ОПК «будет способствовать минимизации противоречий между потребностями рынка труда и субъективными намерениями учащихся, не соответствующими реалиям социально-экономической ситуации» [2, с. 53]. У нас в Чувашии эта идея реализуется на протяжении уже тридцати лет в виде уникальной инновационной системы интегрированного непрерывного образования, разработанной бывшим ректором ЧГУ академиком Л.П. Кураковым и охватывающих все звенья учебно-воспитательного процесса от дошкольного обучения до высшего и поствузовского образования. Яркий пример, доказывающий эффективность и перспективность этой модели, – деятельность Чебоксарского электромеханического колледжа. Имеются благоприятные возможности открыть в Чувашии подобные ОПК на базе Чувашского государственного педагогического университета и педагогического колледжа им. Н.В. Никольского, Чебоксарских кооперативного института и кооперативного техникума и др. А также на базе Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, где имеется исторический опыт трудового воспитания. Основными направлениями в трудовой деятельности студентов является их участие в строительных студенческих отрядах, общественно-полезной работе, в субботниках по уборке территории вуза, района и города [10, с. 96] и т. д.

В трудовом воспитании учащейся молодежи необходимо шире использовать такие темы, как подвиг наших земляков в период Великой Отечественной Войны (тем более, что по этой теме изданы очень интересные монографии Е.В. Суховой [7] и В.В. Тимофеева [8]), во время индустриализации, строительства промышленных гигантов, таких как Чебоксарский завод промышленных тракторов, Чебоксарская ГЭС, Новочебоксарский химкомбинат, преобразование аграрного комплекса Нечерноземья и т. д. Пропаганда знаний о самоотверженном труде и энтузиазме

старших поколений обязательно поможет молодежи найти правильные нравственные ориентиры.

Список литературы

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика чувашей. – 2-е изд., доп. / Г.Н. Волков. – М.: Пресс-сервис, 1997. – 441 с.
2. Горбачева И.В. Роль образовательно-профессионального кластера в определении траектории развития учащейся молодежи / И.В. Горбачева // Школа и производство. – 2020. – №2. – С. 53–57.
3. Демидова И.И. Политехническое обучение в школах Чувашии в 1958–1964 годах / И.И. Демидова, В.Б. Ласточкин, Т.В. Юстус // Вестник Чувашского университета. – 2017. – №4. – С. 78–84.
4. Ласточкин В.Б. Трудовое воспитание в сельской школе в условиях перехода к всеобщему восьмилетнему образованию / В.Б. Ласточкин // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2006. – №6. – С. 48–58.
5. Ласточкин В.Б. Трудовое воспитание учащейся молодежи Чувашии в контексте ее подготовки к производственной работе в народном хозяйстве в 50–60-е гг. XX века / В.Б. Ласточкин // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) VII Арсентьевские чтения. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2017. – С. 241–244.
6. Ласточкин В.Б. Трудовое обучение и воспитание в педагогической системе И.Я. Яковлева / В.Б. Ласточкин // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / ред. кол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 73–76.
7. Сухова Е.В. Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР)/ Е.В. Сухова. – Чебоксары: ПБОЮЛ Л.А. Наумов, 2008. – 212 с.
8. Тимофеев В.В. Республики Волго-Вятского региона в годы военных испытаний / В.В. Тимофеев. – М.; Чебоксары: РОМ; КЛИО, 2004. – 145 с.
9. Яковлев И.Я. Письма / И.Я. Яковлев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 366 с.
10. Юстус Т.В. Из истории трудового воспитания студенческой молодежи в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова / Т.В. Юстус, А.А. Андреева // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Чебоксары, 3 марта 2016 года). – Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. – С. 95–101.

Яковлева Татьяна Валериановна

соискатель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИННОВАЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА ЧУВАШИИ

Аннотация: автор статьи на исторических примерах доказывает инновационную направленность развития предприятий электротехнического кластера Чувашской Республики. При проведении исследования вопроса были использованы архивные материалы и воспоминания ветеранов производства отрасли.

Ключевые слова: электротехнический кластер, Чувашская Республика, инновация, Чебоксарский электротехнический завод, Чебоксарский завод электрических исполнительных механизмов.

Предприятия электротехнического кластера Чувашской Республики имеют свою хоть и относительно небольшую, но наполненную достижениями историю. Точкой отсчета в ней, как правило, считают основание в 1941 г. республиканского первенца отрасли – Чебоксарского электротехнического завода. Но для нас, исходя из современных требований к уровню развития производства, особенно важны те показатели, которые позволяют относить электротехнические предприятия Чувашии к категории инновационных. В этом отношении интересен тот факт, что инновационность как неотъемлемая черта развития данной отрасли имеет исторический характер, присущий ей от самого периода возникновения.

Прежде всего определимся с базовым содержанием дефиниции «инновация», которая имеет различные интерпретации в научной литературе. Наиболее универсальное определение этому явлению дает закон: «инновации – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях» [10]. Таким образом, применение данного термина допускает широкое содержание в зависимости от конкретной сферы приложения.

Первой из них следует считать собственно техническую инновацию, направленную на производство изделий с явно новыми или значительно улучшенными качествами. В этом отношении инновационность предприятий электротехнического кластера Чувашии вряд ли может быть кем-то поставлена под сомнение, подтверждением чему является их историческое прошлое.

Некоторым исключением из этого общего правила можно считать только начальный период первой половины 1940-х гг., когда Чебоксарский электротехнический завод работал исключительно на оборонные нужды в условиях Великой Отечественной войны. Но уже к концу военных лет он начинает осваивать инновационную мирную продукцию. Не случайно, что в 1940–1950-ые гг. ЧЭАЗ был вообще единственным предприятием в СССР, которое поставляло реле разного типа.

Крупным показателем технической инновационности отрасли следует считать и то внимание, какое в ней уделялось постоянным самостоятельным научным разработкам. Для этой цели, в частности, Чувашский Совнархоз 30 декабря 1960 г. создал Чувашский электротехнический научно-исследовательский институт (ЧЭТНИИ) [6]. Собственно, с этого времени следует говорить именно об электротехническом кластере Чувашии, получившим последний необходимый элемент в своей структуре – научно-исследовательское учреждение. В 1970-х гг. результатом его создания стало постоянное участие продукции предприятий отрасли в серии международных выставок в Лейпциге, в Брюнне, Багдаде, Будапеште, Пловдиве. В частности, в Багдаде выставлялись электромагнитные контакторы переменного тока, в Лейпциге и в Брюнне – электромагнитные контакторы постоянного тока, кроме того, в Лейпциге, в Будапеште и Пловдиве большой интерес вызывали панель защиты и блок-реле дистанционной защиты) [3]. История предприятий отрасли содержит протяженную номенклатуру новых изделий, осваивавшихся производством в тот период: транзисторные модули и элементы, устройства дистанционной и токовой защиты на микросхемах, микропроцессорные реле и многое другое [5].

Вторая сфера приложения инноваций – технологическая, заключающаяся в разработке и использовании новых способов изготовления изделий производства. В этом отношении электротехническая отрасль также являлась несомненным лидером. По воспоминаниям Ю.В. Дорофеева, занимавшего в 1956–1986 гг. должности главного технолога и заместителя главного инженера по новой технике на Чебоксарском заводе электрических исполнительных механизмов, на этом предприятии уделяли большое внимание проблеме постоянного внедрения новых технологий уже с момента его создания в 1958 г. В частности, из Ленинграда была привезена и тут же внедрена новая по тем временам технология поэлементной штамповки, то есть создавался набор элементарных штампов деталей, используя который можно было затем создавать любую другую комплексную штампованную деталь. Это позволило наращивать производство и осваивать новые образцы продукции без дополнительных штамповок [4, с. 17].

Другим подобным новшеством стало внедрение УСП – универсально-сборных приспособлений, «которые позволяли собрать из универсальных блоков кондукторы и приспособления для изготовления деталей опытных образцов и первых промышленных партий» [4, с. 17]. Такой специальный участок УСП был создан в инструментальном цехе ЗЭиМа. И подобных примеров было много, они составляли в общем-то будни производства.

Следующая сфера для внедрения инноваций – организационно-управленческая, которая может проявляться в различных формах налаживания более оптимальной организации производства. В этом отношении следует выделить несколько интересных аспектов. Растущие предприятия электротехнической отрасли испытывали дефицит кадров, поэтому постоянно пополнялись молодыми специалистами. При этом они оказывались в обстановке полного доверия и получали сложные задания, требовавшие творческих усилий. Эта практика оправдывала себя и позволяла добиваться ощутимых успехов [8, с. 23]. Еще одним инновационным улучшением стала прочная связь науки с производством, постоянное сотрудничество ВНИИР и предприятий отрасли, конструкторских бюро и цехов [9, с. 23]. Кроме того, на предприятиях отрасли уделяли внимание

материальному стимулированию работников, что в советские годы уже является инновационным показателем [7, с. 27].

Также следует отметить высокий уровень морального микроклимата, существовавшего, например, на ЗЭИМе в 1960–1970-е гг.: «На ЗЭИМе был хороший микроклимат, атмосфера сотрудничества и взаимной поддержки. Коллектив был молод. ... Молодые, мы в большинстве считали работу и дружбу самым важным делом своей жизни, зачастую важнее личных и семейных дел» [4, с. 19]. То есть, говоря современным языком менеджмента, на предприятии произошло формирование сплоченной профессиональной корпорации, а не просто группы людей на общем рабочем месте.

Еще одной важной инновационной областью является формирование активного информационного поля, способствующего интенсивному усвоению информационных потоков в сфере научно-технической деятельности. Электротехнический кластер Чувашии всегда обладал этим качеством. Выше уже упомянуто постоянное участие предприятий отрасли в международных производственных выставках, но кроме того использовались контакты с родственными предприятиями по всей территории СССР. Кроме того, специалисты предприятия всегда проявляли интерес к зарубежным аналогам своей продукции. В частности, руководством ЧЭАЗ для образца были отправлены заявки на покупку 2 экземпляров реле типа ТД 310 фирмы AGA Elisabeth, Newjersey и 1 экземпляр реле типа Microflex фирмы Eagle Signal Corporation. Также подобные заявки были отправлены в ФРГ и ЧСР [1]. В 1959 года фирма ASEA (Швеция) предоставила свои образцы реле защиты, а также было рассмотрено реле американской фирмы Walter Kidde для покупки [2].

Таким образом, можно констатировать, что развитие электротехнического кластера в Чувашии позволяет оценивать его как инновационный на протяжении всей его истории.

Список литературы

1. ГИА ЧР. Ф. 1517.Оп. 27. Д. 85. Л. 139.
2. ГИА ЧР. Ф. 1517.Оп. 27. Д. 86. Л. 100.
3. ГИА ЧР. Ф. 1517. Оп. 42. Д. 97. Л. 73.
4. Дорофеев Ю.В. Технологическое обеспечение производства и дальнейшее развитие завода // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭИМ» и СКБ СПА о заводе. – Чебоксары, 1998. – С. 16–20.
5. История компании ЭКРА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ekra.ru/company/history/>
6. История ОАО «Всероссийский научно-исследовательский институт релестроения с опытным производством» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ekra.ru/company/history/>
7. Камчаткин А.П. Жизнь и завод // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭИМ» и СКБ СПА о заводе. – Чебоксары, 1998. – С. 25–27.
8. Макаров В.Н. «Меткий стрелок» – частица истории завода // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭИМ» и СКБ СПА о заводе. – Чебоксары, 1998. – С. 23–25.
9. Стоменский С.Н. Расцвет завода. Упорядочение номенклатуры // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭИМ» и СКБ СПА о заводе. – Чебоксары, 1998. – С. 20–23.
10. Федеральный закон от 21.07.2011 №254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=117193#05169444645395>

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИСТИКА, БИОГРАФИКА И БИОИСТОРИОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК

Агеева Наталья Николаевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИССЛЕДОВАНИЯ ГРИГОРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ФОРТУНАТОВА ПО ИСТОРИИ РОДА ФОРТУНАТОВЫХ

Аннотация: в статье рассматриваются две рукописные работы известного отечественного психолога и педагога Г.А. Фортунатова (1891–1972) по истории его рода. Эти источники, впервые введенные в научный оборот, позволяют оценить объём и основные направления исследовательской деятельности Г.А. Фортунатова в этой области. Педагогическая династия Фортунатовых – это несколько поколений просветителей, ученых, исследователей, которые внесли существенный вклад в развитие российской культуры. Автором приводятся и новые биографические сведения о некоторых ее представителях.

Ключевые слова: род Фортунатовых, Григорий Алексеевич Фортунатов, биографистика, педагогическая династия.

Григорий Алексеевич Фортунатов (1891–1972), крупный российский психолог и педагог, принадлежал к известному роду Фортунатовых, давшего России плеяду замечательных деятелей в различных областях науки и просвещения [5]. Его научная деятельность была посвящена преимущественно изучению проблем детской психологии и дошкольному воспитанию [13]. Он также являлся автором целого ряда учебных пособий и методических указаний по психологии для школ и техникумов [10; 12]. Немаловажное место в его жизни занимали и исследования по истории династии Фортунатовых. Несколько нам известно, он был не первым представителем рода, кто попытался проследить его корни, составить родословную, собрать сведения о ее представителях. Так, в одном из писем Г.А. Фортунатова мы встречаем упоминание о некой «Хронике семьи Фортунатовых» [9, л. 2], которую читал его брат Александр Алексеевич Фортунатов (известный историк-медиевист) [3]. Это письмо было написано Григорием Алексеевичем племяннику Игорю Константиновичу, и в нем он отвечал на вопрос о «волгодских педагогах, знающих Фортунатова» [9, л. 2]. Письмо, кстати, было отправлено И.К. Фортунатову в Вологду «до востребования», где он на тот момент находился в поездке

[9, л. 1] и пытался, по всей видимости, собрать информацию о вологодском периоде в истории рода.

В 1957 г. Григорием Алексеевичем (в соавторстве с Игорем Константиновичем) был опубликован прекрасный биобиографический указатель, посвященный его отцу – выдающемуся российскому статистику Алексею Федоровичу Фортунатову [4]. Это издание включало достаточно подробный биографический очерк, полный перечень печатных работ Алексея Федоровича, а также список основной литературы о нем.

Также Григорий Алексеевич весьма серьезно занимался изысканиями по истории всего рода, хотя оценить весь масштаб его исследований на сегодняшний день достаточно сложно, т. к., по-видимому, большая часть материалов была утеряна. В семейном архиве его внучатой племянницы Нины Игоревны Фортунатовой хранятся две тетради, посвященные отдельным страницам истории рода [7; 11]. Эти материалы были любезно нам предоставлены Ниной Игоревной, и их изучение позволяет судить о том, какая большая работа была проделана Григорием Алексеевичем.

Первая тетрадь озаглавлена «Предки (прямые) Константина Алексеевича Фортунатова». Константин Алексеевич – родной брат Григория Алексеевича, подающий надежды талантливый ученый, погибший на фронтах Первой мировой войны. Поэтому не случайно и посвящение, приведенное здесь – «Игорю Константиновичу Фортунатову от его стареющего и дряхлеющего дяди». Также на лицевой странице указана дата – 2 августа 1969 г. и, по-видимому, место написания «Калининград 5, Полевая ул. №21» [11, л. 1].

Материалы этой тетради представляют краткие биографические очерки предков Константина Алексеевича. Текст разделен на три части. Сначала Григорий Алексеевич приводит сведения о его родителях (Алексей Федорович Фортунатов и Александра Александровна Данилович), затем о четырех его дедушках и бабушках (Федор Николаевич Фортунатов, Юлия Алексеевна Монакова, Александр Григорьевич Данилович и Анна Алексеевна Фигурина), далее о восьми прадедушка и прабабушках (Николай Петрович Фортунатов, Екатерина Федоровна Юрьева, Алексей Алексеевич Монаков, Мария Алексеевна Холмова, Григорий Иванович Данилович, Александра Федоровна Ковтуновская, Алексей Евдокимович Фигурин, Мария Павловна Набитова) и о некоторых из шестнадцати пра-прадедушках и пра-прабабушках (Петр Федорович Фортунатов, Татьяна Лукьяновна Фортунатова (по мужу, девичья фамилия неизвестна), Федор Алексеевич Юрьев, Алексей Васильевич Монаков, Алексей Григорьевич Холмов, Иван Иванович Данилович, о женах последних сведений не сохранилось) [11].

Эти биографические заметки, небольшие по объему (в среднем 1–2 страницы рукописного тетрадного текста) дают очень богатую информацию. Кроме сведений о датах рождения и смерти, образовании, детях, Григорий Алексеевич смог кратко, но очень ярко подчеркнуть своеобразие каждого: где-то отметил черты характера, где-то подчеркнул особенности семейной жизни. Наиболее трогательно, на наш взгляд, он написал о своей прабабушке – Екатерине Федоровне Юрьевой. Ее отец, «крупный помещик старого «боярского рода» [11, л. 8], воспитывал ее по особому плану, дал блестящее домашнее образование, приглашал лучших учителей, в одного из которых, Николая Петровича Фортунатова, она и

влюбилась. За побег из дома и тайное венчание, она была лишена наследства. Но зато с мужем «жила исключительно нежно и дружно, возясь с многочисленными детьми и занимаясь их воспитанием и образованием. Старшего сына, Федора (нашего деда) она сама ездила определять в университет в Петербург, водила его к ректору, ждала пока шестнадцатилетний юноша не устроится, и лишь тогда рассталась с ним – навсегда. В июле 1831 г. Екатерина Федоровна умерла от холеры, через несколько дней после своего мужа» [11, л. 9].

Вторая тетрадь озаглавлена «Комментарии к таблице прямых предков Константина, Александра, Федора, Григория, Марии и Михаила Фортунатовых. IV. Фортунатовы и Юрьевы. (окончание)» [7]. Посвящение здесь иное, чем в первой тетради – «Написано для брата Михаила Алексеевича Григорием Алексеевичем Фортунатовым» [1]. Также на обложке тетради указана дата – «конец июля и август 1969 г.» и место написания – «на границе Калининграда Московской обл. и пос. Большево» [7].

Этот материал тоже биографического характера, но написан иначе, чем в первой тетради. Здесь дано достаточно пространное повествование о ряде представителей рода Фортунатовых. Эта тетрадь является продолжением, о чем свидетельствует и нумерация страниц (которая начинается с цифры 47). Последняя страница в тетради имеет порядковый номер 70, но текст был явно не закончен и предполагал продолжение.

На этих 24 страницах Григорий Алексеевич в основном смог дать достаточно подробную характеристику своего прапрадеда Николая Петровича Фортунатова (изложение начинается со смерти его матери, Татьяны Лукьяновны, в 1790 г.), а также начать рассказ о его романе с Екатериной Федоровной Юрьевой (о котором мы уже упоминали выше). Изложение материала в отличие от первой тетради здесь более подробное, красочное, со множеством деталей и меткими психологическими характеристиками (явно чувствует влияние основной специальности Григория Алексеевича). Он пытается проследить как складывался характер Николая Петровича, как повлияла на него ранняя смерть матери, отношения с отцом и мачехой, а также роль в его становлении дяди Алексея Федоровича (под опекой которого, он, по сути, и вырос). Григорий Алексеевич отмечает и крайне противоречивые черты в его характере, и увлеченность, казалось бы, совершенно разными предметами – физика, механика, метеорология, с одной стороны и живопись (прежде всего иконопись) и религия – с другой. Хочется привести одно интересное замечание Григория Алексеевича по этому поводу: «Религия для этого поколения Фортунатовых была привлекательна двумя своими сторонами: она являлась конкретным показом основ человеческой морали, учением о том, что «хорошо» и что «плохо» для всякого человека и во всяком человеке; а вместе с тем она была основой своеобразной народной эстетики – в религии и Алексей и Николай Фортунатовы (видимо вслед за Ионой и за дедом Федором Никитичем) находили нормы действительно «прекрасного» и «безобразного» [7, л. 51–52]. Надо отметить, что и до настоящего времени для некоторых представителей династии Фортунатовых религия занимает особое место в жизни.

Почти половина тетради посвящена роду Юрьевых, к которому принадлежала Екатерина Федоровна. Г.А. Фортунатов, насколько ему позволяют знания излагает родословную, дает подробную характеристику, Федору Алексеевичу Юрьеву, разбирает его взгляды на жизнь и

окружающих, а также рассказывает, как воспитывалась Екатерина Федоровна, чем она интересовалась, как формировалось ее мировоззрение. И пытается ответить на весьма важный вопрос – как она решилась на разрыв с отцом и тайное венчание с возлюбленным. Но именно на описании подготовки к побегу (как отмечает Григорий Алексеевич в духе пушкинской «Метели», действие которой, кстати, происходило как раз примерно в эти годы) тетрадь и заканчивается [7, л. 70].

Таким образом, эти два рукописных текста показывают, насколько детально работал Григорий Алексеевич над историей рода. Конечно, он прежде всего стремился воспроизвести «фактологию» (имена, даты, основные события), основываясь как на собственных воспоминаниях и рассказах родственников, так и на архивных материалах, опубликованных источниках. Но вместе с тем он старался излагать материал увлекательно и дать по возможности глубокие характеристики своих предков. На первый взгляд, рассмотренные материалы, адресованные причем разным лицам, представляют собой некие «рабочие» заметки для составления единой истории рода. В тексте достаточно часто встречаются исправления, пометки, порой есть замечания о необходимости уточнения тех или иных фактов (например, отмечая, что местом рождения Юлии Александровны Монаковой была либо Вологда, либо Мезень, Григорий Алексеевич отмечает, что это можно уточнить по ее напечатанному некрологу) [11, л. 9]. На сегодняшний день, сложно судить планировал ли когда-нибудь Г.А. Фортунатов эти исследования подготовить для публикации. Скорее всего, нет. Возможно, цель его действительно заключалась лишь в том, чтобы собрать и сохранить эти сведения внутри рода, для потомков и в какой-то степени мотивировать их на дальнейшие исследования. В упоминавшемся выше письме к Игорю Константиновичу Г.А. Фортунатов заметил: «Для целей Фортунатоведения советую тебе сходить в Вологодский краеведческий музей», отмечая далее, что вологодские краеведы хорошо знают и Федора Николаевича Фортунатова и других представителей рода [9, л. 4]. Сам Григорий Алексеевич посвятил «фортунатоведению» немало сил и возможно какие-то его материалы еще обнаружатся, учитывая тот факт, что источники по истории династии Фортунатовых разбросаны по разным архивохранилищам России.

Список литературы

1. Агеева Н.Н. Михаил Алексеевич Фортунатов: штрихи к биографии/ Н.Н. Агеева // Параметры российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): сб-к трудов Всерос. науч. конф. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2019. – С. 104–107.
2. Агеева Н.Н. Преподавательские традиции в династии Фортунатовых / Н.Н. Агеева // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сборник статей. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. – С. 17–22.
3. Иванова Т.Н. А. Фортунатов как исследователь Каролингского возрождения / Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 884–896.
4. Иванова Т.Н. «Борьба с невежеством и к истине стремление»: общественно-просветительская деятельность Алексея Федоровича Фортунатова / Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2019. – Т.161. – Кн. 2–3. – С. 139–149.
5. Иванова Т.Н. Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVIII–XXI вв. / Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева // Диалог со временем. – 2019. – №66. – С. 392–404.

Историческая биографистика, биографика и биоисториография

6. Фортунатов Г.А. Алексей Федорович Фортунатов: биобиблиогр. указатель / Г.А. Фортунатов, И.К. Фортунатов; Моск. ордена Ленина с.-х. акад. им. К.А. Тимирязева. Центр. науч. б-ка [Ученые Тимирязевской акад.]. – М., 1957. – 45 с.
7. Фортунатов Г.А. Комментарии к таблице прямых предков Константина, Александра, Федора, Григория, Марии и Михаила Фортунатовых. IV. Фортунатовы и Юрьевы / Г.А. Фортунатов // Личный архив Н.И. Фортунатовой. – 24 л.
8. Фортунатов Г.А. Методические указания для заочников к программе / Г.А. Фортунатов // Упр. подготовки учителей НКП РСФСР. Науч.-метод. кабинет по заоч. обуч. – Ставрополь н/К: Гостиц., 1934. – 22 с.
9. Фортунатов Г.А. Письмо к И.К. Фортунатову. 12 сентября 1966 г. / Г.А. Фортунатов // Личный архив Н.И. Фортунатовой. – 4 л.
10. Фортунатов Г.А. Педология: учебник для школьных отд-ний пед. техникумов / Г.А. Фортунатов, М.В. Соколов. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1936. – 247 с.
11. Фортунатов Г.А. Предки (прямые) Константина Алексеевича Фортунатова / Г.А. Фортунатов // Личный архив Н.И. Фортунатовой. – 21 л.
12. Фортунатов Г.А. Психология: учеб. пособие для X класса сред. школы / Г.А. Фортунатов, А.В. Петровский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 128 с.
13. Фортунатов Г.А. Трудные дети в семье и школе / Г.А. Фортунатов // Попул. б-ка по вопросам воспитания. – М.: Учпедгиз, 1935. – 38 с.

Агеева Наталья Николаевна
канд. ист. наук, доцент

Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор

Широков Олег Николаевич

д-р ист. наук, декан, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

К ИСТОРИИ ПРОКУРАТУРЫ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ЮРИСТ-ЖУРНАЛИСТ ВАСИЛИЙ ЕФРЕМОВИЧ ДОЛГОВ

Аннотация: в статье рассматривается деятельность заслуженного юриста Чувашской АССР, члена Союза журналистов Российской Федерации Василия Ефремовича Долгова (1930–2016 гг.). За более чем 46 лет работы в прокуратуре он был прокурором Вурнарского, Козловского, Чебоксарского, Московского (г. Чебоксары) районов Чувашии. Наряду с правоохранительной деятельностью он уделял большое внимание общественно-просветительской работе. Им опубликовано в республиканской прессе более 1000 информационных заметок и статей. Себя он называл «юристом-журналистом». Статья опирается на источники личного происхождения: воспоминания ветерана, тезисы его выступлений на чувашском радио и т. д.

Ключевые слова: история прокуратуры Чувашской Республики, Долгов Василий Ефремович.

В 2021 г. исполняется 100 лет со дня создания прокуратуры Чувашской Республики. Призванная стоять на охране законности и

правопорядка эта организация многое сделала для укрепления государственности нашей страны. «Кадры решают все!» – это выражение в полной мере применимо по отношению к деятельности прокуратуры. Однако если истории прокуратуры посвящен ряд работ [5 и др.], то деятельность многих прокуроров еще недостаточно освещена в литературе.

В распоряжении авторов статьи имеется комплекс документов, сохранившихся в ведомственном архиве кадрового подразделения прокуратуры ЧР. Он был передан туда председателем Совета ветеранов прокуратуры Чувашской Республики Василием Ефремовичем Долговым (1930–2016 гг.) [9, с. 523].

Эти источники личного происхождения содержат интересные сведения не только о самом ветеране, но и об истории районных прокуратур Чувашии, об их сотрудниках, об особенностях работы и быта прокуроров в 1950–1990-е гг. Однако эти документы еще не были предметом научного анализа.

Василий Ефремович Долгов родился 2 октября 1930 г. в селе Ковали Умарского района и там же окончил в 1948 г. сельскую школу. Еще обучаясь в школе, он стал заниматься краеведением, изучал древнюю историю родного села. Однако его занятие историей так и осталось увлечением. Позже он вспоминал, что его старшие братья советовали ему, школьнику, стать юристом. Старший брат Илья погиб на фронте, а Михаил Ефремович вернулся с войны и окончил Казанский педагогический институт [6, л. 1].

Выполняя завет братьев, В.Е. Долгов сразу после окончания школы поступил и в 1953 г. закончил юридический факультет Казанского государственного университета. Сам по себе этот факт столь быстрого получения юридического образования вчерашним школьником в начале 1950-х гг. был большой редкостью. Квалифицированных юридических кадров в Чувашии остро не хватало. А.И. Ухтияров обращает внимание на то, что «ни один из первых шести прокуроров Чувашской АССР – А.П. Лбов, Ф.С. Степанов, А.А. Андреев, В.В. Анчиков, А.К. Назаров и С.И. Элифанов – не имел высшего юридического образования» [7, с. 132]. Поэтому многие работники прокуратуры оканчивали шестимесячные юридические курсы в Казани, Ленинграде, Москве. Еще обучаясь в университете, Василий Ефремович в 1951 г. проходил производственную практику в Нарсуде первого участка в г. Чебоксары у судьи Кассирова Александра Ивановича и старших следователей прокуратуры ЧАССР Митрофанова Николая Митрофановича и Журавлева Ивана Анисимовича [3, л. 4].

Трудовая деятельность дипломированного юриста В.Е. Долгова началась с должности следователя в селе Октябрьском (тогда Октябрьского, а ныне Мариинско-Посадского района) в августе 1953 г. Прокурором Октябрьского района с 1952 г. был И.Г. Григорьев, который вспоминает о недостатке квалифицированных кадров в то время. Поэтому он был очень рад приезду в Октябрьское В.Е. Долгова, которого вскоре назначили следователем: «В.Е. Долгов оказался грамотным и очень трудолюбивым специалистом. Не считаясь с личным временем, все свои силы и знания он отдавал работе» [5, с. 81].

В.Е. Долгов «выступал в судах, осуществляя надзор за милицией и судом, весь надзор за районом». Он пишет: «Было трудно, автомашины не

было, была лошадь: и зимой и летом ездил на ней, очень много ходил пешком» [2, л. 3 об.]. Но уже тогда он понимал важность личных контактов с населением и необходимость проведения профилактической работы: «Во всех деревнях района я побывал лично, выступая на собраниях граждан и учащихся в школах, на сессиях сельсоветов» [2, л. 3 об.].

В 1954 г. Долгову присвоили классный чин младшего юриста, а в ноябре 1955 г. назначили помощником Марпосадского межрайонного прокурора. В то же время до 1 июля 1958 г. он продолжал работать и по Октябрьскому району. Интересно, что прокурором Марпосадской межрайонной прокуратуры в это время был Григорий Егорович Ефимов, не имевший законченного юридического образования [3, л. 1].

В эти годы начинается активная общественная работа В.Е. Долгова: он был избран председателем местного комитета профсоюза, затем секретарем партийной организации. Он был один из самых активных лекторов общества «Знание», пропагандистом РК КПСС [2, л. 1 об.].

1 июля 1958 г. В.Е. Долгов был назначен прокурором Вурнарского района. Здесь он работал с помощником прокурора Дмитрием Алексеевичем Кочетковым, бывшим прокурором Ибресинского района и следователем Кондратьевым Тимофеем Кондратьевичем. Позже из Марпосадской прокуратуры в Вурнары был переведен следователем Ермоляев Алексей Владимирович [3, л. 2].

В 1963 г. были объединены Аликовский, Вурнарский и Ибресинский районы. Прокурором был назначен Яков Иванович Иванов.

В.Е. Долгову предложили должность прокурора Шумерлинского района. Однако Василий Ефремович подал заявление об освобождении с этой работы и стал следователем Вурнарской межрайонной прокуратуры.

Возникает естественный вопрос, почему Василий Ефремович предпол-чел понижение в должности, отказавшись от переезда в Шумерлю? Ответ на него содержитя в воспоминаниях самого ветерана. Постоянная ротация кадров в прокуратуре помогает эффективности контроля, но создает большие сложности для самих работников. «Самое трудное в жизни и в прокуратуре было то, что меня часто переводили из района в район, – вспоминает В.Е. Долгов. Как «цыган в кибитке» приходилось переезжать много раз: из Урмар в с. Октябрьское, из Октябрьского в Марпосад, из Марпосада в Вурнары, из Вурнар в Козловку, из Козловки – в Кугеси, из Кугеси – в Чебоксары. 6 раз мне пришлось сменить место работы и жительства, и каждый раз часть моей жизни и души оставались в районе, где проработали и прожили. Это особенно отразилось на семье – жене-учительнице и детях-учащихся. Каждый переезд для нас был ударом в их жизни. Квартиру сразу не давали, приходилось жить и отдельно от семьи. Частая перестановка из района в район не давала возможности закрепиться на одном месте, в каждом районе все начиналось заново, а это дается всем нелегко, сложно» [3, л. 4].

В Вурнарах В.Е. Долгов проработал около семи лет с 1958 г. по 1965 г. Он вспоминает эти годы как «супорную, но необходимую школу жизни» [3, л. 2]. Он пишет: «Моими первыми учителями были прокуроры районов Иван Григорьевич Григорьев (1953–1955, Октябрьский район), Григорий Егорович Ефимов (1955–1958, Марпосадский район) и Яков Иванович Иванов (1963–1965, Вурнарский район). Я вспоминаю о них с

большой благодарностью. Эти люди многому меня научили, помогли стать хорошим специалистом» [6, с. 91].

В марте 1965 года В.Е. Долгова назначили прокурором Козловского района. На этом посту он проработал до марта 1975 г. Василий Ефремович пишет, что гордится тем, что в 1965 г. ему было поручено восстановить, упраздненную в 1962–1963 гг. прокуратуру Козловского района, а затем организовать ее работу так, что она была не отстающей, а в числе лучших районных прокуратур [1, л. 2]. Он вспоминает о нелегких буднях работы районной прокуратуры. «Здание прокуратуры района в 1955–1973 годах находилось на берегу Волги напротив пристани, в 1973 г. прокуратура района перешла в бывшее здание райисполкома» [1, л. 1 об.]. Один из его коллег пишет о тяжелых условиях в старом здании: «Тесные помещения, которые трудно было назвать кабинетами, низкие потолки, шатающиеся при ходьбе межкомнатные стены, абсолютное отсутствие звукоизоляции, падающий с потолка мусор не могли вызвать уважение к этому учреждению [5, с. 102].

В штате райпрокуратуры до 1972 г. не было помощника, работали только прокурор и следователь. До 1968 г. в прокуратуре Козловского района была одна лошадь, позже появился мотоцикл. Лишь в 1968 г. появилась автомашина «Москвич-408», но так как штатного шофера понапочалу не было, В.Е. Долгову приходилось ездить за рулем по сельским дорогам самому [1, л. 1 об.]. В своих воспоминаниях он перечисляет коллег, работавших с ним в 1965–1975 гг.: Ирину Ивановну Никитину (позже судья Верховного суда ЧР), Нину Васильевну Григорьеву (позже судья Ленинского района г. Чебоксары), Александра Тимофеевича Ржина (позже прокурор Янтиковского и Урмарского районов), Василия Ивановича Емельянова (затем прокурор Марпосадского района и зам. прокурора г. Чебоксары), Мансура Алимовича Гадиатулина (затем председатель Козловского районарсуда) и др. В.Е. Долгов пишет: «До сих пор горжусь моим бывшим сослуживцем – следователем Геннадием Порфириевичем Романовым, заслужившим почетные звания «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации» и «Заслуженный юрист Чувашской Республики» [1, л. 2–3].

Деятельность В.Е. Долгова вызывала уважение у его коллег. Г.П. Романов называет Василия Ефремовича «ассом своего дела», которого отмечал высокий профессионализм, принципиальность в соблюдении законности, авторитет в других правоохранительных органах и среди общественности. «По всем показателям район занимал одно из лидирующих мест в республике. Я многим обязан своим коллегам и рад. Что с первых дней работы в должности следователя оказался в окружении этих людей», – пишет Г.П. Романов [5, с. 102].

С апреля 1975 г. В.Е. Долгов работает прокурором Чебоксарского района. Сохранилась характеристика, данная ему секретарем Чебоксарского райкома КПСС Г. Романовым в 1981 г. В ней отмечалось, что В.Е. Долгов «отличается большой работоспособностью, деловитостью, обладает хорошими организаторскими способностями», «самокритичен, требователен к себе и подчиненным» [8, л. 1].

В характеристике особо отмечается работа Василия Ефремовича по пропаганде правовых знаний, профилактике правонарушений несовер-

шеннолетних и охраны их прав. С 1975 г. Долгов возглавлял народный университет правовых знаний, только в одном 1980 г. он прочитал 46 лекций среди населения [8, л. 2]. Надо отметить особый интерес В.Е. Долгова к сотрудничеству со средствами массовой информации. «Только за 1980 г. им опубликовано 35 статей и заметок в районной газете» [8, л. 2]. Публикации В.Е. Долгова были посвящены не только профилактике пра-вонарушений, но и краеведческим изысканиям автора.

14 июля 1981 г. В.Е. Долгов стал прокурором Московского района г. Чебоксары. Здесь он проработал два срока до мая 1991 г.

Он вспоминает о совместной работе с Александром Степановичем Федоровым и Юрием Сергеевичем Кручинным, которые были его заместителями. В воспоминаниях В.Е. Долгов рассказывает о расследовании резонансного убийства 10 сентября 1988 г. сторожа строительного кооператива «Восход» П.П. Павлова. В следственную бригаду вошли В.Е. Долгов, Р.Н. Кадимов и А.Г. Ермолов. В ходе расследования были раскрыты еще два убийства. За оперативные действия по проведению следственных действий 5 октября 1988 г. все они были поощрены Приказом №40 прокурора республики [5, с. 91].

Помощниками прокурора работали Грудцына Татьяна Георгиевна, Айдан Наталья Валерьевна, Макаркина Эльвира Ивановна, Лермонтова Маргарита Филимоновна, Крылова Фаина Зиновьевна, Петрова Светлана Михайловна и др [3, л. 3]. В одном из интервью В.Е. Долгов сетует, что раньше в прокуратуре работало очень мало женщин. «Теперь они работают наравне с мужчинами, работают вместе и дружно» [6, л. 3].

После официального оформления пенсии В.Е. Долгов не закончил свою работу. С 31 мая 1991 г. по 1 марта 1996 г. он работал прокурором отдела по делам несовершеннолетних Прокуратуры ЧР.

Таким образом, всю свою трудовую жизнь Василий Ефремович проработал в прокуратуре Чувашии. «Смыслом жизни для меня всегда были учеба и работа», – писал он. В его трудовой книжке только одна запись. «Всю свою трудовую жизнь я посвятил одной организации – прокуратуре Чувашии. 1 марта 1996 г. я ушел на пенсию с выслугой 46 лет, 4 месяца и 18 дней» [5, с. 90].

Он лично знал всех прокуроров с 1953 г. по 1996 г.: И.В. Сидоркина, М.А. Алексеева, Н.А. Баженова, В.А. Ковалева, И.А. Журавлева, Е.П. Пустовалова, Е.П. Жучкова, С.В. Русакова.

Вспоминая своих коллег, он пишет: «О каждом из них у меня сохранились самые добрые и хорошие воспоминания... Я горжусь тем, что около 43 лет работал среди замечательных коллег» [3, л. 5].

Многолетний труд Василия Ефремовича был по достоинству оценен. В 1990 г. он получил почетное звание Заслуженного юриста Чувашской АССР. В 1976 г. он был награжден медалью «За трудовую доблесть». Он неоднократно награждался Почетными грамотами обкома КПСС и Совета Министров Чувашской АССР. Его имя занесено в Книгу Трудовой славы и героизма Чебоксарского района. В 1962, 1972 и 1982 гг. он был награжден Почетными грамотами Генерального Прокурора СССР [4]. Как ветеран Прокуратуры РФ Василий Ефремович в 1992 г. побывал в Москве на праздновании 270-летия прокуратуры России.

После выхода на пенсию В.Е. Долгов с 1994 г. по 2006 г. являлся председателем Совета ветеранов Прокуратуры Чувашской Республики.

Однако не меньше, чем профессиональными успехами Василий Ефремович гордился своим журналистским творчеством. Все годы своей прокурорской работы он активно публиковался в районных и республиканских газетах и журналах. За 40-летнюю журналистскую работу в средствах массовой информации по правовой пропаганде и законности в Республике в 1991 г. В.Е. Долгов был принят в члены Союза журналистов СССР (ныне Союз журналистов Российской Федерации). Свои воспоминания 2002 г. он подписал «юрист-журналист, ветеран прокуратуры, советник юстиции Василий Ефремович Долгов» [4, л. 3]. Многие его статьи и заметки были посвящены краеведческим исследованиям истории сел, деревень и городов Чувашии. Он публиковал статьи на русском и чувашском языках в газетах «Хыпар», «Советская Чувашия», «Чувашъен» и районных газетах, а также журналах «Капкан», «Ялав» и др.

Долгов Василий Ефремович умер 13 августа 2016 г.

В одной из своих статей он писал, что всю жизнь стоял на страже законности и боролся с преступностью. «Я не только не жалею об этом, но и горжусь тем, что был защитником справедливости во благо народа России» [5, с. 92].

Необходимо знакомить молодое поколение с биографиями таких преданных делу людей, как Василий Ефремович Долгов. Простой сельский школьник, интересующийся историей, сумел закончить престижный вуз и всю жизнь посвятил любимой работе в прокуратуре, не забывал о своей увлеченности журналистикой. На наш взгляд, это достойный пример для подражания.

Список литературы

1. Долгов В.Е. Воспоминания о прокуратуре Козловского района / В.Е. Долгов [Рукопись] // Ведомственный архив кадрового подразделения Прокуратуры ЧР. – 3 л.
2. Долгов В.Е. К истории прокуратуры Мариинско-Посадского и Октябрьского районов [Рукопись] / В.Е. Долгов // Ведомственный архив кадрового подразделения Прокуратуры ЧР. – 5 л.
3. Долгов В.Е. О коллегах по работе [Рукопись] / В.Е. Долгов // Ведомственный архив кадрового подразделения Прокуратуры ЧР. – 5 л.
4. Долгов В.Е. Справка [о деятельности В.С. Долгова] [Рукопись] // Ведомственный архив кадрового подразделения Прокуратуры ЧР. – 3 л.
5. Прокуратура Чувашской Республики вчера и сегодня. – Чебоксары: ПЧР, 2010. – 244 с.
6. Тезисы выступлений по Чувашскому радио 29 декабря 1996 г. Долгова В.Е. [Машинопись] // Ведомственный архив кадрового подразделения Прокуратуры ЧР. На чув. яз. – 3 л.
7. Ухтияров А.И. Юридические кадры Чувашии: исторический аспект / А.И. Ухтияров // Вестник Российского университета кооперации. – 2015. – №3 (21). – С. 129–135.
8. Характеристика на прокурора Чебоксарского района тов. Долгова Василия Ефремовича [Машинопись] // Ведомственный архив кадрового подразделения Прокуратуры ЧР. – 2 л.
9. Чувашская энциклопедия. В 4 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – Т. 1. – 590 с.

Гецевич Андрей Казимирович

канд. ист. наук, доцент

Кергет Игорь Леонидович

старший преподаватель

УО «Гродненский государственный

университет им. Янки Купалы»

г. Гродно, Республика Беларусь

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НЕДВОРЯНСКИХ СОСЛОВИЙ XIX – НАЧАЛА XX в. В АРХИВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

***Аннотация:** в статье рассматриваются фонды архивов Республики Беларусь, в которых отражена семейная история недворянских сословий периода Российской империи.*

***Ключевые слова:** генеалогия, семейная история, крестьяне, мещане, священнослужители, купечество, белорусы, русские, поляки, евреи, татары.*

Метрические книги являлись не единственным источником информации о семейной истории. Для разных сословий Российской империи они имели свое отличие. Обратимся к самому массовому сословью – крестьянству.

Очевидно, именно крестьянство составляло большинство населения страны, основу ее экономики и являлось главным налогоплательщиком. Следовательно, значительную информацию о его семейной жизни содержат, наряду с метрическими книгами, переписи податного населения (т.н. ревизские сказки) [3].

В XIX веке было проведено 5 ревизий (последняя в 1851–1858 гг.) по-датного населения. Вместе с возможностью установления количества налогоплательщиков ревизские сказки позволяют получить сведения о фамилии, сословной принадлежности, возрасте, месте жительства, наличии детей, имущественного положения, других факторах.

В фондах наместнических правлений, казенных палат, мещанских станиц, уездных временных ревизских комиссий, а также могут быть обнаружены и в других фондах). Ревизские сказки являются весьма ценным источником генеалогических сведений [12].

Важный источник, касающийся семейной истории крестьян – посемейные списки, которые нашли свое отражение в документах волосных правлений и казенных палат с 1858 года. В некоторых из них содержится материал об опросе крестьян о составе их семей для возобновления посемейных списков [31]. Подобного рода документы содержатся в материалах сельских обществ [15], мещанских управлений [17]. Посемейные списки составлялись каждый год, но использовались обычно для местных нужд.

В архивах о крестьянах могут рассказать и документы уездного рекрутского присутствия. Крестьяне составляли большинство рекрутов в период с 1705 по 1855 годы. Вопросы организации рекрутского набора

была в ведении местных администраций, которые и составляли списки призывающих [6; 12].

Вместе с тем, источники содержат в себе и материалы, касающиеся жизни семей военнослужащих [18]. Вопросы оказания благотворительной помощи семьям лиц, призванным на войну, списки членов волостных попечительств по обследованию семей запасных нижних чинов, списки семей, нуждающихся в пособии, дела о назначении и выдаче пособий на воспитание детей лиц, погибших в войну, списки сирот, получающих пособие и другие документы, подобного толка можно найти в делах Суражской квартирной комиссии Витебской городской думы [25], Минского губернского комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией [30].

XIX век, в особенности его вторая половина, стал периодом роста городов и их населения. Актуальность учета *городского населения* была очевидной. В начале XIX века белорусские города попали под действие российского городского законодательства («Грамота на права и выходы городов Российской империи» от 25 апреля 1785 г.). Согласно с этим, горожанином являлся тот, кто постоянно там проживал и имел в городе недвижимую собственность. Каждый городской обыватель записывался в алфавитном порядке в городскую обывательскую книгу. В ней указывались: фамилия, имя, отчество, звание, чин, сословие; семейное положение – имя, отчество жены; дети – пол, имена; место жительства, служба, промысел. Книга состояла из шести частей.

В первую часть вносились данные о «настоящих городовых обывателях» – тех, кто владел недвижимостью в черте города независимо от их сословного положения. Во вторую часть – купцы трех гильдий (запись в гильдии была позволена всем, объявившим капитал, независимо от происхождения или прежнего занятия). В третью часть – все записавшиеся в цехи (цеховые ремесленники) – мастера, подмастерья, ученики различных ремесел. В четвертую часть – иногородние жители и иностранные гости, приписавшиеся к городам для мещанских занятий и работ по разным промыслам. В пятую часть – именитые граждане, распределявшиеся на семь разрядов: а) служившие по выборам в городских должностях, получившие звание степенных и вновь занявшие определенные должности; б) ученые, имевшие академические и университетские аттестаты; в) художники, архитекторы, живописцы, скульпторы, композиторы, имеющие академические свидетельства; г) капиталисты, объявившие капитал от 50 и более тысяч, банкиры, объявившие капитал от 100 до 200 тысяч; д) оптовые торговцы; е) кораблехозяева. В шестую часть – посадские (старожилы) города, занимающиеся промыслами, рукоделиями и не принадлежащие ни к одному из предшествующих разрядов.

В 1846 г. было издано новое положение, касающееся жизни городов и городского населения. Лица, входящие в состав городского общества, разделялись на пять разрядов: а) потомственные дворяне, владеющие в столицах недвижимой собственностью; б) личные дворяне, почетные граждане и разночинцы (ученые, художники, артисты и другие лица, не имевшие ни личного дворянства, ни почетного гражданства, но имеющие с ними равные права), владеющие такой собственностью; в) купцы всех трех гильдий; г) столичные мещане (не записанные в цехи); д) столичные ремесленники или мещане, записанные в цехи на неограниченное время.

К городскому обществу были причислены иногородние лица, занимающиеся в столице торговлей, промыслами, ремеслами [2].

Городовая обывательская книга была отменена в 1870 году. Заведование делами отдельных сословий было передано в соответствующие словесные управления: купеческое, мещанскоe и ремесленное [9; 12].

Наиболее интересной в плане изучения семейной истории является домовая книга, которая составлялась полицейскими чинами по каждому району и содержала такие разделы как фамилия, имя, отчество, чин, звание, место жительства, состав семьи. Подобного рода документы содержатся, например, в фондах Минской мещанской управы [28], Гомельской городской управы [21]. Податное городское население вносилось соответственно в ревизские сказки.

Источниками в исследовании городского населения являются также издаваемые губернскими статистическими комитетами памятные книжки губерний, а также адресные и справочные книги городов, в которых указывалось ФИО, адрес, телефон [12]. Например, в Гродно памятные книги выпускались с 1847 года, с перерывами, до 1915 года. С 1911 года памятные книги Гродненской губернии именовались «Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии» [1]. Список домовладельцев г. Витебска, адреса жителей можно найти и в делах Витебского городского полицейского управления Витебского губернского правления [26].

Начиная с 1832 года в городах появляется новое сословие – почетные граждане. Права Почетного гражданства приобретались пожизненно или потомственno. Манифест «Об установлении нового сословия под названием «Почетных граждан» давал данной категории лиц значительные преимущества: они освобождались от подушного налога, воинской повинности, телесных наказаний, а также имели возможность реализовать своё право на участие в выборах по недвижимой в городе собственности, избираться на городские общественные должности не ниже тех на которые избирались купцы первых двух гильдий. В архивных документах данная категория лиц фигурирует в списках лиц, имеющих право голоса на выборах в городскую думу [33].

Среди источников по истории данного сословия можно назвать, прежде всего, городские обывательские книги (в 5-у часть), куда потомственные почетные граждане записывались до отмены книги в 1870 г., церковные записи, в которых отражены списки почетных граждан [35]. После 1870 года почетные граждане указывались в алфавитных книгах домовладельцев, которых хранились в городских управах.

Значительную часть населения городов и местечек Беларуси занимали евреи. Отдельно остановимся на рассмотрении источников по вопросам еврейской семейной истории. В результате трех разделов Речи Посполитой российским властям пришлось иметь отношения с еврейским населением, которое проживало на этих землях на протяжении нескольких веков.

Все архивные фонды, содержащие материалы по истории евреев, можно условно разделить на 3 категории. К первой категории можно отнести комплекс документов, отложившихся в процессе функционирования еврейских религиозных, общинных, общественно-политических, научных, культурно-просветительских, благотворительных, педагогических учреждений, а также органов самоуправления [10]. Документы этих фондов имеют важное значение для генеалогических исследований,

поскольку почти полностью состоят из книг регистраций рождений, бракосочетаний и смертей и содержатся в национальных исторических архивах в Минске и Гродно [5].

Фонды еврейских политических партий, научных, культурно-просветительских обществ и учреждений содержат регистрационные документы, протоколы заседаний комитетов и правлений, ежегодные отчеты ведомости уплаты членских взносов и внесения пожертвований, переписку с государственными учреждениями [10; 13; 14].

Ко второй категории принадлежат фонды документальных материалов, образовавшихся в процессе деятельности нееврейских по своей сути организаций и учреждений, основанных государством специально для решения вопросов жизнедеятельности еврейского населения и занимавшихся только ими. Таких фондов сравнительно немного и к ним можно отнести различные центральные и губернские комитеты и комиссии по еврейскому вопросу, фонды казенных еврейских училищ, приютов для крещенных детей [7; 10].

Третью группу составляют фонды государственных и общественных учреждений и организаций, не занимавшихся специально вопросами жизнедеятельности еврейского населения [10]. К ним относятся фонды канцелярий генерал-губернаторов и губернаторов, правителя Белостокской области, фонды губернских правлений, фонды губернских жандармских управлений, губернских по городским делам присутствий, фонды казенных палат, фонды городовых и мещанских управ, фонды городских и уездных полицейских управлений. Вне зависимости от полноты содержащихся в делах названных фондов сведений и, несмотря на субъективизм их авторов, они являются одним из основных, а во многих случаях единственным источником по проблемам правового, социально-экономического, религиозного и культурного положения евреев на территории Беларуси в период Российской империи.

Довольно интересным представляется изучение *семейной истории белорусского купечества*. Семейную историю купечества мы можем проследить по ряду документов. Первым из них можно назвать купеческие книги. Они представляют собой посемейные списки купцов, имеющих государственные свидетельства, которые и являлись обязательным условием причисления к данному сословию.

В данных документах указывались фамилия, имя, отчество, возраст купца; имя, отчество и возраст его жены, а также имена и возраст детей. В случаях причисления к купеческому семейству других родственников обязательно оговаривалась степень родства с главой семьи. Иногда в книгах встречается информация о кратности брака, вдовстве и месте проживания купцов, их заслуги (например, возвведение в почетное гражданство или награждение). Купцу, попавшему в купеческую книгу, выдавалось особое гильдейское свидетельство на гербовой бумаге. Информация, содержащаяся в купеческих книгах, позволяет исследовать довольно большой перечень вопросов семейной истории [38].

В 1863 году было введено новое гильдейское устройство, которое позволяло лицам всех сословий заниматься торговлей и промыслами, с условием оплаты всех торговых и промысловых свидетельств, но без сословных гильдейских прав. К первой гильдии была отнесена оптовая торговля, ко второй розничная. Принадлежность к купеческому сословию определялась величиной объявленного капитала. Переход из гильдии в гильдию

и в мещане был свободный [12]. В связи с этим, в документах городских управ, казенных палат появляется большее количество информации и материалов по купечеству. Например, документы Бобруйского уездного казначейства [29], Речицкого городового магистрата [19] содержат рапорты, объявления, прошения о зачислении разных лиц в купеческое сословие, а также информацию о купеческих капиталах.

В фондах Витебской губернской казенной палаты [27], Могилевской городской управы [20] сохранились различные ведомости и списки: ведомости о торговых и промышленных заведениях, с указанием имен владельцев, списки купцов, списки домовладельцев, списки платильщиков промыслового налога, адресные книги, а также прошения купцов на получение различных свидетельств и паспортов. Подобная документация отложилась и в фондах податных инспекторов [4].

Сословие священнослужителей, как и остальные сословия, в основе своей было наследственным. Большинство представителей одного рода служили в церквях одного уезда или одной губернии.

Основными архивными документами по истории священнических родов являются клировые ведомости [12]. Клировые ведомости хранятся в фондах духовных консисторий, епархиальных управлений, например, Управления Минского архиерейского дома [16], Могилевского городского благочинного Могилевской духовной православной консистории [22]; Гродненской православной духовной консистории [34] и еще порядка в более чем 200 фондах, имеющихся в НИАБ и НИАБГр.

Кроме того, большую роль в изучении священнических родов может дать изучение журнала «Епархиальные ведомости», который издавался почти во всех епархиях Российской империи с начала 1860-х годов. В журнале печатались данные о назначениях, перемещениях и увольнениях всех служащих епархии, списки награжденных и учеников всех духовно-учебных заведений, биографии и некрологи отдельных священников, исторические описания приходов [37, с. 91].

Подобного рода материалы содержаться и в фондах римско-католического костела. Назначении и увольнении духовных лиц с должностей, ведомости о численности духовенства, капиталах духовенства находятся в делах Могилевского римско-католического деканата Могилевской римско-католической консистории [23], Минского римско-католического деканата [32], Гомельского римско-католического деканата [24], Гродненского деканата [36].

Архивы содержат и материалы по истории греко-униатских общин Беларуси. В частности, рапорты деканов, приходских священников, лиц духовного звания, прошения их родственников, рукоположении выпускников Полоцкой духовной семинарии в сан священника, списки священно и церковнослужителей [8].

Фонды Национального архива Республики Беларусь содержат документы, отражающие историю татарской общности. В материалах канцелярии минского гражданского губернатора, минского губернского правления и минского губернского дворянского собрания имеются постановления губернского дворянского собрания об утверждении в дворянстве лиц татарского происхождения и алфавитные списки татарских дворянских родов за 1819–1875 гг. [11].

Приведенные выше источники по семейной истории недворянских сословий позволяют применить их к изучению общества XIX – начала XX в., а также предоставляют возможность для генеалогических исследований.

Список литературы

1. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1911 год / Издание Гродненского губернского статистического комитета. – Гродно: губ. тип. – 557 с.
2. Бирюкова Л.В. Купечество / Л.В. Бирюкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forum.vgd.ru/132/8583>
3. Генеалогическая информация в государственных архивах России. Справочное пособие. – М.: ВНИИДАД, 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Kojevnikov/Xrestomatiya/Genealog2.htm>
4. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ю.М. Гончаров / Алт. гос. ун-т. – Томск, 2003. – 50 с.
5. Национальный исторический архив Беларусь (далее – НИАБ). – Ф. 2606 Витебский еврейский кагал; НИАБ. – Ф. 1608 Борисовский раввин; НИАБ. – Ф. 3025. Белицкое еврейское общество; НИАБ. – Ф. 1520. Городокский раввинат; НИАБ. – Ф. 2459. Могилевское еврейское погребальное братство; Национальный исторический архив Беларусь в Гродно (далее – НИАБГр). – Ф. 232. Брестское еврейское общество и др.
6. НИАБ. – Ф. 1497. Бобруйское уездное рекрутское присутствие, город Бобруйск Бобруйского уезда Минской губернии; НИАБ. – Ф. 2582. Городокское уездное по воинской повинности присутствие Витебского губернского по воинской повинности присутствия, г. Городок Городокского у. Витебской губ.; НИАБ. – Ф. 627. Слуцкое уездное по воинской повинности присутствие, город Слуцк Слуцкого уезда Минской губернии; НИАБ. – Ф.628. Борисовское уездное по воинской повинности присутствие, город Борисов Борисовского уезда Минской губернии; НИАБ. – Ф.629. Игуменское уездное по воинской повинности присутствие, город Игumen Игуменского уезда Минской губернии.
7. НИАБГр. – Ф. 1678. Гродненская губернская о еврейских долгах комиссия; НИАБГр. – Ф. 1021. Гродненская губернская особая комиссия по переписи евреев Гродненской губернии; НИАБ. – Ф. 138. Минский губернский комитет о переселении евреев из деревень в города.
8. НИАБГр. – Ф. 1772. Литовская греко-униатская консистория; НИАБ. – Ф.3245. Белорусская греко-униатская духовная консистория; НИАБГр.– Ф.1621. Брестская униатская консистория, г. Новогрудок.
9. НИАБГр. – Ф. 676. Лидский городовой магистрат, г. Ліда Гродненское губернское по городским делам присутствие Гродненского губернатора, гор. Гродно Гродненской губернии; НИАБ. – Ф. 2102. Оршанская городская управа, г. Орша Оршанского у. Могилевской губ. 1870–1917 гг.
10. Документальные материалы по истории евреев в архивах СНГ и стран Балтии: предварит. список арх. фондов / Петербург. евр. ун-т, Ин-т исслед. евр. диаспоры и др.; сост. Д.А. Эльяшевич. – СПб.: Акрополь, 1994. – 132 с.
11. Канапацкая З.И. Материалы по истории татар-мусульман середины XIX века в фондах Центрального Государственного Архива Крыма, Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Национального исторического архива Республики Беларусь / З.И. Канапацкая // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2011. – №3/4. – С. 25–31.
12. Кочевых С.В. Методическое пособие по проведению генеалогических разысканий. Основы генеалогической культуры / С.В. Кочевых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://diderix.petergen.com/metod.htm>
13. НИАБ. – Ф. 2286. Рогачевское еврейское начальное училище.
14. НИАБ. – Ф. 4329. Бобруйский комитет Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион»; НИАБ. – Ф. 4312. Волковысская организация Всеобщего еврейского рабочего союза «Бунд».
15. НИАБ. – Ф.1157 Бегомльское сельское общество, село Бегомль Борисовского уезда Минской губернии.
16. НИАБ. – Ф. 119. Управление Минского архиерейского дома, город Минск Минского уезда Минской губернии.

Историческая биографистика, биографика и биоисториография

17. НИАБ. – Ф. 1203. Свислочское мещанское управление, местечко Свислочь Бобруйского уезда Минской губернии.
18. НИАБ. – Ф. 1235. Минское городское попечительство по призрению семейств нижних воинских чинов, призванных на службу в 1877 году, город Минск Минского уезда Минской губернии.
19. НИАБ. – Ф. 168. Речицкий городовой магистрат, город Речица Речицкого уезда Минской губернии.
20. НИАБ. – Ф. 2099. Могилевская городская управа, город Могилев Могилевского уезда Могилевской губернии.
21. НИАБ. – Ф. 2100. Гомельская городская управа, город Гомель Гомельского уезда Могилевской губернии.
22. НИАБ. – Ф. 2307. Могилевский городской благочинный Могилевской духовной православной консистории, город Могилев Могилевского уезда Могилевской губернии.
23. НИАБ. – Ф. 2374. Могилевский римско-католический деканат Могилевской римско-католической консистории, город Могилев Могилевского уезда Могилевской губернии.
24. НИАБ. – Ф. 2429. Гомельский римско-католический деканат, город Гомель Гомельского уезда Могилевской губернии.
25. НИАБ. – Ф. 2572. Суражская квартирная комиссия Витебской городской думы, город Сураж Суражского уезда Витебской губернии.
26. НИАБ. – Ф. 2631. Витебское городское полицейское управление Витебского губернского правления, город Витебск Витебского уезда Витебской губернии.
27. НИАБ. – Ф. 2640. Витебская губернская казенная палата Сената, с 1810 года – Министерства финансов, город Витебск Витебского уезда Витебской губернии.
28. НИАБ. – Ф. 330. Минская мещанская управа, город Минск Минского уезда Минской губернии.
29. НИАБ. – Ф. 335. Бобруйское уездное казначейство, город Бобруйск Бобруйского уезда Минской губернии.
30. НИАБ. – Ф. 509. Минский губернский комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, город Минск Минского уезда Минской губернии.
31. НИАБ. – Ф. 657. Качеричское волостное правление, ст. Качеричи Бобруйского у. Минской губ.
32. НИАБ. – Ф. 957. Минский римско-католический деканат, город Минск Минского уезда Минской губернии.
33. НИАБГр. – Ф. 17. Гродненское губернское по городским делам присутствие гродненского губернатора.
34. НИАБГр. – Ф. 561. Гродненская православная духовная консистория, г. Гродно.
35. НИАБГр. – Ф. 881. Брестское благочиние, г. Брест Гродненской губернии.
36. НИАБГр. – Ф. 886. Гродненский деканат, г. Гродно.
37. Томилова В.Е. Проблема определения границ генеалогического исследования православного духовенства Омской епархии 1895–1915 гг. / В.Е. Томилова // Динамика систем, механизмов и машин: материалы VIII Междунар. науч.-техн. конф. (Омск, 13–15 нояб. 2012 г.). – Кн. IV. – Омск, 2012. – С. 90–92.
38. Фомина А.С. Социально-психологические типы крупной московской буржуазии второй половины XIX – начала XX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.С. Фомина; место защиты: Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2008. – 202 с.

Кириллова Алена Михайловна

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ДЛЯ СЕЛЬСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЧУВАШИИ

Аннотация: в статье рассмотрена история реформирования и развития агропромышленного комплекса Чувашии и определена роль органов сельского самоуправления в развитии сельского хозяйства. Для Чувашии агропромышленный комплекс занимает важное место в истории развития региона. Сельское хозяйство в республике не имеет явно выраженного перевеса в сторону растениеводства или животноводства. Руководством республики постоянно оказывается государственная поддержка предпринимателей сельскохозяйственного сектора, оказывается помощь в виде льготного налогообложения сельского хозяйства, выделяются субсидии для развития личного подсобного хозяйства, выплачиваются субсидии сельхозтоваропроизводителям, так как предпринимательская деятельность органов местного самоуправления является основным источником финансовых средств. Комплексное сочетание мер по реализации государственной поддержки агропромышленного сектора, увеличение финансирования мероприятий по сельскому развитию и реформирование деятельности местного самоуправления в регионе способствуют положительному влиянию на развитие сельских поселений Чувашии.

Ключевые слова: развитие сельского хозяйства, реформы, органы сельского самоуправления, агропромышленный комплекс, сельское хозяйство.

Развитие сельского хозяйства неразрывно связано с развитием общества, так обеспечивало существование сельского населения. Чувашия располагает относительно благоприятными для ведения сельского хозяйства природными условиями.

Основу агропромышленного комплекса региона составляет сельское хозяйство, состоящее из растениеводства (земледелия) и животноводства.

В отечественной историографии аграрное развитие рассматривалось как мероприятие необходимое для решения продовольственных проблем и обеспечения средств для развития промышленности. Уровень развития сельского хозяйства влияет на стабильность сельской системы и уклада сельской жизни. Современный региональный агропромышленный комплекс затрагивает все его отрасли, включая производство сельскохозяйственной продукции и сырья, их переработку и реализацию конечному потребителю.

До 2-ой половины XIX века в Чувашии 95% населения занималось сельским хозяйством (охота и рыболовство). Ввиду отсутствия промышленного производства, в регионе развивалось земледелие, животноводство, ремесленное производство и торговля. Первая реформа в области

сельского хозяйства была проведена Иваном IV Грозным в 1551 году и привела к укреплению государственной власти и ущемлению прав крестьян. В 1649 году Земским собором в Соборном Уложении было введено крепостное право. Соответственно, крестьяне вместе с семьями передавались в собственность тех, на чьих землях они проживали. С отменой крепостного права и столыпинская реформа предоставили крестьянам право выхода из общины для самостоятельного хозяйствования, что способствовало развитию сельского хозяйства в регионе.

Реформы советского периода носили формальный характер и не способствовали развитию аграрного сектора, села и условий хозяйствования. Для современной российской власти весьма актуальным является исследование перспективных моделей хозяйственного управления, особенно в посткризисные периоды истории [1].

В постсоветской России началась очередная аграрная реформа, приведшая к спаду сельскохозяйственного производства. Целью реформирования была реорганизация колхозов и совхозов для развития фермерского сектора в аграрном комплексе региона. Проводимые реформы особенно болезненно сказались на сельском хозяйстве и жизни чувашских деревень. По некоторым существенным показателям достичь дореформенного уровня удалось лишь на 30%, а масштабы сельской бедности практически не сокращаются [1]. Но, необходимо заметить, что развитию сельского хозяйства Правительство Республики постоянно уделяет внимание, так как 35% населения Чувашии проживает в сельских поселениях. Непосредственно 22% занято в сельском хозяйстве. Важно заметить, что за последние пять лет наблюдается ежегодный положительный рост производства сельхозпродукции.

Факторами, сдерживающими развитие агропромышленного комплекса, являются недостаточность собственных оборотных средств, низкий уровень производственно-технической базы; недостаточное развитие системы переработки сельскохозяйственного сырья; отсутствие крупных современных корпораций, способствующих продвижению конечной продукции; отток сельского населения; невысокая инвестиционная привлекательность аграрного сектора; низкая система информационного обеспечения участников сельхозпроизводства; недостаток квалифицированных руководителей и специалистов в агропромышленном секторе и другие. Например, каждый глава муниципального района и их заместители по агропромышленному сектору должен иметь перечень строящихся и расширяющихся производств для проведения инвентаризации всех объектов в районах, что способствует модернизации и повышению эффективности сельскохозяйственных производств. Наличие же своевременного информационного обеспечения сельского населения и сельхозпроизводителей могут стать действенным механизмом обратной связи с органами государственной власти. Например, в апреле 2020 г. был запущен медиапроект «Сельский час». На данной площадке министр сельского хозяйства Чувашской Республики С.Г. Артомонов вел прямое включение с населением, доводя актуальную информацию, отвечая на вопросы обратившихся граждан по способам господдержки аграриев.

Так как одним из факторов влияющим на развитие агропромышленного комплекса является размер численности работников сельскохозяйственных предприятий, то мотивация работников сельскохозяйственного

производства в виде заработной платы играет важную роль при выборе ими официальной работы в сельском поселении либо временного заработка в других регионах.

Особенностью развития сельскохозяйственного производства и агробизнеса в Чувашии можно также назвать отдаленность некоторых сельских поселений в Аллатырском, Аликовском, Красноармейском районах от рынков сбыта и центров распространения сельхозпродукции.

Отдельного внимания заслуживает такая отрасль сельского хозяйства региона, как – хмелеводство. Для развития этой отрасли была утверждена Концепция развития хмелеводства в ЧР до 2025 г., установлены методы управления, организационная структура, финансовая и кадровая политика сельских муниципальных образований [2].

Современные факторы развития и положительный исторический опыт могут быть основой для успешного развития сельского хозяйства, что способствует увеличению занятости населения. Так как сельское хозяйство является единственной отраслью, динамика развития которой оказывает существенное влияние на экономику административно-территориальных единиц в области привлечения инвестиций. Комплексное взаимодействие агропромышленного комплекса с региональными сельскими органами местного самоуправления способствуют развитию сельского хозяйства. Такое взаимодействие способствует подготовке пакета документов на получение грантовой поддержки, формирование финансовых условий для льготного кредитования и т. д.

Важная роль в реализации стратегии эффективного управления агропромышленным комплексом принадлежит местному самоуправлению, начиная с уровня сельских поселений. Организация деятельности органов сельского самоуправления по взаимодействию с предприятиями для обеспечения единой системы производства сельскохозяйственной продукции способствует реализации муниципальных сельских программ, а также положений федеральных и региональных программ. Органы местного самоуправления сельских поселений являются самой близкой к сельскому населению властной силой, способствующие регулированию хозяйственной деятельности. Наличие успешного агропроизводственного сектора, достаточного для осуществления сельскохозяйственной деятельности, является ключевым условием существования любого сельского поселения. Одной из важнейших задач органов сельского самоуправления можно назвать производственно-хозяйственную деятельность, являющейся способом обеспечения населения сельхозпродуктами.

В контексте о жизнедеятельности сельских поселений, реинжиниринг следует рассматривать как постепенный непрерывный результирующий процесс управления сельских территорий. Это, по нашему мнению, адекватно отражает современные тенденции в развитии экономики сельских поселений [3].

Список литературы

1. Гончарова С.В. Формирование и деятельность органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.В. Гончарова; место защиты: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2012. – 22 с.

2. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstatmain/rosstat/tu/statistics/publications/catalog/doc1135087342078>

3. Об утверждении Концепции развития хмоловодства в Чувашской Республике на 2020–2025 годы: Распоряжение Кабинета министров ЧР от 20 августа 2020 г. №738-Р.

4. Чупрякова А.Г. Реинжиринговый подход к оценке готовности сельских территорий к импортозамещению / А.Г. Чупрякова, П.Д. Косинский // Успехи современного естествознания. – 2015. – №1–2. – С. 283–286.

Михайлова Анастасия Владимировна
студентка

Агеева Наталья Николаевна
канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВКЛАД АЛЕКСАНДРА ГАВРИЛОВИЧА РОТЧЕВА В ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Аннотация: в статье анализируется научно-публицистическая деятельность русского путешественника, исследователя и писателя Александра Гавриловича Ротчева в «американский период» его жизни. Дано общая характеристика Российско-Американской торговой компании и участия в ее деятельности А.Г. Ротчева. Основное внимание уделено освещению путешествий исследователя по Северной, Центральной и Южной Америке и его путевых очерков, в которых приводятся интересные сведения о географической среде, культуре и быте местного населения, а также его взаимодействию с русскими переселенцами.

Ключевые слова: Александр Гаврилович Ротчев, Российско-Американская торговая компания, форт Росс, Северная Америка, Южная Америка.

Жизнь и деятельность русского путешественника, историка и исследователя Александра Гавриловича Ротчева (1806–1873 гг.) практически не изучена в отечественной историографии. В основном сведения о нем встречаются лишь в общих трудах по истории российского англоВедения [4, с. 7]. Даже в отечественной литературе, посвященной Русской Америке, редко встречается это имя, несмотря на то что А.Г. Ротчев служил в Российско-Американской торговой компании и был управляющим форта Росс.

Увлекательное путешествие А.Г. Ротчева за океан началось в 1835 году, когда он поступил на службу в Главное правление Российской-Американской торговой компании. Вместе с семьей исследователь решил перебраться на Аляску, потому что это давало надежды на улучшение финансового положения и продвижение в чинах [6, с. 10]. 25 августа 1835 года из Кронштадта началась десятая кругосветная экспедиция. А уже 16 апреля следующего года трехмачтовое парусное судно «Елена» прибыло в Ново-Архангельский порт. А.Г. Ротчев получил должность чиновника особых поручений при главном правителе русских колоний в Северной Америке. А через три года – управляющим («правителем»)

конторы селения Росс (Форт-Росс), самого южного поселения Русской Америки. Он занимал эту должность до конца 1841 года.

Основным научно-публицистическим трудом А.Г Ротчева, посвященным Северной Америке стала работа под названием «Очерки северо-западного берега Америки», написанная в 1836 году. С самых первых строк автор уделяет много внимания географическому ландшафту местности. Здесь располагались высокие горы, которые покрывались плотными непроходимыми лесами. Они охватывали весь залив полуостровом, также было много крупных и мелких лесистых островов и скал [2, с. 65]. Также подробно описывается каменистый холм, на котором стояла крепость. Она имела несколько десятков пушек разного калибра и была огорожена бревенчатым палисадом. Внутри крепости имелось одно возвышенное место, там то и стоял дом «правителя» крепости Росс. Его окружали различные подсобные строения и хозяйства [2, с. 67]. Интерес вызывает и описание дома. Он венчался застекленной башней – своеобразным маяком, включал несколько жилых комнат для семьи и гостей. Вдоль стен с наружной стороны к морю вело множество разных построек: склады, казармы, жилые дома, мастерские и верфи.

Стоит отметить, что Ново-Архангельск к прибытию исследователя туда был уже не просто крепостью, но и местом цивилизации и просвещения. Город с населением около двух тысяч человек включал в себя одну больницу и школу, а также морское училище [2, с. 69]. Имелась довольно объемная библиотека, которая постоянно пополнялась за счет привозимых из России журналов и книг по различным дисциплинам. Автор называет это место административным, хозяйственным и культурным «центром широкого края» [2, с. 70], начало которому положили храбрые русские мореходы и землепроходцы еще в 1732 году. Данные очерки А.Г. Ротчев отправил в Санкт-Петербург, где их опубликовали в одном из номеров журнала «Сын Отечества».

В июле 1836 года исследователь отправился в Калифорнию. То, какой она предстанет перед ним, запомниться ему надолго. И не мудрено, ведь Александр Гаврилович был романтиком. Автор с восхищением отмечает, каким же благословенным краем являлось это место. Это тоже была Америка, а ее берега омывал тот же Тихий океан, но все, что он увидел, мало походило на суровую Аляску [2, с. 72]: вместо зимы в Калифорнии были дожди и теплый климат, вдоль рек располагались широкие полосы из самой плодородной земли. Леса росли густыми зарослями, деревья которых перевивались лианами, а внутри обитала самая разнообразная живность.

Позже А.Г. Ротчев дал подробное описание удивительной природы этих мест в каждое время года, а также гавани Ново-Архангельского порта. Как отмечает автор, она имеет очень удобное расположение, потому что закрыта множеством маленьких островов, которые затрудняют вход для незнакомых с местностью кораблей [3, с. 73]. Исследователь видел всю необходимость и выгоду от образования креолов, одобрял действия компании о подготовке 28 малолетних воспитанников и 17 юнг. Они обучались Закону Божьему, русскому языку, арифметике, теории науки мореплавания, церковному пению, а впоследствии некоторых назначали на суда в звании юнг, где они проходили практику, а потом становились

помощниками судовых командиров [3, с. 76]. Другие начинали работать в разных мастерских или в лазарете.

Благодаря университетскому образованию и поэтическому таланту, хорошим навыкам в сфере административной службы и блестящему владению несколькими иностранными языками Александр Гаврилович Ротчев мог быстро и относительно легко завязывать отношения и устанавливать контакты с местным населением, а именно с индейскими вождями, с иностранными гостями. По роду своей деятельности автор много общался с различным местными народами. Например, в Ново-Архангельском лазарете лечили не только русских, алеутских креолов и алеутов, но и их диких соседей колюжей [3, с. 77]. Они без опасений прививались от оспы, так как не хотели массово умирать из-за этой болезни, уносившей их соглядями. Что интересно, хоть это был и дружественный народ, но русские всегда были начеку, на всякий случай держали оборону.

«Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии» знакомят читателей с удивительным и загадочным миром дальних стран Центральной и Южной Америки и его обитателями. Особо необходимо выделить путешествие Александра Гавриловича в Панаму в январе 1852 года. Еще с XVI века Панама стала своеобразным складом для европейских товаров и южноамериканских ценных металлов. Она оказалась местом взаимной торговли между Старым и Новым Светом [1, с. 40]. Отдельно можно выделить жемчужные ловли в этой местности. Панамский жемчуг в течение долгого времени был одной из важнейших отраслей промышленности, уступая только ост-индскому. Однако с XVII столетия процветание данного региона начало угасать, потому что Испания вела торговые отношения с Перу и Чили, огибая мыс Горн, либо через Магелланов пролив. Узкая полоса земли, которая разъединяла два океана, совершенно забылась и заросла тропическим лесом. В те времена Панамского канала еще не существовало. Но многие, кто побывал в городе, описывали его величественно: подобных высоких зданий, церквей и монастырей не было во всей Вест-Индии [1, с. 41].

Панама, как отмечает исследователь, оставалась в «непробудном сне» вплоть до 1840 года. Именно тогда возникло пароходное сообщение между Европой, Чилийской Республикой, Боливией и Эквадором. А главным мотиватором развития стала Калифорния. Через Панаму калифорнийские выходцы [1, с. 42] возвращались в Европу или США и шли в Калифорнию. Так как они были в группах по две и три тысячи человек, им требовалось где-то ночевать. С этим помогали панамские гостиницы, благодаря которым город снова расцвел. Однако, как отмечал путешественник, качество номеров оставляло желать лучшего.

Александр Гаврилович Ротчев довольно подробно описывает даже насекомых, обитающих в данной местности. Некоторые из них были крайне опасными. Например, так называемая нигва или песковая блоха – сущий бич тропической Америки [1, с. 42]. Она проникает под кожу человека в любом месте и постепенно начинает откладывать там свои яйца. Ее присутствие можно заметить только спустя несколько часов после проникновения из-за сильного зуда. Большое место начинает краснеть и опухать, а затем чернеет. Исследователь сам однажды пострадал от этой напасти. Его пальц спасла молодая мулатка, торговавшая в своей лавочке.

Также в Панаме обитало очень много крыс, размеры которых достигали порой размеры кошек.

Много внимания автор уделяет местным панамским женщинам. В них он отмечает сочетание индейского, испанского и африканского начал [1, с. 46]. Они обладали правильными чертами лица, лебедиными шеями, черными выющиеся густыми волосами до плеч и кожей цвета чищенной меди. В их глазах порой мелькала страсть и чувственность. Что интересно, на улицах города часто можно было встретить простых крестьянок в рубашке и босиком, но с браслетами и золотыми серьгами. Это объясняется тем, что в провинции Чоко, близ Дариэнского перешейка, процветала золотодобывающая промышленность.

Живописные пейзажи, открывшиеся исследователю за городскими воротами, останутся в его памяти еще на долгие годы. Природа там будто затонула в тропической растительности. Больше всего Александру Гавриловичу запомнился Панамский залив, где группами располагались красочные острова. А также богатство земельных сельскохозяйственных земель произвело особое впечатление. Край, как он писал, «роскошный», однако, по его мнению, всё это служило не его жителям, а европейцам, которые «ловили рыбу в мутной воде» [1, с. 53].

Достаточно много рассуждает автор о необходимости создания Панамского канала для кораблей вместо длинного пути через мыс Горн или Магелланов пролив. А.Г. Ротчев обвинял Англию, Францию и Соединенные Штаты за то, что они до сих пор не решили проблему создания более короткого пути между океанами. Первую за то, что она слишком «самолюбива и не изменяла своим привычкам». Вторую – за особую нерешительность и за то, что «действовала по правилам, которые вели к упадку страны». А США, по мнению А.Г. Ротчева, просто были равнодушны к своим же обязанностям, допустив Англию в Центральную Америку и позволив бесцеремонные действия европейцев на территории Америки [1, с. 59].

Почему же, на взгляд исследователя, Панамский (или Дариэнский) перешеек был бы выгоднее других путей? Во-первых, гавани здесь образованы уже самой природой и не нужно строить искусственных. Во-вторых, нет нужды в шлюзах, как, например, для перешейка Никарагуа. В-третьих, данный канал будет судоходен для кораблей огромнейшего размера. В-четвертых, здесь нет ни ураганов, ни штормов. В-пятых, правительство Новой Гренады законно уступило земли для компании по прорытию, как не получилось с тем же перешейком Никарагуа [1, с. 78].

Из далекой страны Панамы путешественник сразу отправился к озеру Никарагуа, которое оставило глубокий след в его памяти. Переплыв его, А.Г. Ротчев добрался до так называемого «Королевства Москитос». В своем очерке он излагает несколько подробных сведений об этом странном, на его взгляд, государственном образовании, созданном Англией для установления контроля над центрально-американскими территориями [5, с. 93]. Сначала исследователь планировал добраться до столицы Королевства, но знакомые отговорили его от подобной затеи.

Александр Гаврилович продолжил путешествовать и добрался до Карибского моря, затем посетил Кубу, а после вернулся обратно в порт Сан-Хуан-дель-Сур, где стоял нужный ему пароход. Плавание продолжилось. Возле устья реки Некспа судно село на мель. Достигнув Акапулько за два дня, исследователь смог помочь своим спутникам, обеспечив им отправку

трех спасательных судов. Сам же он направился на север – в Северную Мексику, Калифорнию и Орегон. Интересно, что во время одного из переходов группа А.Г. Ротчева обнаружила широкую равнину между грядой Кордильер. Данное событие было, по сути, географическим открытием, так как до тех пор гряда считалась сплошной.

Александр Гаврилович Ротчев оставил будущим поколениям интересные, хотя и забытые сегодня научно-публицистические работы. Путевые очерки русского исследователя демонстрируют читателям неведомый и полный экзотики мир дальних стран Америки, а также сообщают много интересного об их обитателях. «Очерки северо-западного берега Америки» содержат подробную информацию об удивительной природе Северной Америки в каждое время года, быт и культуру местного населения, его взаимодействия с русскими переселенцами, а также уделяет место гавани Ново-Архангельского порта. Очерк «Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии» дает достаточно полную картину состояния стран Центральной и части Южной Америки. Большое внимание А.Г. Ротчев уделил будущему Панамскому каналу, уже тогда предсказав возможный захват данной территории североамериканцами. Во всем изложенном чувствуется прекрасное знание автором политических и экономических отношений в этих регионах.

Список литературы

1. Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии / А.Г. Ротчев // Отечественные записки. – 1854. – Т. 92. – С. 91–124. – Т. 95. – С. 71–102.
2. Ротчев А.Г. Письмо из Ситхи // Очерки Северо-западного берега Америки / А.Г. Ротчев // Сын Отечества в Северный Архив. – СПб.: Тип. Н. Гречка, 1838. – Т. 1. №1. – С. 65–78 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/S.America/XIX/1820–1840/Rotcev_A_G/text1.htm (дата обращения: 07.05.2021).
3. Ротчев А.Г. Плавание поручика флотских штурманов Воронковского для описи Аляски // Очерки Северо-западного берега Америки / А.Г. Ротчев // Сын Отечества в Северный Архив. – СПб.: Тип. Н. Гречка, 1838. – Т. 1. №1. – С. 65–78 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/S.America/XIX/1820–1840/Rotcev_A_G/text1.htm (дата обращения: 07.05.2021).
4. Прокурин В.Н. От Аляски до Семиречья: к 200-летию со дня рождения А.Г. Ротчева, писателя и путешественника / В.Н. Прокурин // Простор. – 2006. – №1. – С. 6–9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://proskurin.ucoz.kz/publ/ot_aljaski_do_semirechja/2-1-0-171 (дата обращения: 07.05.2021).
5. Файнштейн М.Ш. Воспоминания русского путешественника / М.Ш. Файнштейн // Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии. – М.: Наука, 1991. – 144 с.
6. Файнштейн М.Ш. Предисловие // Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии. – М.: Наука, 1991. – С. 3–19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rotchew_a_g/text_0050.shtml (дата обращения: 07.05.2021).

Руденко Константин Александрович

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Казанский государственный
институт культуры»
г. Казань, Республика Татарстан

Мягков Герман Пантелеимонович

д-р ист. наук, профессор
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»
профессор
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

БИОИСТОРИОГРАФИЯ В АРХЕОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ОБРЕТЕНИЯ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ (ЭПИСТОЛЯРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИИ КАЗАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1940–1949 гг.)

Аннотация: в статье исследуется вопрос о развитии в казанской археологии нового направления историографического исследования – биографистики. Авторы проанализировали как предысторию этого явления, так и его современное состояние. По мнению исследователей, основной проблемой в этой области является слабая проработанность источниковой базы и малое число документов, введенных в научный оборот. На примере публикации К.А. Руденко части эпистолярного наследия известного археолога, основателя научного направления – булгаристики А.П. Смирнова делаются выводы о когнитивных возможностях этого источника, различных аспектах анализа и реконструкции истории повседневности послевоенного советского времени, как и разнообразные коммуникационные ситуации этого периода.

Ключевые слова: историография археологии, биографистика, эпистолярный жанр, научные коммуникации, казанская археология, ТАССР.

Изучая какой-либо конкретный период в истории науки, нам важно знать не только то, что было «там и тогда», но и то, как именно в то время рассматриваемая отрасль знания выстраивала свою генеалогию, как именно тогда оценивалось то, что было сделано предшественниками, и как виделась их персональная иерархия в динамическом плане.

Л.П. Репина [21, с. 322]

История региональной науки и такой специфической как археология относительно недавно стала привлекать внимание ученых. В советское время историографические штудии были немногочисленны и в обещающем виде представлены лишь в трудах В.Ф. Генинга [4]. В постсоветский

период, если рассматривать регионы России, особенный интерес вызывали периоды: до 1917 г., 1920–1930-е гг. [7] и последняя четверть XX – начало XXI в. Первый был связан с коллекционированием археологических древностей, второй – с феноменальным расцветом краеведения, а третий – со становлением и развитием региональных археологических школ, например, пермской, свердловской и удмуртской [13]. Тем не менее цельной картины региональной археологии в СССР, даже касательно относительно недавнего времени, так и не было написано.

Не стала исключением и казанская археология, хотя одним из авторов настоящей статьи была предпринята попытка осмысливать историю археологической булгаристики с позиций историографической науки, с выделением и анализа направлений и созданных научных гипотез, а также эволюции последних в XX в. [24]. В последнее время это восполняется материалами конференций, организованных Институтом археологии РАН, посвященных истории советской археологии [17; 28].

Также осталась неохваченной биографическая история казанской археологии. Несмотря на наличие очерков, посвященных отдельным личностям, например, Н.Ф. Калинину [27], А.Х. Халикову [9], А.П. Смирнову [30], все они в основном затрагивали их научную деятельность, главные достижения в этой области и гипотезы. Кроме того, задача биографической истории казанской археологии учеными в целом и не ставилась. Слишком невелик был исторический период, когда формировалась современная археологическая наука в национальных областях и регионах России и, как следствие, незавершенность этого процесса и в настоящее время. Кроме того, в 90-е гг. XX в. происходило переосмысление многих концептуальных моментов высказанных ранее гипотез, отразившееся и на общей оценке научной значимости деятельности того или иного ученого. Однако потребность в более углубленном исследовании не только научного наследия ученых той или иной сферы, но и обширной темы интеллектуального пространства и научных коммуникаций уже с начала 2000-х ясно осознавалась российскими историками [6; 21]. Естественно, поворот новейшей историографии к жанру исторической биографии вывел биографические исследования в центр Humanities. Он сопровождался методологическими дискуссиями в гуманитарных науках [15; 19; 20], которые касались вопросов форм историко-биографической рефлексии, включали поиск оптимального методологического инструментария, попытки определения «дисциплинарного наименования», дисциплинарных границ, статуса и основных черт биографики / биографистики и т. д. При определении путей становления «нового» биографизма особое внимание было обращено на анализ источников личного происхождения – дневников, писем, мемуаров. «Ненадежные» и «субъективные», по словам Л.П. Репиной, они «вышли на первый план не вопреки, а именно благодаря своей субъективности» [21, с. 6], обеспечив возможность выявить и осмыслить «человеческую индивидуальность».

Если касаться археологии, то определенный подъем этого направления в российской науке во второй половине 1990-х гг. был связан с именем А.А. Формозова. Его исследования и размышления [31; 32] отражали постсоветский взгляд на недавнюю историю, явно диссонируя с исследованиями В.Ф. Генинга, и вызвали неоднозначную реакцию научного

сообщества. Еще большим субъективизмом отличались историографические очерки Л.С. Клейна [8], вышедшие в 2010-х гг., которые, хотя и были избирательны по отношению к упоминаемым ученым, но позволили завершить обзор истории российской археологии, начатый Г.С. Лебедевым [12]. Впрочем, оценка краеугольных фигур отечественной археологии и созданных ими направлений была обозначена и в других исследованиях, например, Н.И. Платоновой [18] или И.Л. Тихонова [29]. Эта тема прозвучала и в ряде публикаций исследователей из национальных республик [14].

В этот же период стало явно прослеживаться стремление к созданию доступной для научного сообщества источниковой базы историографических исследований по археологии. Это касалось различных эго-документов: дневников, мемуаров, переписки. Стоит отметить, в этой связи опубликованные С.В. Кузьминых письма финского археолога А.М. Тальгрена [10; 11]. Хотя на фоне активного введения в научный оборот эпистолярного наследия советских ученых-историков, например, Б.Д. Грекова [5], археология явно проигрывала. Безусловно, важным прорывом в историографических штудиях по советской археологии является публикация дневников выдающегося археолога В.А. Городцова [2; 3].

Эти тенденции в той или иной степени затронули и историографические штудии национальных республик Российской Федерации, хотя стоит отметить, что интерес к этому направлению относительно небольшой. Главное препятствие в этом, безусловно, слабая разработанность источниковой базы. Архивы археологов как единый полноценный источник специально не изучались и не публиковались. Нередко материалы и эго-документы рассредоточены в разных архивах и фондах, что значительно затрудняет задачу комплексного исследования. Для казанской археологии эта проблема весьма актуальна, поскольку личные архивы практически всех археологов, работавших в XX в. в Казанской губернии и ТАССР, находятся в различных учреждениях и даже в разных, хотя и соседних республиках РФ, а также в столичных учреждениях и музеях.

Отчасти решить эту проблему была призвана публикация эпистолярного наследия выдающегося советского археолога Алексея Петровича Смирнова (1899–1974). Точнее, его переписка с казанской коллегой – Александрой Михайловной Ефимовой (1903–1990) [25; 26]. Это не первая публикация писем А.П. Смирнова. Часть писем Алексея Петровича к Н.Д. Аксеновой 1960-х гг. опубликовала сама адресат [1]. Однако переписка А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой охватывает существенно больший срок – практически три с половиной десятилетия с 1940-х гг., освещая ключевые моменты формирования казанской советской археологии.

Опыт использования этих материалов был в ряде публикаций, но он касался только частных вопросов [16] и, по сути, не затрагивал важные источниковедческие аспекты анализа этих материалов. Значение переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой для исследования вопросов истории казанской археологии существенно возрастает из-за отсутствия других эго-документов, например дневников и воспоминаний археологов. Это стало очевидным после выхода в свет в 2010 г. очерков о двух казанских археологах-женщинах, коллег и помощников А.П. Смирнова – О.С. Хованской (1889–1964) и А.М. Ефимовой [23].

Жанр биографистики, не разработанный в полной мере в казанской археологии как раз по причине не исследованности источников, после публикации писем А.П. Смирнова и их исследования как исторического источника получает дополнительный стимул развития. Уникальность этого материала заключается в том, что мы не только можем рассмотреть подробно черты характеров корреспондентов, но и включиться в повседневную жизнь сложнейшей эпохи военного времени и первых послевоенных лет. Причем, упоминаемые люди, события и даже география событий далеко выходят за рамки Казани и Москвы, а также обсуждения сугубо научных тем, что, кстати, составляет подавляющую часть содержания опубликованных писем. Это и события, происходившие в соседних республиках и областях, куда неоднократно ездил А.П. Смирнов в 1946–1949 гг., прежде всего в соседнюю Чувашию на раскопки и в Чебоксары по вопросам научной работы, на конференции и для работы по изучению археологических коллекций в музеях. Отразились в переписке и дальние командировки А.П. Смирнова по западным районам СССР в 1943–1944 гг. и, уже после войны, – в Германию. Но, главное, – это ежегодная цепочка событий, сопряженная с солидным количеством разворачивавшихся параллельно единомоментных происшествий, неких впечатлений, зафиксированных в конкретный промежуток времени и превратившихся в уникальные свидетельства эпохи.

Можно прибавить к этому и эмоционально переживаемые случаи в личной жизни или работе, тем более что и у А.П. Смирнова, и у А.М. Ефимовой было общее музейное поле деятельности, помимо, конечно, археологической, экспедиционной. И в этой связи четко проявляются разнообразные, иногда непредсказуемые моментальные повороты событий, происходившие по разными поводам, причем далекие от археологии, как, например, активность директора казанского краеведческого музея В.М. Дьяконова на музейном поприще, что не раз отражалось на А.М. Ефимовой, работавшей в этом музее. Помимо этого, были фигурировавшие в переписке общие знакомые и родственники, оказавшиеся в Москве, как, например, сын А.М. Ефимовой – Анатолий, поступивший в 1945 г. в Московский университет (Адо Анатолий Васильевич (1928–1995) – сын Василия Ивановича Адо (1905–1995) и Александры Михайловны Ефимовой, выдающийся историк, профессор Московского государственного университета).

В письмах нет обсуждения каких-либо глубоко личных или семейных сюжетов и тем, как, впрочем, и внутриполитических событий в стране, за исключением тех, что касались непосредственно авторов переписки. Это исключает соблазн для исследователей трансформировать научную биографию в «облегченный жанр» околонаучной беллетристики, основанный на сплетнях и домыслах, а также искажениях реальных фактов или их подтасовки.

Сложности, которые вполне ожидаемы при обращении к этим материалам ученых-специалистов, – это полнота выборки и источниковедческий анализ. Количество писем достаточно велико – более 300, что вместе с со-путствующими материалами из научного архива А.М. Ефимовой и А.П. Смирнова в Национальном музее Татарстана и в ГИМ позволяют расшифровать то, что проходило в письмах «фоном» и нередко было обсуждением каких-то тем, затронутых в беседах при личных встречах.

Весьма интересно и раскрытие «творческой лаборатории» ученых, причем становится очевидным, что именно здесь формулировались и оттачивались весьма важные направления научной мысли и рождались идеи, которые легко можно найти уже в публикациях авторов тех лет в научных изданиях. С сожалением можно констатировать, что исчезновение в настящее время эпистолярного жанра является утратой не только ценнейшего источника, но и части самого творческого процесса, формировавшего ключевые положения научных идей и стиль мышления ученого.

Конечно, такой источник, как письма весьма непрост. Взять хотя бы датировку писем. Большая часть их датирована автором. Однако некоторые из писем имеют утраты, например, начало письма или его окончание, где, собственно, и были указания на то, когда письмо было написано. Встречаются ошибки в датировке, связанные с путаницей конвертов и писем при хранении или отсутствие конвертов, при наличии недатированного письма. Есть случаи и описок самого автора. Определенную проблему создает и разделенность эпистолярной коллекции на две части – в Научной библиотеке Казанского федерального университета и Национальном музее Татарстана.

Таким образом, письма археологов, работавших в ТАССР, являются важной источниковой базой историографического изучения провинциальной археологии в советский период, возможностью через биографию определить их коммуникационное пространство на разном уровне – личном и общественном круге, среди друзей и коллег в области науки, как и тот след, который оставила эпоха.

Список литературы

1. Аксенова Н.Д. Любовь моя – Болгары. Воспоминания, научные работы / Н.Д. Аксенова. – Казань: Заман, 2010. – 174 с.
2. Василий Алексеевич Городцов: дневники, 1928–1944 / Гос. ист. музей, Ин-т археологии РАН; отв. ред.: П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский; сост., авт. очерков, примеч., comment. и указ.: И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. – – В 2 кн. Кн. 1: 1928–1935. – М.: Триумф прнт, 2015. – 687 с.
3. Василий Алексеевич Городцов: дневники, 1928–1944 / Гос. ист. музей, Ин-т археологии РАН; отв. ред.: П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский; сост., авт. очерков, примеч., comment. и указ.: И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. – В 2 кн. Кн. 2: 1936–1944. – М.: Триумф прнт, 2015. – 694 с.
4. Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии / В.Ф. Генинг. – Киев: Наукова думка, 1982. – 230 с.
5. Греков Б.Д. Письма (1905–1952 гг.) / сост. В.Г. Бухерт. – М.: Памятники исторической мысли, 2019. – 504 с.
6. Иванова Т.Н. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 167–176.
7. Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы) / Л.Ю. Китова. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭСО РАН, 2007. – 272 с.
8. Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археология советской эпохи / Л.С. Клейн. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 640 с.
9. Кузьминых С.В. Альфред Хасанович Халиков: Очерк жизни и научной деятельности / С.В. Кузьминых, П.Н. Старостин, Ф.Ш. Хузин. – Казань: Мастер-Лайн, 1999. – 58 с.

Историческая биографистика, биографика и биоисториография

10. Кузьминых С.В. «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С. Гуляева А.М. Тальgrenу) / С.В. Кузьминых, Т.В. Тишкина // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Азбука, 2009. – Вып. 5. – С. 178–190.
11. Кузьминых С.В. «Глубокоуважаемый и дорогой друг Михаил Маркович!» (Хельсинкская коллекция писем Н.Е. Макаренко А.М. Тальрену) / С.В. Кузьминых, А.Н. Усачук // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И.В. Манзуры / под ред. Станислава Церны и Благое Говедарицы. – Кишинев, 2016. – С. 379–428.
12. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. / Г.С. Лебедев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1992. – 464 с.
13. Мельникова О.М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Биобиблиографический словарь-справочник / О.М. Мельникова. – Ижевск: УдГУ, 2007. – 118 с.
14. Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.) / О.М. Мельникова. – Ижевск: УдГУ, 2003. – 194 с. (МИКВАЭ. Т. 9).
15. Мягков Г.П. Биографика: этапы дисциплинарного становления / Г.П. Мягков, Т.Н. Иванова // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковleva): материалы Всерос. науч. конф. с международным участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 25–32.
16. Овчинников А.В. Конфликт Н.Ф. Калинина – И.П. Смирнова: к истокам формирования научных школ в булгароведении (по материалам писем А.П. Смирнова) / А.В. Овчинников // Вестн. КТУ. – 2010. – №3. – С. 271–272.
17. Очерки истории отечественной археологии. Вып. V. – М.: ИА РАН, 2019. – 456 с.
18. Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века / Н.И. Платонова. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.
19. Попова Т.Н. Биографистика: к проблеме дисциплинарного статуса / Т.Н. Попова // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковleva): материалы Всерос. науч. конф. с международным участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 8–11.
20. Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия / Т.Н. Попова. – Одесса: Бондаренко М.А., 2019. – 392 с.
21. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже ХХ–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругль, 2011. – 560 с.
22. Репина Л.П. Размышляя о многогранности человеческого опыта / Л.П. Репина // «Из первых уст...»: Историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / сост. и общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2020. – С. 5–8.
23. Руденко К.А. Археология ХХ века: две жизни – две судьбы: О.С. Хованская и А.М. Ефимова / К.А. Руденко. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – 176 с.
24. Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (Х – начало XIII в.): монография / К.А. Руденко. – Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. – 768 с.
25. Руденко К.А. Казанские археологи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой): монография / К.А. Руденко. – Казань: Школа, 2020. – 92 с.
26. Руденко К.А. Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой): монография / К.А. Руденко. – Казань: Школа, 2021. – 476 с.
27. Ситдиков А.Г. Николай Филиппович Калинин, 1888–1959 / А.Г. Ситдиков, П.Н. Старостин. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. – 24 с.
28. Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы Международной научной конференции / отв. ред. И.А. Сорокина. – М.: Институт археологии РАН, 2021. – 84 с.

29. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки / И.Л. Тихонов. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 332 с.
30. Федоров-Давыдов Г.А. Памяти Алексея Петровича Смирнова / Г.А. Федоров-Давыдов // Древности Волго-Камья / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1977. – С. 3–6.
31. Формозов А.А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы) / А.А. Формозов. – М.: Гриф и К, 2011. – 290 с.
32. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки / А.А. Формозов. – 2-е изд., доп. – М.: Знак, 2004. – 320 с.

Шлемпа Олег Анатольевич
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

А.А. ПОЛОВИНКИН О ЗНАЧЕНИИ ЭКСКУРСИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Аннотация: статья посвящена деятельности А.А. Половинкина, разработавшего методику применения экскурсий в преподавании физической географии, произведшего типизацию экскурсий и видов работ во время экскурсий, а также подчеркнувшего воспитательное значение экскурсий.

Ключевые слова: природоведение, методика преподавания географии, экскурсия, классификация экскурсий, виды экскурсионных работ.

Программные документы системы образования ставят перед школой задачу формирования сознательного человека, инициативного, думающего работника, способного на творческий подход к любому делу. Решение такой задачи возможно при интенсификации процесса обучения на основе применения методов обучения, направленных на формирование у обучающихся мыслительных способностей, интереса к учебной деятельности, инициативности и творчества. В результате изучения географии обучающийся должен научиться наблюдать природу, работать с картой, определять характер ландшафта, находить причинную связь явлений. Это позволит ему в будущем легко ориентироваться в новой географической обстановке, понимать страну и людей. Эффективному развитию обучающихся способствует их участие в непосредственной деятельности по приобретению знаний. В этом плане экскурсии становятся незаменимой формой организации учебного процесса, что особенно важно в преподавании географии, где экскурсии обеспечивают максимально возможную степень наглядности.

Термин «экскурсия» происходит от латинского «excursio» – вылазка, поездка. В современном понимании экскурсия – это методически продуманный показ объектов и явлений в естественной или искусственно созданной обстановке, сопровождающийся рассказом о них.

Основные принципы школьной экскурсионной методики были впервые сформулированы Б.Е. Райковым и Г.Н. Бочем [13]. Педагогическое

значение экскурсий подчеркнул А.С. Пинкевич, который рассмотрел вопросы их организации и проведения в естествознании [3]. Н.Ф. Арепьев относил экскурсии к наглядному методу преподавания и указывал, что они получили признание «как наилучшее средство практического изучения географии» [1]. Экскурсии способствуют активному формированию знаний умений и навыков [16]. На важное значение экскурсий в преподавании географии указали Н.Г. Фомин [15], Э.М. Раковская, Н.Н. Родзевич [14]. Экскурсии могут выступать как средство формирование универсальных учебных действий [12]. Е.А. Беловолова рассматривает экскурсии как одну из форм реализации практической направленности в обучении географии в школе [2].

Важный вклад в разработку вопроса использования экскурсий в преподавании географии внес уроженец Чувашии, видный географ-методист, член-корреспондент АПН А.А. Половинкин (1887–1955). В одной из первых своих публикаций указывает на значение экскурсий в преподавании географии, которые «являются настолько ценным помощником по делу, что заменить их чем -либо другим прямо-таки не представляется возможным» так как «в географии изучение объектов в природной среде особенно незаменимо» [6, с. 2]. Природные объекты приковывают к себе внимание и интерес обучающихся, что наряду с эмоциональным окрасом обеспечивает успех экскурсии. Правильное понятие о том или ином географическом явлении у обучающихся может сложиться «только путем непосредственного ознакомления», что подтверждает незаменимость экскурсий [6, с. 8]. Наблюдения во время экскурсий раскрывают предметы с нового ракурса. Результаты экскурсий способствуют более качественному усвоению материала. Наглядность экскурсий способствует критическому восприятию информации, полученной из других источников. Экскурсия дает возможность расширить географические понятия и представления обучающихся, глубже познать родной край, решить непосредственные учебные задачи.

Следующая работа Александра Александровича представляет собой методическую разработку проведения экскурсий, основанную на личном опыте автора и предназначенную в помощь учителю для организации экскурсий в течение года [11].

В 20-е годы прошлого века А.А. Половинкин указывает на образовательное значение экскурсий и говорит о необходимости общей организации экскурсий на уровне уезда. С этой целью он предлагает в школах хранить краткое описание окрестностей, мест интересных для экскурсий, указание дорог, тропинок. В школах создаются экскурсионные пункты. На базе нескольких школ создается центральное экскурсионное бюро (экскурсионный пункт), которое связано с окрестными школами через наличие описания всех маршрутов входящих в объединение школ. Эти маршруты могут дать представление об особенностях данной местности. В свою очередь в одной из школ уездного города создается центральное экскурсионное бюро, связанное как с городскими школами, так и с сельскими экскурсионными центрами и предоставляющее имеющиеся материалы и экскурсовода. Более богатые материалы будут в губернском центре. Для решения поставленных задач необходимо подготовить учительскую массу [9, с. 97]. В это же время он предлагает введение обязательных плановых экскурсий [8].

Половинкин различает экскурсии учебные и экскурсии для сбора материала [10, с. 50].

Успешность проведения экскурсии зависит от подготовки учителя [7, с. 54], который должен разработать маршрут после внимательного изучения местности, выбрать наиболее характерные объекты, места их обозрения. Необходимо провести подготовительную работу с учениками, повторить необходимый материал. Так же необходима организационная подготовка, так как выход за пределы класса и особенно школы снижает уровень дисциплинированности [5, с. 195]. Виды работ учащихся во время экскурсий зависят главным образом от темы и места экскурсии, количества участников, отведенного времени и уровня подготовки учителя. Первый вид работ – показ объекта и рассказ учителя. Второй вид- элементарные самостоятельные наблюдения по заданиям учителя. Третий вид-решение простых географических задач под руководством преподавателя - определение приблизительного возраста озера или оврага, определение происхождения форм рельефа. Решение таких задач превращает ученика в исследователя [4, с. 5]. Для закрепления успеха необходима послеэкскурсионная обработка собранного материала – через кружковую работу и выставку. Кружок обрабатывает составленные зарисовки, схемы, строит планы, разрезы, которые становятся экспонатами выставки-коллекции, рисунки, карты, описания, которые сопровождаются докладами [5, с. 199]. Возможны также экскурсии в музей или научную организацию-метеорологическую или гидрологическую станцию.

Александр Александрович отмечал воспитательное значение экскурсий. Коллектив, выборные старшины, их взаимоотношения «все это воспитывает здоровое товарищество и общественность» [11, с. 135]. Зрительные и звуковые восприятия, запахи лугов, лесов, степей, моря... «Всё это вместе дает незабываемо прекрасные образы родной и с детства любимой природы» [4, с. 59]. Через любовь к родной природе воспитывается любовь к Родине.

Таким образом экскурсии способствуют правильному усвоению географических понятий и явлений, критическому восприятию действительности, формированию исследовательских компетенций, здорового коллективизма, любви к родной природе, патриотизма.

Список литературы

1. Арефьев Н.Ф. География в средней школе и школьные экскурсии: с проектом устава Общества организаций экскурсий / Н.Ф. Арефьев. – СПб., 1914. – 16 с.
2. Беловолова Е.А. Методика реализации практической направленности обучения географии в современной школе: монография / Е.А. Беловолова. – М.: Прометей, 2013. – 143 с.
3. Пинкевич А.П. Методика начального курса естествознания (природоведения). –4-е изд., пересмотр. – М.: Госиздат, 1922. – 327 с.
4. Половинкин А.А. География и родная природа. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953.
5. Половинкин А.А. Методика преподавания физической географии. – М.: Учпедгиз, 1953. – 350 с.
6. Половинкин А.А. О весенних экскурсиях по географии / А.А. Половинкин. – Казань: Центр. тип., 1914. – 8 с.
7. Половинкин А.А. О краеведческом материале к теме «Реки» // География в школе. – 1951. – №4. – С. 35–43.
8. Половинкин А.А. Очередные задачи школьной реформы // Вестник Просвещения». – 1922. – №2. – С. 113–114.

Историческая биографистика, биографика и биоисториография

9. Половинкин А.А. Природоведение в начальной школе и материалы для экскурсий: (заметки, размышления и беседы) / А. А. Половинкин. – Чита; Владивосток: Госкнига, 1923. – 248 с.
10. Половинкин А.А. Природоведение в школе (заметки, размышления и беседы) // Вестник просвещения. – 1921. – №5–7. – С. 25–63.
11. Половинкин А.А. Экскурсии в начальной школе: руководство для ведения экскурсий по природоведению / А.А.Половинкин. – Казань, 1917. – 144 с.
12. Пособие для учителя: формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли / под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Просвещение, 2010.
13. Райков Б.Е. Школьные экскурсии: их значение и организация / Б.Е. Райков, Г.Н. Боч. – 1910.
14. Раковская Э.М. Экскурсии по Москве и Подмосковью. Книга для учителя / Э.М. Раковская, Н.Н. Родзевич. – М.: Московский лицей, 2004.
15. Фомин Н.Г. Методика преподавания географии в средней общеобразовательной школе. – Тамбов, 2003.
16. Чернихова Е.Я. Учебные экскурсии по географии. – М.: Просвещение, 1980. – 112 с.

Шлемпа Олег Анатольевич
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ В РАБОТАХ А.А. ПОЛОВИНКИНА

***Аннотация:** статья посвящена рассмотрению вклада в развитие краеведения доктора географических наук, члена-корреспондент АПН А.А. Половинкина.*

***Ключевые слова:** краеведение, методика преподавания географии, краеведческий подход.*

Стратегия развития и воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. и ФГОС основного общего образования основной задачей определяют приоритетные направления в образовательной практике одним из которых выступает формирование патриотического воспитания. В качестве основной задачи в области воспитания детей выступает формирование высоконравственной личности, которая разделяет российские традиционные духовные ценности, обладает актуальными знаниями и умениями, готова к мирному созиданию и защите Родины. В свою очередь Концепция развития географического образования предполагает формирование любви к своему краю и своему Отечеству, уважения к своему народу, его культуре и духовным традициям; формирование патриотизма, социальной ответственности, экологической грамотности. Одним из наиболее действенных средств решения поставленных задач является краеведческая работа в школе. Краеведение, являясь одним из средств воспитания личности ученика, способствует формированию нравственного, эстетического, физического облика школьников, всестороннему развитию способностей учеников. В тоже время краеведческий подход обеспечивает

формирование экологической культуры, бережного отношения к родной земле, формирует умения и навыки рационального природопользования. Позволяет повысить мотивацию обучающихся и уровень компетентности в сфере географии родного края.

Согласно 5-язычному академическому словарю, краеведение, это «изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населенных пунктов, главным образом силами местного населения.» [5]

Термин «краеведение» пришел на смену ранее использовавшимся «отечествознание», «отечествоведение», «родиноведение» и впервые был введен в научный оборот в 1914 г. В. Я. Улановым [27]. Как отрасль знания оно получило развитие в начале XX века. Берг Л. С. видел в краеведении географию родного края [2]. А.С. Барков одним из первых научно разработал содержание, методы и организацию краеведческой работы. Он рассматривал краеведение как комплексную научную дисциплину, ведущую к всестороннему познанию края, а совпадающие предмет и методы изучения географии и краеведения позволяют рассматривать его как как «малое страноведение» [1].

К.Ф. Строев выделил такие формы организации краеведения как государственное, школьное и общественное, которые определяются его задачами. Школьное краеведение подразделяется на учебное краеведение, содержание и характер которого определяются учебной программой, и не-программное краеведение, задачи и содержание которого определяются планом воспитательной работы школы [26]. Различные формы изучения родного края позволяют сформировать у школьников самостоятельное творческое мышление как предпосылку творческого труда [28].

Методику организации форм учебной и внеклассной краеведческой работы в школе и в вузе, необходимость изучения малой родины, формирование географического мышления на примере родного края рассмотрели М.А. Никонова [7], Л.С. Косова и Л.П. Льготина [4], Г.В. Шмакова [30].

На основную роль краеведения в становлении экологической культуры личности как источника устойчивого развития общества указывает И.В. Никонорова и др. [8].

Значительный вклад в развитие краеведения внёс доктор географических наук, член-корреспондент АПН А.А. Половинкин (1887–1955). Александр Александрович родился 12.11.1887 г. в семье учителя начальных классов села Ичкисы, Алатырского района Чувашской Республики. В 1921 г. принимал участие в создании Государственного института народного образования (ГИНО) и работал в нем в качестве профессора и декана. Был одним из инициаторов создания Дальневосточного краевого научно-исследовательского института [6], где он руководил географическим отделением научно-педагогического общества. А.А. Половинкин – действительный член Центрального бюро краеведения. При его непосредственном участии была создана Сибирская советская энциклопедия – первая краевая энциклопедия. Его перу принадлежит 14 печатных листов текста, опубликованных в этой работе. В 1934 г. по приглашению Н.Н. Баранского принимает активное участие в создании журнала «География в школе», будучи членом редакционной коллегии и автором

многочисленных публикаций. В соавторстве с Барковым А.С. им был создан первый постоянный учебник по географии для 5 класса, выдержавший 19 переизданий в течение 1935–1955 гг. Его авторству принадлежат первые учебники по географии для вузов и учебники по методике преподавания географии в школе. Методика преподавания географии на всех уровнях в 1920–1960 г. г. тесно связана с его именем.

Как краевед А.А. Половинкин окончательно сформировался на Дальнем Востоке. Ю.В. Иванова называет А.А. Половинкина «профессиональным краеведом» [3]. Вопрос о краеведении был поднят им ещё в Иркутске, во время работы на учительских курсах, где Александр Александрович предложил программу начального естествознания и географии, построенную на краеведческом принципе, которая реализовалась на протяжении нескольких лет. В 1920 г. он публикует письмо «К созданию новой школы», целиком посвященное вопросам краеведения [10], в котором излагает программу изучения родного края. Злободневность поднятого вопроса была обусловлена недостаточной изученностью территории Сибири и Дальнего Востока, отсутствием доступной литературы, учебников и пособий по местному краю. По мнению А.А. Половинкина, построенные на природе средней полосы России учебники не отражают многообразия природы края. Описываются неведомые для ребенка объекты, а окружающие его остаются незатронутыми. Однако недостаток учебников в отдаленных регионах можно компенсировать написанием для школ своего краеведения. Ученый был убежден, что учитель должен хорошо изучить край, в котором живет и работает. Знать тот материал, которым придется оперировать учителю естествознания и географии, других предметов. Однако, из-за смены места работы педагогом теряется накопленная информация об окружающем мире, а составление краеведческой летописи учителем и учениками позволит решить проблему учебного материала при текучке кадров. Александр Александрович предлагает вести рукописную книгу под названием «Летопись» и предлагает план такой книги, охватывающий географическое положение населенного пункта, геологию, рельеф, климат, воды, этнографию и историю школы. Книга сопровождается рисунками, иллюстрирующими материальную культуру [10]. Автор был уверен, такая книга – «Летопись» – будет полезна не только для учителя и учеников, но и для исследователей еще слабо изученных восточных регионов нашей страны и будет иметь большое культурное значение. Она должна храниться в школе у ответственного учителя и всегда оставаться в школе. Предложение нашло отклик в среде заинтересованных учителей и вскоре последовала реакция – просили советов, писали о летописи. А.А. Половинкин вновь возвращается к этому вопросу в работе «Природоведение в школе» [24]. Публикует более подробный план летописи, значительно углубив и переработав покомпонентное описание природы, предлагая более подробный план по этнографии и истории школы. В работе [21] Половинкин снова обращается к школьной Летописи. Автор настаивает, чтобы органы школьного управления следили за проведением в жизнь этого начинания. И уже с весны 1922 г. такие летописи были рекомендованы министерством просвещения бывшей Дальневосточной республики для всех школ. Летом 1923 г. Александр

Александрович первые увидел в некоторых школах «летописи», о которых мечтал. Через 2 года, на учительских курсах, он уже увидел много копий летописей из деревенских школ, что убедило его в правильности выбранного подхода.

В 1926 г. выходит «Краеведение в школьной летописи» [11], которая представляет собой программу для сортирования краеведческого материала и составления географического описания своего края применительно к условиям Сибири и Дальнего Востока. Работа состоит из трёх частей. В первой, краеведческой части, дан исчерпывающий план описания своего края. С рекомендацией составлять детальные планы и карты села, края, выполнять зарисовки наиболее характерных мест, проводить сбор образцов горных пород, почв, растений. Должны фиксироваться приметы о погоде, способы борьбы с опасными явлениями (наводнения, овраги, гнус), раскрываться связи между компонентами природы, изменение компонентов природы - растительности, животного мира под воздействием человека, составляться планы жилищ, зарисовываться части дома со всеми характерными украшениями, записываться образцы народного творчества – фольклор. Летопись в первой части состоит из 114 пунктов, из них 43 пункта посвящены природе, 62 населению, хозяйству, обычаям, 9 истории. Вторая часть из 9 пунктов раскрывает историю школы, один из которых посвящен самой летописи и предлагает ответить на вопросы о значении летописи, её достоинствах и недостатках. В третьей части даны практические советы и инструкции по ведению школьной летописи, чтобы она не превратилась в дневник.

В последующем эти идеи получили развитие в докладе «Краеведение и школа» [1], в котором Половинкин указывает, что преподавание по новым планам может быть успешно реализовано лишь при условии хорошего знания своего родного края, что делает изучение здешних мест необходимым для каждого учителя. В связи с чем необходимо немедленно приступить к организации краеведческого дела при школах. Созданная школьная ячейка должна связаться с соседними ячейками и центральным краевым отделением, ведущим краеведческую работу. Собранный материал будет использоваться как для нужд преподавания, так и для всестороннего изучения края. В центре краеведческой работы должны стоять школа и учитель. Педагог составляет план для исследовательской краеведческой работы в деревне, который включает в себя изучение природы, истории населения, хозяйственной деятельности, проблемы и перспективы. Реализовать такие планы и программы должен подготовленный педагогическим техникумом учитель, который к концу обучения в учреждении должен стать подготовленным учителем-краеведом. Учителя должны поддерживать между собой связь для корректировки краеведческой работы. Таким образом школа, по мнению А.А. Половинкина, должна интегрировать местные культурные силы став центром изучения края.

Важной вехой на пути становления А.А. Половинкина как краеведа послужила работа «Что было на Чёrtовом Бугре», написанная им в 1922 г., во время работы в ГИНО, в которой в своеобразном творческом стиле были заложены основы педагогической археологии. Изложенные в увлекательной форме задачи археологической науки способствовали

пробуждению познавательной активности и влечению к новому, и содействовали развитию школьного археологического краеведения и ориентировали на сохранение и археологического и культурного наследия [29]. Краеведческий подход Половинкин считал одним из наиболее действенных в преподавании естественных наук. В 1922 г. в качестве основы построения курса природоведения он называет принцип родиноведения. «Родиноведение – наша основа» [23].

В дальнейшем А.А. Половинкин затрагивает вопросы краеведения только в работах по методике преподавания географии и в школьных учебниках с целью совершенствования преподавания предмета и в соответствующих программных документах.

В предисловии к третьему изданию [17] автор называет основной задачей пособия дать учителю возможность попытаться проработать предмет на местном, родном для учеников материале. В основу первого отдела было положено изучение географических объектов родного края и попутное знакомство с главнейшими географическими понятиями.

Александр Александрович был убежден, что правильная постановка географии в школе требует проведения принципов краеведения и применения экскурсий [15].

А.А. Половинкин дает определение краеведения «но в нашем деле, т. е. в школьной географии, слово «краеведение» употребляется в смысле география своего родного края.» [13, с. 81.]. И дальше конкретизирует его «Нам нужно изучать физическую географию родного края: нужно во-первых для того, чтобы знать и понимать окружающее, а во-вторых для того, чтобы через физическую географию своего края лучше понимать географию всякой любой страны и всего земного шара. Таким образом, в нашем случае мы берём только малую часть того, что вообще принято называть краеведением.» [13, с. 81.] Далее он раскрывает понятие «свой край». «Наибольшее значение для нас будет иметь тот географический материал, который мы можем видеть непосредственно. Но наряду с этим мы будем пользоваться тем географическим материалом, который нам может дать именно наш край или область как административная и в то же время географическая единица.» [13, с. 81.]

В средней школе краеведческий материал широко используется главным образом, в курсе общей географии. По мнению Половинкина, конкретный географический материал намного интереснее и приятнее, чем сухое книжное толкование. Некоторые разделы, например «Атмосфера» почти полностью могут быть разработаны на своем краеведческом материале. Тем самым география перестает быть оторванной от жизни. Использование метода сравнения даёт возможность применения краеведения при изучении удаленных регионов. При изучении географии нашей страны материалом будут служить: местные карты, местная краеведческая литература, краеведческий музей и др. При прохождении физической географии нашей страны возникает необходимость более подробного изучения своего края, республики или области как крупной физико-географической единицы. Как пишет Половинкин, для того, чтобы использовать краеведческий материал его нужно иметь. Необходимый для

преподавания географии краеведческий материал собрать может только преподаватель географии при помощи своих учеников [13].

Использование краеведения в преподавании географии требует решения двух задач 1) изучение географических условий своей местности 2) использование краеведческого материала в деле преподавания. Решение – изучение литературы по своему краю и составление собственной географической характеристики местности [14]. Изучение местности должно идти параллельно с использование добытого материала в деле преподавания. Такой путь Александр Александрович считает главным.

Опираясь на слабую методическую разработку вопросов использования краеведческого материала в средней школе, Половинкин пишет работу [9], в которой подробно остановился на тех вопросах, которые в существовавшей литературе были освещены менее детально. Упор был сделан на вопросы изучения природы родного края при прохождении курса общей физической географии. Приведены программы, планы изучения, методические указания для учителя о наблюдениях природы с учащимися. Рассмотрены обработка и использование собранных материалов, взаимосвязи между компонентами природы и их изменение под воздействием человека. Некоторые пути использования краеведческого материала в преподавании географии рассмотрены в работе [19], в которой подробно описаны мероприятия по изучению реки на протяжении года. По мнению автора, такие работы дают возможность сознательно подходить к изучению рек и дают глубокие практические знания.

Важное значение учёный придавал формам изучения родного края – экскурсиям, наблюдениям, школьным музеям и выставкам [21]. В первую очередь он уделял внимание не экскурсиям-прогулкам, а экскурсиям, пред следующим строго определённую цель, по заранее разработанным маршрутам с наиболее характерными объектами, с конкретным планом в течение 3–4 часов. И наиболее удобное время для подготовки таких экскурсий – лето [20]. Исследовательская краеведческая работа позволяет привлекать учащихся, чему особенно способствуют краеведческие и географические кружки. Кружковая работа позволяет проводить экскурсирования, сбор коллекций, литературного и картографического материала, составление географического описания местности.

Музеи должны дать простое и понятное отражение родной природы, в них не должно быть чуждых краю диковинок, экспонаты должны быть характерными [22]. В нем должны быть наборы коллекций, карт, картин и снимков. Школьный музей по природоведению и школьные выставки – это результат краеведческой работы. Исследователь поднимает вопрос о проведении обязательных плановых экскурсий, отчетных выставок и организации школьных музеев средствами и силами учащихся и учителей [21]. Школьные выставки, по мнению Половинкина, должны носить периодический характер и отражать результаты практических работ и экскурсий. Выставки дают возможность школе демонстрировать школе свои методы преподавания, помогают начинающим работникам, знакомят родителей и общественность с работой школы и её методами. Дети, готовя выставку, систематизируют материал, тем самым его повторяя, дают объяснения посетителям, что требует от них основательной подготовки. В то же время

исследователь предостерегает от чрезмерного увлечения выставками в ущерб нормальным занятиям, так как это может привести к нездоровому и вредному соперничеству, карьеризму, поисками похвал и т. д. Но всё-таки школьные выставки хороший «помощник» делу [23].

Наблюдение это «не просто созерцание, а целеустремлённое и осознанное восприятие, приводящее к размышлению и определённым выводам» [22]. Оно способствуют более глубокому запоминанию фактов и повышают интерес. Процесс наблюдения состоит из 3 периодов 1) начальный – цель накопление конкретного материала и приобретение конкретных навыков, 2) второй период – классная проработка раздела, 3) третий – период глубокого понимания наблюдаемых явлений и составление более точные описаний, накопления необходимого конкретного материала на будущее. В младшей школе целью наблюдений было развитие наблюдательности. В средней школе кроме формирования наблюдательности и навыков в наблюдениях, собирается определенный конкретный материал, необходимый для дальнейшей работы [16].

Ученый придавал важнейшее значение краеведческому подходу в формировании личности ученика. Многодневные наблюдения служат хорошим приемом воспитания настойчивости, ответственности и аккуратности [18]. Правильно организованная экскурсия воспитывает «здравое товарищество и общественность в противовес стадности» [25]. Автор уделил внимание эстетическому воспитанию при изучении природных условий своей местности, справедливо полагая, что в школьные годы детям и подросткам особенно легко привить умение видеть красоту в окружающей природе. Умело построенные экскурсии способствуют более глубокому пониманию географии и воспитанию любви к своей родине. «Незабываемо прекрасные образы родной и с детства любимой природы... А развитие любви к природе своей местности – это один из крупнейших элементов воспитания чувства любви к своей Родине.» [9].

Таким образом, в начале творческого пути А.А. Половинкин развивал комплексное краеведение – историческое, географическое, археологическое, этнографическое и др. Разработал организационную структуру краеведческого движения в виде взаимосвязанных школьных ячеек с краевым центром, в качестве основной движущей силы краеведения видел школу и подготовленного учителя-краеведа. С 30-х годов прошлого века сосредоточился на школьном географическом краеведении, в первую очередь физико-географическом и дал ему определение. Выделил 2 задачи в использовании краеведения в преподавании географии: 1) изучение географических условий своей местности; 2) использование краеведческого материала в деле преподавания. Наметил пути реализации краеведческого подхода в преподавании географии: 1) изучение родного края учениками под руководством учителя через краеведческую литературу, краеведческие музеи, экскурсии и походы; 2) использование полученной информации в преподавании географии; 3) внеклассные кружковые занятия из школьного краеведения и географические кружки; 4) создание школьных краеведческих музеев и выставок, показывающих результаты работы кружков. Обозначил способы реализации краеведческого подхода на уроке – через сравнение с удаленными объектами и изучение процессов и

явлений через местные. Подчеркнул воспитательное значение краеведения. Наиболее продуктивными формами краеведческой работы в школе считал экскурсии, наблюдения и школьные музеи.

Список литературы

1. Барков А.С. Вопросы методики и истории географии. – М.: Изд-во АПН. РСФСР, 1961. – С. 80.
2. Берг Л.С. Предмет и задачи краеведения // Как изучать свой край. – Л., 1925.
3. Иванова Ю.В. Из истории исследований Восточной Сибири. Размышления над одной книгой // Этнографическое обозрение. – 2000. – №3. – С. 154–158.
4. Косова Л.С. Краеведение: учебно-методическое пособие / Л.С. Косова, Л.П.Льготина. – Томск: Издательский дом Томского гос. университета, 2014. – 132 с.
5. Котляков В.М. География: понятия и термины: пятиязычный академический словарь: русский – английский – французский – испанский – немецкий / В.М. Котляков, А.И. Комарова. – М.: Наука, 2007. – 859 с.
6. Малышкина Л.С. Организация и деятельность краевого научно-исследовательского института (1929–1931 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-i-deyatelnost-dalnevostochnogo-kraevogo-nauchno-issledovatelskogo-instituta-1923–1931-gg>
7. Никонова М.А. Краеведение: учеб. пособие для высш. пед. учеб. заведений / М.А. Никонова. – М.: Академия, 2009. – 192 с.
8. Никонорова И.В. Эколого-географическое образование и краеведение: учеб. пособ. / И.В. Никонорова, Т.Ф. Сытина, А.В. Мулендеева [и др.]. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 132 с.
9. Половинкин А.А. География и родная природа. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953.
10. Половинкин А.А. К созданию новой школы. Журнал «Пролетарская культура» Иркутского органа отд. народ. образования 15 апреля |1920. – С. 8–10.
11. Половинкин А.А. Краеведение в школьной летописи: программа для собирания краевед. материала и сост. геогр. описания своего края применительно к условиям Дал. Востока и Сибири / А.А. Половинкин. – Владивосток: Книжное дело, 1926. – 98 с.
12. Половинкин А.А. Краеведение и школа. Тезисы к докладу // Краеведение в школьной летописи: программа для собирания краевед. материала и сост. геогр. описания своего края применит. к услов. Дал. Востока и Сибири / А.А. Половинкин. – Владивосток: Книжное дело, 1926. – 98 с.
13. Половинкин А.А. Методика преподавания физической географии. – М.: Учпедгиз, 1938. – 320 с.
14. Половинкин А.А. Методика преподавания физической географии. – М.: Учпедгиз, 1953. – 350 с.
15. Половинкин А.А. Методика географии: для учителей начальной школы / в соавторстве с В.А. Грузинской. – М., 1939.
16. Половинкин А.А. Наблюдения над погодой в V–VII классах. Лекция для учителей. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1955.
17. Половинкин А.А. Начальная география. Рабочая книга по географии для школ перв. ступени. – 3-е изд., значительно перераб. – Хабаровск–Владивосток: Книжное дело; 1-я типолитогр., 1928. – 196 с.
18. Половинкин А.А. О весенних экскурсиях по географии / А. Половинкин. – Казань: Центр. тип. 1914. – 8 с.
19. Половинкин А.А. О краеведческом материале к теме «Реки» // География в школе. – 1951. – №4. – С. 35–43.
20. Половинкин А.А. О летних работах учителя географии // География в школе. – 1935. – №3. – С. 53–56.
21. Половинкин А.А. Очередные задачи школьной реформы // Вестник Просвещения. – 1922. – №2. – С. 113–114.

Историческая биографистика, биографика и биоисториография

22. Половинкин А.А. Погода и климат в курсе географии 5 класса. – 1955.
23. Половинкин А.А. Природоведение в школе (заметки, размышления и беседы) // Вестник просвещения. – 1921. – №3–4. – С. 43–51.
24. Половинкин А.А. Природоведение в школе (заметки, размышления и беседы) продолжение и окончание // Вестник просвещения. – 1921. – №5–7. – С. 25–63.
25. Половинкин А.А. Экскурсии в начальной школе: руководство для ведения экскурсий по природоведению / А. Половинкин. – Казань, 1917. – 144 с.
26. Строев К.Ф. Краеведение. Учеб. пособие для студентов естеств.-геогр. фак. пед. институтов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1974
27. Уланов В.Я. Опыт методики истории в начальной школе / В.Я. Уланов. – М.: Изд. Сытина, 1914. – 283 с.
28. Хусаинов З.А. Краеведение. Учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и испр. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – 224 с.
29. Шлемпа О.А. А.А. Половинкин – у истоков школьной археологии // Современные тенденции развития системы образования (к 85-летию Чувашского республиканского института образования): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25 апр. 2019г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 216–218.
30. Шмакова Г.В. Краеведение: учеб. пособ. для среднего профессионального образования / Г.В. Шмакова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 116 с.

ИСТОРИЯ СУРСКОГО И КАЗАНСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕН ЗАБЫТЫХ ГЕРОЕВ ТЫЛА

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

«МЫ ВНЕСЛИ СВОЙ ВКЛАД В ДЕЛО ПОБЕДЫ»: ВОСПОМИНАНИЯ СТРОИТЕЛЕЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ В ЧУВАШИИ КАК ИСТОЧНИК УСТНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация: в статье анализируются воспоминания строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей, сооружавшихся в Чувашии с конца октября 1941 г. до конца января 1942 г для защиты от немецко-фашистских захватчиков. Рассматриваются особенности источников устной истории и методика интервьюирования ветеранов. В воспоминаниях сохранились судьбы конкретных людей, рассказы о реальных условиях строительства, быте и питании, о подвигах и трагедиях тружеников тыла. Это позволяет существенно дополнить данные документальных источников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сурский оборонительный рубеж, Казанский обвод, устная история.

2021 год в Чувашской Республике объявлен Годом, посвященным трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей. В период с конца октября 1941 г. до конца января 1942 г. на территории Чувашии был построен силами тружеников тыла оборонительный комплекс с линией противотанковых рвов, окопов, блиндажей и других сооружений общей протяженностью 380 км.

Долгие годы об этом грандиозном строительстве, если и упоминалось, то вскользь: «В конце 1941 – начале 1942 годов в 30–40-градусные морозы на земельных и строительных работах было занято от 85 до 110 тысяч колхозников» – упоминается в издании 1974 года [12, с. 332]. Архивные документы об этом событии были засекречены вплоть до последнего времени. По воспоминаниям Е.Г. Шумилова, руководителя поискового клуба «Алые маки», в апреле-мае 1985 года участники клуба совершили поход по местам оборонительных сооружений. Однако Е.Г. Шумилову отказали в публикации газетной статьи об этом под предлогом секретности темы. Однако постепенно гриф секретности был снят.

С 2010 года стали появляться публикации о Сурском рубеже. Особое значение имеет сборник архивных документов с символическим названием

«Под грифом «секретно» [12], а также обобщающая научная монография «Подвиг тружеников тыла» [2]. Здесь целый раздел посвящен обзору трудов о Сурском и Казанском рубежах архивистов, историков, краеведов, энтузиастов. Рассказывается о популяризации этого подвига в средствах массовой информации и в учебных заведениях ЧР [2, с. 122–135]. Следует отметить вклад в разработку этой темы О.В. Андреева, А.В. Ерлыгина, Д.А. Захарова, Е.В. Касимова, Ф.Н. Козлова, М.А. Широковой и др.

Источники по данной теме сохранились плохо и имеют, зачастую, директивный характер. Особенностью архивных документов, как правило, является их формализованный характер. Это различные постановления, распоряжения, приказы, инструкции, ведомости, списки передовиков и руководящих работников, участвующих в строительстве. Особого упоминания заслуживают спецсообщения НКВД о различных нарушениях [13, с. 248–249]. По этим архивным документам можно восстановить требования, которые предъявлялись местным властям по поводу количества мобилизованного населения, обеспечения их инвентарем и продовольствием, продолжительности рабочего дня и т. п. Однако отсутствуют реальные портреты героев тыла и подлинная картина тех нечеловеческих условий, в которых приходилось трудиться женщинам, подросткам, инвалидам и старикам.

Поэтому для восстановления реальной истории строительства оборонительных рубежей особое значение имеют источники устной истории: интервью и воспоминания. Часть воспоминаний была опубликована в 2015 г. Ф.Н. Козловым в сборнике «В тылу как на фронте». Кроме того, имеются и другие воспоминания участников строительства, опубликованные в газетах, размещенные на сайтах или вышедшие отдельными изданиями [1; 3; 4 и др.].

Летом 2020 года по инициативе Управления образования администрации г. Чебоксар учащиеся школ города провели опрос ветеранов и их родственников с целью записи воспоминаний о строительстве оборонительных сооружений в 1941–1942 г. 86 собранных материалов опубликованы в сборнике «Строители безмолвных рубежей» [14]. Часть собранных школьниками и студентами интервью ещё не опубликованы и были использованы нами в черновом оригинале. Следует отметить специфику проанализированных нами воспоминаний. Многие из них не могут быть признаны научными источниками и не являются исследовательскими интервью.

Исследовательское (историческое) интервью – это целенаправленное создание нового исторического источника исследователем-профессионалом, когда в ходе смоделированной интервьюером тщательно подготовленной беседы с респондентом записывается на аудио- и видео носителях информация о конкретных исторических событиях. В ходе предварительной работы респонденту даются заранее подготовленные вопросы, с целью настроить его на продуктивную беседу. В ходе проведения интервью всегда присутствует проблема памяти и забвения (вольного или невольного). Субъективные ощущения могут заслонять более значимые события, отношение к которым у респондента могли измениться за прошедшие десятилетия. Существует даже термин «произвол рассказчика».

Огромное воздействие на респондента может оказаться сам интервьюер, ориентируя респондента на те или иные интерпретации, задавая эмоциональный тон беседы. Таким образом, исследовательское интервью – это всегда диалог, в ходе которого создается, моделируется устно-исторический источник. При этом ученый выступает как бы соавтором текста. И это привносит в него много субъективных элементов, умаляет значение рассказа как исторического источника.

Особое значение имеет методика самого проведения интервью, в ходе которого задаются перекрестные вопросы, с целью уточнения и проверки информации. Мы разработали специальную анкету для опроса строителей рубежей, которая включает 12 вопросов обо всех сторонах жизни строителей. Также важно и транскрибирование (расшифровка) записи, в ходе которой надо отмечать реакцию респондента, паузы, особенности речи. Не рекомендуется подвергать текст интервью грамматическому, а тем более, литературному редактированию. К сожалению, все опубликованные интервью подвергались определенному редактированию, сокращению и несколько отличаются от черновых оригиналов. Поэтому в ряде случаев анализировались неопубликованные (черновые) варианты воспоминаний, сохранившие «непричесанные», но искренние свидетельства [5 и др.].

Еще одна особенность анализируемых нами воспоминаний состоит в том, что подавляющая их часть принадлежит не самим участникам строительства оборонительных рубежей, а их детям и даже внукам. Эти респонденты передают информацию, которую им рассказывали их родители. В данном случае этот источник оказывается ближе к фольклору, чем к исследовательскому интервью очевидца.

Однако, несмотря на все недостатки имеющихся в нашем распоряжении источников, они несут в себе уникальную информацию. Эта информация имеет не столько фактологическое значение, сколько позволяет понять эмоции, настроение, оценочные суждения ветеранов. С учётом субъективности источников личного происхождения, возможности неточного припомнения дат, имен, фактов эти свидетельства нуждаются в критическом анализе и сопоставлении с документальными источниками. Мы провели небольшой статистический анализ воспоминаний, опубликованных в сборнике «Строители безмолвных рубежей» [14]. Они не могут экстраполироваться на статистику всех участников строительства, но дают определенное приблизительное представление о географии и половозрастном составе участников. Наибольшее количество респондентов проживали в 1941 г. в Алатырском (22,4%), Янтиковском (15,5%), Порецком (12,1%) районах. Из числа респондентов – 93,1% женщины. По возрастному составу: 40,3% –респонденты, которым в 1941 году было 10–18 лет; 19,4% – дети в возрасте 10–14 лет. Эти данные можно объяснить тем, что многие люди старшего поколения уже умерли, а многие мужчины погибли на фронте.

Какие же сведения о строительстве Сурского и Казанского оборонительных рубежей можно почерпнуть из воспоминаний ветеранов? Интересные свидетельства содержатся о начале войны и о том, как проходил призыв на строительство. В первые месяцы войны на фронт отправились здоровые мужчины. В конце октября, когда было принято решение о строительстве оборонительных рубежей на новый, «строительный фронт»,

отправились женщины, подростки, и те мужчины, которые были непригодны к военной службе. М.М. Зотова вспоминала, что когда стали всех забирать на строительство окопов, «страшно тогда стало всем. Враг мог подойти прямо к дому» [14, с.82].

Мобилизация на строительство происходила по-разному. Упоминаются персональные повестки из военкомата [14, с. 8, 75]. «Отказ считался дезертирством и строго карался» [14, с. 8]. Списки призванных через военкоматы можно восстановить. Однако большая часть строителей их не получала. Много свидетельств о том, что колхозников просто вызывали в сельсовет и коллективно увозили на работы [14, с. 64]. А.П. Капитонова вспоминает: «В ноябре 1941 года всех работоспособных односельчан собирали в конторе и объяснили, что нам поручает Партия приступать к строительству оборонительного рубежа» [14, с. 90]. М.И. Перевалкин сообщает ещё об одном способе организации работ: «Всем взрослым колхозникам, в том числе, и моей матери, были розданы нормы вырыть по одному окопу, примерно размером 2 х 1 и 5 х 2,5. Бригадир Жирнов выезжал с колхозниками на место и на каждом участке забил колышки с указанием фамилий, кто должен был вырыть тот или иной участок» [9]. Исходя из этих свидетельств, можно сделать вывод, что восстановить полные списки участников строительства невозможно.

Так как полных списков участников строительства нет, сложно точно определить их половозрастной состав. Официально к работам привлекалось здоровое население в возрасте от 17 до 50 лет. Однако в воспоминаниях много свидетельств о том, что в стройке участвовали ребята 13 лет. Н.Г. Морозов вспоминает: «Два наших 9-х класса в октябре 1941 года отправили на спецстроительство в с. Янтиково <...> Ростом я был очень маленький. Всего 1,48 см. <...> Через месяц работ меня направили в штаб на курьерские работы» [5]. В.В. Мулenkовой на начало строительства исполнилось 13 лет: «Мобилизовали родителей и сестру, а я с ними сама ходила по своей воле, помогала» [14, с. 128]. К.В. Васильева (Шумилова) вспоминала, что «в действительности на рытье окопов забирали с 12 лет и заставляли работать наравне со взрослыми, а платили, как детям» [2, с. 64]. Е.Ф. Денисова сообщает: «в школе стали набирать добровольцев из учеников для работы». Так, в 15 лет она ушла на стройку, так как была «большая патриотка» [14, с. 56].

Также неизвестно, сколько мужчин и женщин принимали участие в строительстве. В разных источниках цифры колеблются от 70 до 90% женщин от общего количества строителей.

Работали женщины всех возрастов. В воспоминаниях неоднократно встречаются упоминания о призывае беременных женщин и матерей, имевших малолетних детей, хотя официально это не допускалось [14, с 34–36; 2, с. 56; 11]. З.Ф. Тихонова вспоминает: «Мать (П.Г. Карпова) не должны были отправлять на рытье противотанковых рвов, так как на тот момент она была беременна четвертым ребенком, на руках имела троих ребятишек». Однако «была необходимость в каждой человеческой силе», поэтому П.Г. Жарова вместе с детьми отправилась в д. Байгулово Козловского района. Одна из дочек тяжело заболела из-за морозов, а сама Пелагея не смогла из-за тяжести работ выносить ребенка. Позже П.Г. Жарова вспоминала: «Война унесла у меня двух мужчин: мужа и нарождённого

сына» [14, с. 78–79]. Е.А. Архипову призвали, хотя у неё был годовалый сын [14, с. 12]. М.Е. Егорова вспоминает, что у односельчанки умерла оставшаяся дома дочка 3-х лет. «Ей об этом с обозом сообщили. А хоронить её не отпустили. Ребенка хоронили дед с бабкой. Как всё это выдержали, не знаю» [2, с. 31].

В распределении видов работ можно проследить следующую тенденцию. В сооружении дзотов и дотов принимали участие военные строители, специалисты, иногда мужчины-колхозники. И.Р. Гришин вспоминает о строительстве пулеметных точек. «Стены, потолки сооружений были дубовые. Пулеметное окно смотрело в сторону деревни Карабаш» [14, с. 50]. Б.Е. Агеева вспоминает о строительстве блиндажей в лесу «в каждом блиндаже имелась скамейка, лестница для спуска в блиндаж и два окошка». После войны деревенские дети ходили к ним играть [1]. Мужчины также занимались рубкой леса, добывчей камня из оврагов. Интересно свидетельство И.Р. Гришина, что при рубке леса оставляли высокие пеньки «при мерно 1–1,5 м для того, чтобы танки не прошли» [14, с. 50]. Подростки обрубали сучья у поваленных деревьев, доставляли бревна на лошадях к месту строительства. Основная масса работниц трудилась на рытье окопов и противотанковых рвов. «Правый берег Суры срывали, делали его отвесным, крутым, чтобы танки не могли подняться на берег» [14, с. 90]. С этой целью копали «ров широкий, в три ряда работали, друг другу землю перекидывали наверх, на высокий берег» [5].

А. Лукин, которому в 1941 году исполнилось 12 лет, однажды попросил отца взять его на «окопы»: «Я увидел тогда страшную картину. При жутком морозе люди очищали снег, затем землю оттаивали кострами. Почва, как олово, мелкими кусками отрывалась под ломами и топорами». Он же вспоминает о строительстве противотанковых ловушек, в одну из которых по дороге «в Октябрьск за Аксарином», он провалился уже после войны, когда ехал на лошади ночью: «Еле оттуда выбрался» [7]. У.И. Карагина (Гаврилова) вспоминает: «окопы-траншеи должны были быть строго до двух метров глубиной (надо было рыть 1,5 м, а ещё 0,5 м на холме). У моей сестры Насытук рост был ровно 1,5 метра. По её росту мы проверяли глубину окопа. Она пробегала по окопу, если её головы не было видно, то считали, что глубина нормальная» [14, с. 94]. «Рабочих на строительство отправляли бригадами от колхозов вместе с лошадьми», – вспоминает П.Н. Ефимов. Лошадей очень берегли. От морозов у них шла кровь из носа. Чтобы помочь лошадям, люди впряженные в телегу. Петр Николаевич восклицает: «Сильные животные истощались, а вот люди – нет. Помогали сила духа и вера в победу!» [14, с. 68].

Зима 1941 года выдалась суровой, земля промерзла насквозь. «Днем разрешалось разводить костры, чтобы согреться, да и земля на месте костра подтаивала. Ночью костры и свет запрещались, потому что ими можно было привлечь внимание разведчиков» [9]. Л.М. Петрова (Юдина) вспоминает как в Ядринском районе, где она копала траншеи, над ними пролетал немецкий самолёт, фотографировал их. «Испугались, думали: будут бомбить, но обошлось» [10].

Очень тяжелыми были бытовые условия жизни строителей. По воспоминаниям можно выделить три группы. *Первая группа* – это колхозники, которые работали в непосредственной близости от родной деревни. Они

продолжали жить дома, на работу ходили пешком, иногда за 8–10 км. Зачастую в их домах располагались также мобилизованные из других районов. Вторая группа строителей приезжала на работу из дальних деревень. На жилье их определяли в домах местных жителей. Порою спать приходилось на полу, постелив вместо матраса солому. Еду для постоянцев готовили хозяева, хотя есть свидетельства, что иногда сами работники варили себе суп на костре в огороде за домом. Сохранилось немало сведений, что строители жили в бараках, специально построенных землянках и даже шалашах [14, с. 75]. Третью группу мобилизованных составляли учащиеся и студенты Чувашского пединститута, централизованно прибывшие на строительство. Есть известия, что их поселяли как в домах жителей, так и вместе в административных зданиях.

Согласно архивным документам, всем мобилизованным полагалось 80 грамм мяса и 100 грамм крупы в день, однако, согласно воспоминаниям, многие строители были вынуждены пытаться за свой счет. Р.В. Коцевникова воспоминает: «У кого дома была еда, то брали с собой, а если ничего не было взять, то брали только воду» [14, с. 108]. А.И. Баканова рассказывала: «За работу ничего не получали, нам ставили на бумаге палочку, вот и вся наша плата. На бригаду давали один большой каравай хлеба и по кусочку сахара» [14, с. 16]. О.И. Иванова (Григорьева) вспоминала, что в день им выдавали по одной буханке хлеба. Половину она съедала, а половину несла домой, где её ждали десять голодных братьев и сестер [14, с. 48].

По документам колхозы обязаны были доставлять еду своим мобилизованным колхозникам. Л.В. Владимира рассказывает, как из колхоза на стройку прислали два бидона молока и изготовленные мамами и бабушками шерстяные чулки для близких. Она всю жизнь вспоминала эти чулки, которые в мороз спасли ей жизнь [14, с. 33]. Но иногда еду не привозили по несколько дней, и люди голодали. Е.З. Григорьева вспоминает: «Еды привозили мало. Порой довольствовались одной картофелиной и куском зачарствевшего хлеба. Мерзли руки и ноги. С высокой температурой, кашлем приходилось рыть окопы» [14, с. 46].

Лучше обеспечивались студенты. В.Д. Дмитриев вспоминает о хорошей организации питания: «Каждому выдавали 800 г. хлеба. На завтрак и ужин мы получали суп, часто мясной, из общего котла, также в котлах варили картофель». Он пишет: «Хозяйственная часть раздала всем работающим онучи, изготовленные из шерстяных одеял института. Лапти оказались самой лучшей обувью на земляных работах при жестоком морозе» [4, с. 18]. Другие ветераны также вспоминают, что их кормили прямо в поле гороховым супом [6], кашей [14, с. 83], а некоторые даже удивлялись, что впервые ели так много мяса. П.Н. Ефимов рассказывал: «Дисциплина была строгая, домой никого не отпускали. Хорошо хоть, что питание было такое, что дома не видели: мясо ели вдоволь. Мясом работников снабжали колхозы. Раз в неделю приезжал продуктовый обоз на быках» [14, с. 69].

Существовали большие проблемы с теплой одеждой и обувью, с гигиеной. «После тяжелой работы в бараках негде было сушить мокрую одежду, а теплой не было совсем. Очень большие неудобства доставлял

педикулез. Заражались им очень быстро, но выводить паразитов было негде и нечем», – вспоминает К.М. Горшкова [14, с. 40].

В воспоминаниях ветеранов есть упоминание и о других группах участников строительства. Несколько раз встречаются свидетельства о работе военнопленных [14, с. 9, 134]. А.П. Капитончева вспоминает: «На работе нас не кормили, еду давали только тем, кто был под охраной. Но кто были эти люди, мы не знали. Одни говорили, что это пленные, другие – осужденные» [14, с. 90–91]. Д.А. Белова рассказывает: «Заключенные работали около Ядрина, дамбу делали. И дезертиры были в деревне. Их в штрафную часть отправляли. На конной ферме дезертиров держали. Однажды женщины четвертой бригады ближе к Суре перестали работать. Говорили: «Верните наших мужей! Мы и будем работать». Этую бригаду потом разбросали по другим бригадам» [14, с. 18–19].

Однако в основной массе строители были настроены героически. Они стремились помогать друг другу. На работе действовал бригадный подряд. Норма выработки была на всю бригаду, поэтому старались трудиться вместе, поддерживать отстающих, организовывались соцсоревнование. Даже когда не было организовано коллективное питание, люди делились друг с другом принесенными продуктами. Следили, чтобы не было обморожений (со стороны лучше видны побелевшие щеки). Во время перерывов пели и танцевали вокруг костров, чтобы и настроение поднять и согреваться. А.К. Крынецкая вспоминает: «Делили хлеб между всеми. А после особо тяжелых дней устраивали отдых с песнями и танцами. Это всё проводилось для поднятия духа людей, чтобы не думали о холодах, голоде» [14, с. 110].

Практически в каждом втором воспоминании есть свидетельства о погибших: чаще всего люди умирали от обморожений, проваливались под лед на Суре, смертельно простужались, попадали под земляные обвалы при рытье траншей. Е.З. Григорьева сетует: «Не все вернулись со стройки того рубежа, там и похоронили. Много сил и здоровья отдали строители Сурского рубежа, но никто не думал об этом. Думали о том, как победить врага» [14, с. 46].

Е.П. Вахатова (Бочкарёва) рассказывала своему внуку: «Тяжело было и страшно, что скоро могут фашисты прийти, поэтому работали, пока могли на ногах стоять. Было как на фронте, только пули над нами не летали» [14, с. 26]. А.И. Исакова вспоминает: «Вскоре мы узнали о победе наших войск под Москвой. Работать стало веселее <...>. Таким образом, и мы, семнадцатилетние, внесли свой вклад в дело победы» [2, с. 57].

В воспоминаниях сохранились судьбы конкретных людей, которые участвовали в строительстве Сурского и Казанского оборонительных рубежей, рассказы об их подвигах и трагедиях, о стремлении к победе. Таким образом, анализ воспоминаний позволяет не только увидеть те условия, в которых проходило это строительство, но и понять мысли и чаяния людей, которые приближали День Победы как могли.

Список литературы

1. Алюшина Анна Сергеевна // Сурский и Казанский оборонительные рубежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://сурскийрубеж.рф/portfolio/алюшина-анна-сергееvna/> (дата обращения: 01.03.2021).

2. Андреев О.В. Подвиг тружеников тыла: строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей / О.В. Андреев, Е.В. Касимов, Ф.Н. Козлов [и др.]. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. – 156 с.
3. Данилова А.П. Рядовой Гвардейского полка. – Чебоксары: Новое время, 2010. – 136 с.
4. Дмитриев В.Д. В годы Великой Отечественной войны и послевоенной службы в армии: воспоминания. – Чебоксары, 2000. – 160 с.
5. Интервью с Бухаленковым Геннадием Степановичем // Полевые исследования.
6. Интервью с Исаевым Геннадием Ильичем // Полевые исследования.
7. Интервью с Лукиным Арсентием // Полевые исследования.
8. Интервью с Морозовым Нилом Гавриловичем // Полевые исследования.
9. Интервью с Перевалкиным М.И // Полевые исследования.
10. Интервью с Петровой (Юдиной) Людмилой Михайловной // Полевые исследования.
11. Интервью с Проныкиной Валентиной Ивановной // Полевые исследования.
12. Очерки истории Чувашской областной организации КПСС/ под ред. И.П. Прокопьева [и др.]. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1974. – 628 с.
13. Под грифом «секретно»: неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сборник документов / сост. Д.А. Захаров, Е.В. Касимов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 556 с.
14. Строители безмолвных рубежей: сборник воспоминаний участников строительства Сурского и Казанского оборонительных рубежей на территории Чувашии в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. Д.А. Захаров. – Чебоксары: Новое время, 2021. – 208 с.

Краснова Марина Петровна

канд. пед. наук, доцент

Ткаченко Владимир Глебович

канд. ист. наук, доцент

Никитина Елена Алексеевна

магистр, специалист по учебно-методической работе

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

(ОТРАЖЕНИЕ БЕЛЛИГЕРАТИВНЫХ ЛАНДШАФТОВ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОГО ОБВОДА СУРСКО- КАЗАНСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА)

Аннотация: в статье рассматриваются объекты беллигеративного ландшафта Чувашии. Авторами описано использование косвенных объектов военных действий в развитии туризма.

Ключевые слова: ландшафты, военная деятельность, историко-географические экспедиции, Сурско-Казанский рубеж.

О воздействии военных действий на природу говорилось и писалось немало. При этом основной акцент делался на разрушении окружающей среды с использованием средств поражения противника, уничтожении природных объектов с целью лишить противника укрытий, перемещении значительных масс людей и техники, а также другие факторы, негативно

влиявшие в целом на ландшафты, на рельеф, водоемы, почву, растительность.

Однако антропогенное воздействие на окружающую среду, вызванное необходимостью возведения оборонительных сооружений – тема относительно новая, и учеными Чувашии пока еще только поднимаемая [1–3]. Особенность ситуации заключается также и в том, что многие из перечисленных факторов по счастью отсутствовали на территории Чувашской Республики, куда военные действия не дошли. В то же время масштаб реализованных фортификационных работ был значительным. Увековечение подвига тружеников тыла, в кратчайшие сроки обеспечивших их проведение, впервые ставит вопрос не о нивелировании последствий антропогенного воздействия, а о сохранении следов этого воздействия. Цель такого подхода – не только в сохранении памяти о событиях прошлого, но и в развитии военно-патриотических туристических маршрутов, актуальность которых как никогда важна.

Историографическая традиция изучения Сурско-Казанского рубежа на участке Чувашской Республики еще очень молода [4; 5]. Ее причина – не в отсутствии интереса ученых к данной проблематике, а засекреченность архивных материалов, долгое время остававшихся недоступными широкому кругу исследователей.

В последние годы ситуация в этом отношении сильно изменилась. Планомерное рассекречивание документов, проводимое архивными учреждениями Чувашии, а также объявление в Чувашской Республике 2021 года Годом, посвященным трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей [9; 10], возможность получения свободного доступа к рассекреченным материалам через интернет-ресурсы [8] открыло новые возможности многоаспектного изучения этой большой и разноплановой темы. Настоящая статья – одна из граней вполне назревшего комплексного и масштабного исследования.

Беллигративные ландшафты образуют особый тип территориальных комплексов, обязанные своим возникновением военной деятельности. Они представляют особую группу техногенных ландшафтов тем, что могут размещаться вне зависимости от природных условий [6]. Ландшафты антропогенного воздействия наиболее полно представлены на Бородинском поле, Куликово поле, Курской битвы, Сталинградской битвы и мн. др. (как пример, рис. 1).

Рис. 1. Участок Царицынского вала в районе трассы «Каспий», Волгоградская область. Фото с сайта geocaching.su

Рис. 2. Сохранившийся противотанковый ров с высоты 50 м, Мариинско-Посадский район Чувашии. Август 2020 г.

Сохранные Сурский и Казанский оборонительные рубежи являются косвенно беллигеративными комплексами. Военно-технические сооружения в виде противотанковых рвов, земельных валов образуются в результате опосредованного воздействия военного фактора- (остатки ДЗОТов, пулеметных гнезд, землянок и т. д.). При создании оборонительных рубежей были нарушены структуры поверхностного слоя почвы, нарушен рельеф ландшафта (рис. 2).

С 2015 года под началом руководителя экспедиционного отряда Чувашского республиканского отделения РГО Д.В. Алексеева преподаватели и студенты историко-географического факультета стали изучать беллигеративные ландшафты Казанского обвода, Сурского оборонительного рубежа (рис. 3, 4) [2; 12; 14; 15].

Рис. 3. Председатель Молодежного клуба ЧРО РГО Е.А. Никитина записывает углы сохраненных откосов рва в окрестности Истереккасы Октябрьского с/п Мариинско-Посадского района ЧР, Май 2015 г.

Рис. 4. Руководитель экспедиционного отряда ЧРО РГО Д.В. Алексеев демонстрирует следы от ДЗОТа (май 2015г. близ д. Тенеево Янтиковского района ЧР)

Целью и задачами экспедиций стали физико-географическое, историко-культурное исследование маршрутов Сурско-Казанского рубежей. В ходе походов изыскатели рассматривали современное состояние военных сооружений на Сурском и Казанском рубежах, отслеживали геоэкологическую обстановку маршрутов, встречались с теми, кто строил оборонительные линии.

Рис. 5. Участники экспедиции сплава на байдарках по реке Сура.
На одном из перевалочных пунктов маршрута г. Шумерля –
Ильина гора Ядринского района (07.06.2016)

Рис. 6. Участники поисковой экспедиции на маршруте
д. Кужмары – д. 2-ые Чекуры – д. Сатышево – с. Кугеево
Мариинско-Посадского района – с. Н. Байгулово Козловского района.
Путь по противотанковым откосам вдоль реки Аниш (5–8 мая 2017 г.)

Экспедиции проходили под эгидой Чувашского республиканского отделения РГО (рис. 5, 6). Маршруты и результаты экспедиций раскрыты на сайтах ЧРОРГО, YouTube, ГТРК Чувашия [12; 14; 15].

Первые географические обзоры изученных ландшафтов легли в основу составления картосхемы (рис. 7).

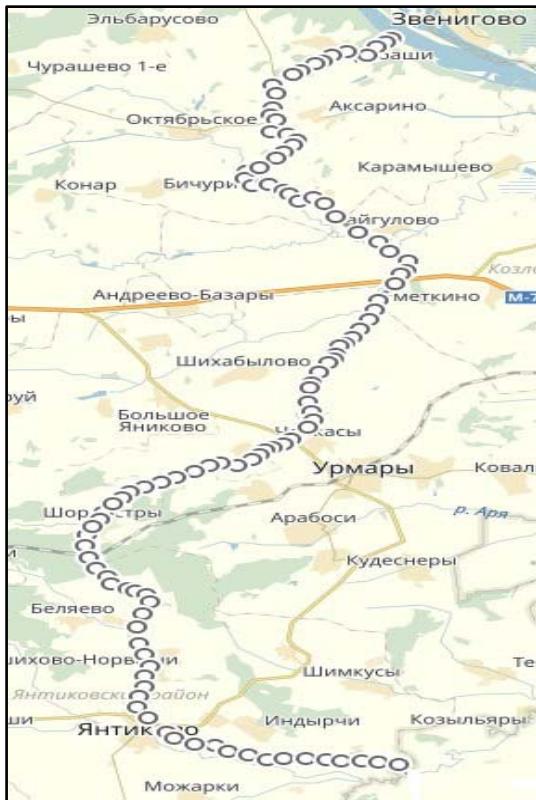

Рис. 7. Картосхема маршрута историко-географической экспедиции
5–8 мая 2017 года (составитель Е.А. Никитина)

За 80 лет ввиду сельскохозяйственной обработки земель противотанковые рвы Казанского обвода в основном рекультивированы, распаханы. На территории Чувашской Республики косвенно беллигеративные комплексы сохранились на 30–35%. На равнинно-холмистой местности вполне отчетливо сохранились засечные линии на пологих водоразделах с заглублением в 2,5 метра, шириной и длиной в 3 × 5 метров, имеют вид вполне сформировавшихся лесостепных комплексов (рис. 8, 9).

Рис. 8. Местные жители с. Покровское Мариинско-Посадского района в окрестности Мухаметпильхарче заинтересованы в восстановлении одного из ДЗОТов (май 2018 г.)

Рис. 9. Сохраненный противотанковый ров (май 2018 г.)

Одной из таких засек является противотанковый ров длиной 780 метров в окрестности д. Истереккасы Мариинско-Посадского района Чувашии (рис. 9). Среди распаханных полей ров сохранен лишь потому, что расположен на склоне водораздела безымянного ручья окрестностей Шопки и Истереккасы. Сохраненный ров с естественным травостоем, не сильно контрастирует с окружающим пейзажем.

Бывшие землянки и ДЗОТы в виде холма правильной формы приурочены к лесным массивам, они разрослись древесно-кустарниковой растительностью (рис. 8).

В весенний период воронки ДЗОТов и пулеметных гнезд, рвов заполняются осадковой (снеговой) водой (рис. 9, 10). Наблюдая растительный покров при сравнении, обнаружили, что разнообразие растений внутри окопов, пулеметных гнезд, ДЗОТов скучное, но травостой более мощный по высоте и густоте, чем на участке неподалеку от нее (рис. 11).

Рис. 10. Пулетное гнездо сохранилось на холме Кечкейсарче в окрестности Карабашского с/п Мариинско-Посадского района

Рис. 11. Сохраненный контэрскрп длиной 9 м (урочище Кечкейсарче, правый склон реки Кара, Мариинско-Посадский район)

В беллигеративном ландшафте естественной противотанковой преградой являлись реки. Вдоль правых берегов рек Кара, Аниш, Б. Аниш, Ср. Аниш, М. Аниш, Шутнер, Аль валы протягиваются как пологие речные террасы (рис. 6, 9, 11).

2021 год в Чувашской Республике объявлен годом, посвященный трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей. В республике запланированные мероприятия направлены на сохранение исторической памяти, культурно-нравственных ценностей и патриотического воспитания подрастающего поколения [9; 10; 13].

У подрастающего поколения в местном ландшафте живой интерес вызывают заметные и полузаметные рвы, углубления, откосы, приуроченные к оборонительным рубежам, протянувшихся по территориям республик Марий Эл, Чувашии, Татарстана, Пензенской области и т. д. с севера на юг на сотни километров.

Под руководством научных сотрудников ЧувГУ, при поддержке землячества «Сентер Ен» С.В. Мастьянова, учеными университета и работниками НПП «ВЕРШИНА» выполнялись геодезические измерения – одного ДЗОТа, одного контрескарпа, ряда пулеметных гнезд (пяти) с применением в качестве опорных точек мгновенных положений искусственных спутников Земли (рис. 12, 13) [2].

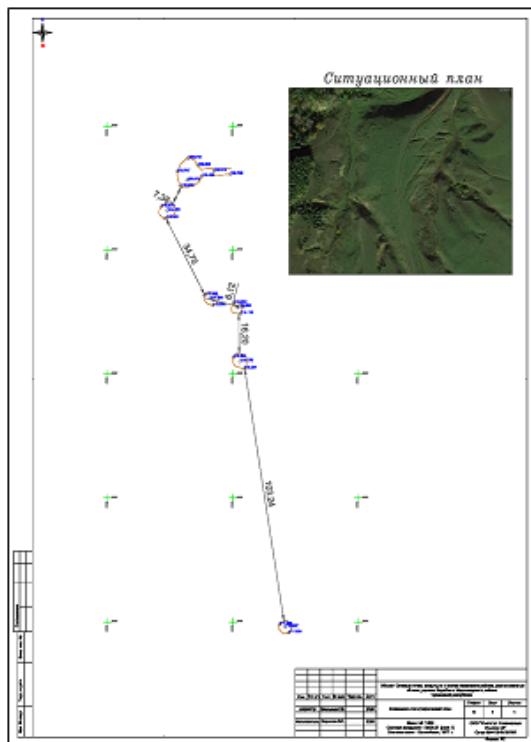

Рис. 12. Геолокация косвенных беллигеративных комплексов Казанского обвода-Карабашского с/п Мариинско-Посадского района НПП «ВЕРШИНА» (июль 2020 г.).

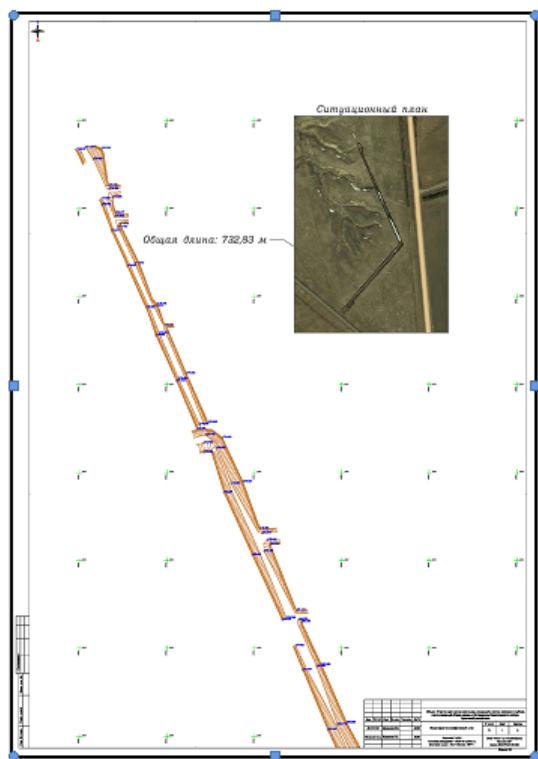

Рис. 13. Участок Казанского обвода. НПП «ВЕРШИНА» (июль 2020 г.)

Возникают сложности поиска, использования и охраны беллигеративных ландшафтов. Русское географическое общество (РГО), Русское историческое общество (РИО) заинтересованы в создании цифровых историко-географических карт, отражающих развитие России в разные эпохи [7; 11; 12].

Военные, социально-культурные события в информационно-цифровом пространстве позволяют делать историческую географию более наглядной, доступной и интерактивной. Исследования способствуют патриотическому воспитанию подрастающего поколения, развитию культурно-нравственных ценностей личности [2].

Объекты беллигеративного ландшафта можно использовать в разных видах туризма, чаще всего в экскурсионно-познавательном военном туризме. В пределах Казанского обвода Сурско-Казанского рубежа, разработано военно-экскурсионное направление, где описаны и целево использованы экскурсионные объекты косвенно беллигеративных ландшафтов (рис. 14).

Рис. 14. Проект военно-патриотического лагеря «Тропа памяти»
(автор М.П. Вищневская, 2021 г.)

Список литературы

- Слайды к лекции «История Чувашии»

 1. Андреев О.В. Подвиг тружеников Чувашии: строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей / О.В. Андреев, Е.В. Касимов, Ф.Н. Козлов [и др.]. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. – 155 с.
 2. Вишневская М.П. Беллигеративные комплексы Казанского обвода Казанско-Сурского рубежа / М.П. Вишневская, В.Н. Ильин, С.В. Мастьянов [и др.] // Науки о Земле: от теории к практике (Арчиковские чтения – 2020). Матер. Всероссийской НПК с международным участием, посвященной 175-летию Русского географического общества и 95-летию со дня рождения д-ра геогр. наук, проф. Е.И. Арчикова. ЧГУ им. И.Н. Ульянова; Чувашское республиканское отделение ВОО «Русское географическое общество». – Чебоксары, 2020. – С. 451–458 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44128872> (дата обращения: 04.05.2021).
 3. Захаров Д.А. Под грифом «Секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой отечественной войны: монография / Чувашский государственный институт гуманитарных наук / Д.А. Захаров, Е.В. Касимов. – Чебоксары, 2016. – 556 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42608054> (дата обращения: 04.05.2021).
 4. Земсков В.Н. Народный подвиг на строительстве оборонительных рубежей в 1941–1943 годах // Политическое просвещение. – 2014. – №3 (80) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=3433&journal=163> (дата обращения 04.05.2021).
 5. Ерлыгин А.В. Сурский и Казанский оборонительные рубежи. – Чебоксары: Новое время, 2021. – 27 с.
 6. Мильков Ф.Н. Терминологический словарь по физической географии / Ф.Н. Мильков, А.В. Бережной, В.Б. Михно. – М., 1993. – 288 с.

7. Сытина Т.Ф. Научно-образовательный потенциал учебного полигона «Географическая станция Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова» для выполнения исследовательских работ учащихся и студентов / Т.Ф. Сытина, И.В. Никонорова, М.П. Краснова (Вишневская) // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №3. – С. 286 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23703714> (дата обращения 04.05.2021).
8. Трудовой подвиг в тылу (о строительстве Сурского и Казанского оборонительных рубежей) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://giachr.kaisa.ru/giachr/text/36452859#_edn1 (дата обращения 04.05.2021).
9. Чувашская Республика. Об объявлении в Чувашской Республике 2021 года Годом, посвященным трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей : Главы Чувашской Республики от 9 мая 2020 года №134 // Портал органов власти Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cap.ru/action/zakonodatelstvo/2020/05/09/decreet-134> (дата обращения 04.05.2021).
10. 2021 год в Чувашии объявлен годом трудового подвига строителей Казанского и Сурского оборонительных рубежей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rgo.ru/ru/article/2021-god-v-chuvashii-obyavlen-godom-trudovogo-podviga-stroiteley-kazanskogo-i-surskogo> (дата обращения 04.05.2021).
11. Сайт Русского исторического общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://historyrussia.org/portal/istoricheskaya-geografiya.html> (дата обращения: 04.05.2021).
12. Сайт Чувашского республиканского отделения РГО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chuvashiya.rgo.ru/> (дата обращения: 04.05.2021).
13. Сайт Сурско-Казанского рубежа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://surskiyrubеж.rph> (дата обращения: 04.05.2021).
14. Сурский оборонительный рубеж. Сюжет ГТРК «Чувашия» 07.06.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=kZPHbc1VQM0> (дата обращения: 04.05.2021).
15. Экспедиция «Казанский рубеж» 28.05.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=jvr6aSyzHz4> (дата обращения: 04.05.2021).

Лаптева Елена Леонидовна
канд. ист. наук, доцент
АНО ВО «Московский информационно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт»
г. Москва

Муравьева Ирина Владимировна
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Плотникова Елена Владимировна
соискатель, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНОГО АРХИВА ЧУВАШСКОГО ОБКОМА ВКП(Б) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье освещены вопросы кадрового состава, условия работы сотрудников и основные направления работы Партийного архива Чувашского обкома ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Партийный архив Чувашского обкома ВКП (б), Великая Отечественная война, архив, кадровый состав, архивные документы, сохранность архивных фондов.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла свои корректизы в работу архивных учреждений. Основным программным документом явилась директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям, в которой говорилось о необходимости быстро и решительно перестроить всю работу на военный лад.

С первых дней войны Партийный архив Чувашского обкома ВКП(б) (далее – партархив) стал перестраивать работу применительно к военным условиям. Вопрос об эвакуации партархива не поднимался, но, тем не менее, архивисты столкнулись со многими проблемами.

По состоянию на 1 июня 1941 г. штат партархива сократился и состоял из 4 сотрудников: заведующего, научного сотрудника и двух архивно-технических работников [1]. По состоянию на 1 января 1944 г. в партархиве работало уже 3 сотрудника. Необходимо отметить, что условия, в которых приходилось работать архивистам, с течением времени, лишь ухудшались. В отчете о работе партархива за 1941–1944 гг. отмечалось: «Работаем в холодном, сыром, полуподвальном помещении. На отопительный сезон 1943–1944 гг. на 3 печки дров получили 8 куб. м. Выкупленные дрова вывезены финхозсектором обкома для своих сотрудников. Научная сотрудница архива продовольственными карточками пользуется по III категории, а услугами столовой – наравне с техническими секретарями

отделов и уборщицами обкома. Понятно, что больше разговоров об уходе с работы, чем о работе партархива» [2].

Начало Великой Отечественной войны поставило перед партархивом основную задачу – проведение соответствующих мероприятий по организации охраны сконцентрированных архивных документов, находящихся в архиве, их научно-техническая обработка и хранение. При этом надо заметить, что много внимания уделялось обеспечению физической сохранности документов не только в партархиве, сколько непосредственно у фондообразователей на местах.

С учетом военного времени в партархиве был проведен ряд мероприятий, направленных на улучшение обеспечения сохранности документов: все сотрудники партархива прошли обучение в кружках по противовоздушной и противохимической обороне, принят на работу охранник, приобретены необходимые вещи и материалы по противовоздушной обороне, а также дополнительно, к уже имевшемуся, противопожарный инвентарь [3].

Большое внимание было уделено сохранности документов, остающихся в районных архивах республики. Для этого в районы были командированы сотрудники партархива, которые должны были привести документы в порядок и организовать их передачу в партархив.

Особого внимания заслуживали архивы, где плохо обстояло дело с обеспечением сохранности документов (в Вурнарском, Калининском, Канашском, Комсомольском, Кувакинском, Марпосадском, Порецком, Урмарском райкомах партии, Чебоксарском горкоме партии). Так, в июле 1941 г. были обследованы Урмарский, Кувакинский, Порецкий и Шумерлинский райкомы ВКП(б). Проверкой было установлено, что архивные фонды в райкомах партии хранятся в деревянных шкафах, а секретные документы – в несгораемых сундуках. Райкомам партии рекомендовалось улучшить противопожарное состояние помещений, где хранились документы [4].

Сотрудники партархива постоянно оказывали помощь в подготовке документов к сдаче в партархив. Так, в 1943 г. была оказана помощь 4 райкомам партии и комсомола в приведении в порядок документов и сдачи их в партархив, в 1944 г. – 5 [5].

Помощь в подготовке документов к сдаче в партархив оказывалась также и первичным организациям. Например, за июль-декабрь 1941 г. оказана помощь 39 первичным партийным и 28 первичным комсомольским организациям [6].

В период с июля 1941 г. по декабрь 1943 г. на хранение в партархив было принято 16490 дел. Это документы обкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, Чебоксарского горкома ВКП(б) и ВЛКСМ, Аликовского, Ишлейского, Канашского, Красночетайского, Урмарского райкомов партии, а также ряда первичных организаций г. Чебоксары. В 1945 г. документы от партийных и комсомольских организаций в партархив поступили по 1942 г. включительно [7].

Трудности военного времени отразились на приеме документов. Хотя в партархив продолжали поступать документы, но их объем значительно уменьшился. Так, в 1944 г. в партархив было принято только 917 дел [8]. Это было связано с тем, что в сложившихся условиях не хватало сотрудников, осуществляющих подготовку документов для передачи на постоянное

хранение в партархив. Кроме того, оставались нерешенными проблемы с помещением. Свободной площади для размещения документов, поступающих от партийных и комсомольских организаций, у партархива не было. В связи со сложившейся ситуацией было принято решение о переоборудовании двух рабочих комнат партархива под архивохранилище. Таким образом, в 1945 г. под архивохранилище партархива было уже занято семь комнат, пять из которых были оборудованы двенадцатью двусторонними стеллажами длиной от 4,5 м до 5,5 м каждый.

В годы Великой Отечественной войны партархив продолжал заниматься наведением справок. Однако количество выдаваемых справок сократилось, что также было связано с тяжелым военным положением в стране. В 1944 г. выдано 185 справок, в 1945 г. – 116 простых и 6 научных справок. Научные справки составлялись для Чувашского обкома ВКП(б), Чувашского обкома ВЛКСМ, Верховного Совета Чувашской АССР, Чувашского научно-исследовательского института языка, культуры и истории (далее НИИ), редакций чувашских республиканских газет и др. [9].

В 1941–1945 гг. партархив продолжал заниматься выявлением документов. Так, в 1942 г. для сборника архивных документов по истории чувашского народа было выявлено 200 документов за 1917–1923 гг. [10].

Рассматривая публикаторскую деятельность партархива, следует отметить, что в 1943–1944 гг. готовилась к изданию научно-популярная брошюра «Участие чувашского народа в гражданской войне (1918–1920 гг.)».

В годы войны партархив, по мере возможности, оказывал шефскую помощь. Об этом свидетельствует письмо командования эвакогоспиталя №3057 Наркомата здравоохранения Чувашской АССР (располагался по ул. Канацкая, дом №27) от 26 мая 1942 г., в котором содержится обращение к партархиву, как к шефской организации «оказать материальную помощь в осуществлении мероприятий химзащиты в отношении раненых, а также других мероприятий: оборудовании военного городка, сцены и скамеек в саду для выступления самодеятельности, артистов и др.» [11].

В целом условия работы сотрудников Партийного архива Чувашского обкома ВКП (б) в период Великой Отечественной войны были очень тяжелыми. Это нередко приводило к невыполнению плановых показателей. Но, несмотря на трудности военного времени, партархив продолжал свою работу по основным направлениям своей деятельности.

Список литературы

1. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.
2. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 43. Л. 20б.
3. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
4. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.
5. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 3.
6. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
7. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 46. Л. 21.
8. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 3
9. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 43. Л. 2, 3; Д. 46. Л. 21.
10. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.
11. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

Федулов Михаил Игоревич

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**И.А. ФЕДУЛОВ – ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР
ШУМЕРЛИНСКОГО УЧАСТКА ВПС-2
СУРСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА**

Аннотация: жизненный путь И.А. Федулова был тесно связан с историей возникновения и развития г. Шумерля. Трудовую деятельность он начал в качестве рабочего дубильно-экстрактowego завода «Большевик», одновременно учился основам строительного дела и получал новую профессию, которая пригодилась в годы Великой Отечественной войны. В октябре 1941 – феврале 1942 г. он был назначен начальником производственно-технической части и главным инженером Шумерлинского участка военно-полевого строительства (ВПС-2) 12-го Армейского управления оборонных работ НКО СССР. В статье опубликованы воспоминания, архивные документы и фотографии из личного архива Ивана Алексеевича.

Ключевые слова: Федулов И.А., Шумерля, Сурский оборонительный рубеж, биография, строительство, воспоминания, завод «Большевик».

В начале XXI в. крайне сложно найти участников строительства Сурского и Казанского оборонительных рубежей. В живых их остаётся все меньше и меньше, а воспоминания о не самых лёгких днях их жизни дают скучную информацию. Тысячи забытых имён строителей рубежей, участников Великой Отечественной войны, да и простых тружеников должны быть сегодня увековечены.

В начале 2000-х гг., уже обучаясь на историческом факультете ЧГУ им. И.Н. Ульянова, я стал восстанавливать историю своей семьи. Мне повезло, все бабушки и дедушки на тот момент были живы. Удалось записать их воспоминания и собрать первоначальные сведения. Следует отметить, что все они были прекрасными рассказчиками и меня всегда удивляла их способность помнить имена предков, основные даты, разбираться в родственных связях. Прадеда по отцовской линии – Ивана Алексеевича Федулова, я успел застать при жизни, но, по малолетству, его рассказы мне тогда были не интересны. Поэтому многие периоды его жизни приходилось восстанавливать по воспоминаниям родственников и фотографиям из личного архива.

Рис. 1

Федулов Иван Алексеевич (1908.18.2–1994.8.9) родился в с. Кувакино Алатырского района Чувашской Республики. Его отец – Федулов Алексей Ильич (~1890-е – 1944.29.01 г.), уроженец с. Кувакино, происходил из рода ремесленников, изготавливших тарантасы и колеса [3, с. 11]. Работал плотником на строительстве моста в Маньчжурии и Мокринского моста в Канашском районе ЧР. С 1917 г. начинает работать на строительстве станции Шумерля, где и остаётся на постоянное жительство [2]. В семье Алексея Ильича кроме Ивана Алексеевича, старшего из детей, было ещё двое сыновей и дочь.

Иван Алексеевич закончил 4 класса Кувакинской сельской школы. В Кувакино женился на М.М. Стрежневой, в браке с которой у них родилось двое сыновей. Переселение его в г. Шумерля произошло в 1929 – нач. 1930 г. По одной из версий свой дом он был вынужден бросить и, опасаясь раскулачивания, переехал в Шумерлю (в списках раскулаченных по Чувашской Республике он и его отец не числятся). Дом был отнят и перевезён в с. Порецкое, где долгое время служил автовокзалом.

Документов об окончании им какого-либо строительного учебного заведения не сохранилось. О.И. Федулова (сноха, супруга его сына Ивана) часто говорила, что строительному делу он обучался самостоятельно и только в послевоенные годы он неоднократно ездил в Москву и Ленинград на повышение квалификации (рис. 3).

Годы молодости Ивана Алексеевича совпали с индустриализацией молодого советского государства. Страна остро нуждалась в рабочих специальностях и строителях. В феврале 1928 г. Совнарком принял решение о строительстве в железнодорожном поселке Шумерля завода дубильных экстрактов. Заказчиком выступило московское АО «Дубитель», производившее кожаную одежду и обувь. Здесь, согласно сохранившемуся профсоюзному билету рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности, в январе 1930 г. начинается трудовая деятельность Ивана Алексеевича как инженера-строителя (рис. 2).

О военном периоде жизни семьи Федуловых известно не много. Оба брата Ивана Алексеевича, к началу Великой Отечественной войны уже находились на военной службе. Средний брат, Константин Алексеевич, с 1935 г. служил лётчиком и в послевоенные годы дослужился до звания подполковника. Младший брат, Виктор Алексеевич, служил артиллеристом с 1938 г. и в 1942 г. попал в плен на Ленинградском фронте. В 1944 г. умирает отец Ивана Алексеевича, а старшего сына Александра призывают в армию.

Иван Алексеевич в годы Великой Отечественной войны не был призван в ряды Красной Армии, вероятно, сказывался дефицит профессиональных кадров. Получив «бронь», он был направлен на строительство оборонительного рубежа на р. Суре. Сохранилось удостоверение за подписью начальника I-го участка ВПС-2 Стронского и инспектора по кадрам Мизеровского в том, что он работал на военно-полевом строительстве участка №1, ВПС-2 12-го Армейского Управления Оборонных работ НКО СССР, в должности начальника производственно-технической части и главного инженера с 23-го октября 1941 года по 28 февраля 1942 года, освобождён от работы по окончании строительства и направлен по месту прежней работы (удостоверение и документ о премировании в 500 рублей хранятся в Шумерлинском историко-краеведческом музее).

В.К. Симсов в своей книге так отразил его деятельность: «Руководителем технической части на строительстве оборонительного рубежа работал И.А. Федулов. ... С большим знанием дела он решал вопросы составления проектно-сметной документации, рекогносцировки местности и контроля за выполнением работ. Под его руководством удачно была решена задача строительства дзота на берегу реки Суры, который имел широкий обзор всего противоположного берега и в тоже время обеспечивалась абсолютная маскировка. Это было выполнено так искусно, что враг не смог бы обнаружить эти точки. Иван Алексеевич не допускал ни малейшего отклонения от технической документации проекта и добивался того же от других. Если строительство какого-либо объекта начиналось не на указанном месте, то он требовал все сломать и строить там, где нужно.

В соответствии с постановлением Совнаркома Чувашской АССР от 25 февраля 1942 года главному инженеру Шумерлинского участка военно-полевого строительство И.А. Федулову была объявлена благодарность, выдана денежная премия» [4, с. 29; 7].

На участке №1, где работали шумерлинцы, были оборудованы 39 дзотов и дотов, 32 землянки, 27 км эскарпа вдоль берега Суры, 3 км противотанковых рвов, 4 наблюдательных пункта и другие сооружения.

В.К. Симсов оставил воспоминания о личности Ивана Алексеевича: «Мне, автору книги, неоднократно доводилось встречаться с ним в ходе подготовки настоящего материала. Примечательно то, что он как инженер-строитель, несмотря на свои приличные годы, знал все, что было построено на рубеже. Знал о людях, героизме их, о руководителях, военных, кто занимался непосредственно по строительству Сурского оборонительного укрепления...

О себе он говорил мало, человек очень скромный, нехвастливый, но в совершенстве знающий строительное дело, он с большим усердием решал технические вопросы...

Здоровый, коренастый, энергичный человек везде успевал бывать, и что примечательно, он был строг, когда дело касалось строительства особо важных объектов...

Носкове, Федулове и других товарищах можно было бы написать целый роман, и мне кажется, наши сурские писатели возьмутся за перо и напишут о былых днях войны, о тех, кто без устали, не покладая рук, лишаясь сна и отдыха, работал и отдал всё для разгрома лютого врага» [5, с. 48–49]

24.01.1946 г. Иван Алексеевич награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [6, с. 137]. На тот момент он работал начальником основного производства Шумерлинского экстрактового завода «Большевик» Гостреста «Дубитель» НКЛП СССР. В 1976 г. награжден медалью «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне».

В послевоенные годы его рабочий путь был связан с шумерлинским хим заводом, универбазой и строительными организациями. В должности прораба он руководил строительством жилых домов в г. Шумерля и в п. Лесной (окраина города рядом с торфоразработками).

Хотелось бы несколько слов сказать о личных качествах самого Ивана Алексеевича. Во многом он соответствовал понятию советская интеллигенция. Общение с ним было запоминающимся – высокий рост, крепкое телосложение, громкий голос и волевой характер, сочетались с вежливостью и грамотной речью. Он легко мог процитировать стихотворение или отрывок из книги, поддержать разговор, показывая свою осведомлённость в той или иной теме.

Всю жизнь он прожил в частном доме с русской печкой. Рядом с домом был небольшой огород с колодцем, несколько надворных построек и столярная мастерская. До своей гибели всю работу по хозяйству выполнял сам и не гнушался любой работы, к которой он привык с детства.

В домашней обстановке наблюдался некий аскетизм. О.И. Федулова вспоминала, что когда она вышла замуж за его сына Ивана, то в доме на окнах не было даже занавесок. Обустройство быта элементами роскоши, которые он, несомненно, мог себе позволить, уступало место советскому pragmatizmu. В центре самой большой комнаты его дома стоял самодельный дубовый шкаф с обширной библиотекой художественной литературы, журналов, большой советской энциклопедией и различными пособиями по строительству. В доме было много дубовой резной мебели – столы, стулья, шкафы – предметы любимого увлечения.

После смерти Ивана Алексеевича выяснилось, что он неплохо рисовал. Сохранились два карандашных портрета И.В. Сталина с авторской подписью «Федулов» (по воспоминаниям внука В.И. Федулова, личность И.В. Сталина он очень уважал, но был беспартийным, и порой в «кухонных разговорах» нелестно отзывался об отдельных представителях компартии) и ещё несколько рисунков.

Жизненный путь Ивана Алексеевича был наполнен многочисленными событиями. Зарождение и гибель советского государства прошли на его глазах.

Свой строительный талант он не раз проявлял и в мирное, и в военное время. Его трудовой вклад при воздвижении Сурского рубежа получил заслуженное признание.

Рис. 2. Фото из семейного архива. Рабочие на фоне завода «Большевик». Иван Алексеевич в среднем ряду, пятый справа. На обратной стороне надпись: Осень 1933 года

Рис. 3. Фото из семейного архива. И.А. Федулов смотрит в теодолит.
На обратной стороне надпись: Июль 1934 г. ст. Шумерля.
Практические занятия с теодолитом

Рис. 4. Фото из семейного архива. Иван Алексеевич (в светлом костюме)
во главе колонны на первомайской демонстрации. Середина 1960-х гг.

Рис. 5. Фото из семейного архива. На обратной стороне надпись:
Стр-во жил дома на торфе («торфом» называется п. Лесной на окраине
г. Шумерля – авт.). Конец марта 1975 г.

Список литературы

1. Кочетков В.Д. Кувакино. Очерк истории села / В.Д. Кочетков, Н.П. Мусорин. – Чебоксары: Новое время, 2020. – 320 с.
2. Лучшие по ст. Шумерля // Семафор. – 10.10.1931. – №45/32.
3. Мусорин Н. Кувакино. Рукопись 1962 // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2390. И nv. №8917. – С. 9.
4. Симсов В.К. В годы испытаний: шумерлинцы в Великой Отечественной войне. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. – 96 с.
5. Симсов В.К. Сурское укрепление // Борьба за победу на фронте и в тылу: подвиг жителей деревни Торханы Шумерлинского района Чувашии в годы Великой Отечественной войны. – Чебоксары: Новое Время, 2016. – С. 35–52.
6. Списки награждённых // ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 799. Л. 137.
7. Список №2 передовиков ВСП-2, представляемых к награждению почетной грамотой ГУАСа НКО СССР // ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 19. Д. 13. Л. 282–283а.

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ И МЕТОДИКА УСТНОЙ ИСТОРИИ

Вишневская Марина Петровна

канд. пед. наук, доцент

Сытина Татьяна Феликсовна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И ПОДДЕРЖКИ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ В ХОДЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ШКОЛЫ И ВУЗА

Аннотация: в статье рассматриваются возможности самореализации обучающихся в ходе сотрудничества школы и вуза: профориентационные выезды, проведение образовательных акций, конкурсов, турниров и олимпиад на площадке высшей школы. Раскрываются условия привлечения одаренной молодежи в вуз.

Ключевые слова: профориентационная работа, олимпиады, индивидуальные траектории обучения, цифровые образовательные ресурсы, система дистанционного обучения, проектная деятельность, практико-ориентированное обучение.

В нормативных документах, отражающих стратегию модернизации образования, обозначено, что одна из целей образования – становление личности, обладающей способностью к самореализации, самоопределению, развитию творческих начал в пределах конкретных сред: социальной, природной, технической и т. д. [5].

В исследованиях А.И. Субетто (2006), отмечает необходимость усиления роли географического, геологического, биосферно-ноосферного, этногеографического видов знаний для выполнения задач образования. В курсе школьной географии изучаются ландшафты различного территориального ранга, в том числе и антропогенный ландшафт своей местности [4].

В Концепции развития географического образования в Российской Федерации отмечается, что нужно создавать большие возможности для выстраивания индивидуальных траекторий обучения с углубленным изучением теоретических основ отдельных отраслей географической науки в сочетании практико-ориентированной научно-исследовательской и проектной работы по географии [5].

Становятся еще более актуальными связь образования с реальной жизнью, иллюстрация научных положений конкретными примерами на

местном материале и закрепление теоретических знаний в практической деятельности.

Возможностью реализации являются взаимодействие школ с высшими учебными заведениями путем организации различных мероприятий: профориентационные выезды – встречи с учащимися городских и сельских школ республики, проведение образовательных акций, конкурсов, турниров и олимпиад, «Университетские субботы». Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова является постоянной площадкой для проведения всевозможных образовательных направлений работ.

Перечень образовательных услуг, предоставляемый ЧувГУ включает большой спектр различных профилей и направлений подготовки бакалавров. Для осознанного выбора абитуриента, формирования его профессиональных интересов проводится широкомасштабная работа. Обучающиеся школ, техникумов и колледжей имеют возможность побывать в университетских лабораториях, оснащенных производственным оборудованием; проходят разнообразные квесты, посещают Бизнес-инкубатор, Дом научной коллaborации. В целях популяризации своих направлений подготовки факультеты ЧувГУ проводят в Дни открытых дверей мастер-классы, открытые лекции, семинары, экскурсии в музеи.

Профориентация абитуриентов на направления обучения «География», «Землеустройство и кадастры», «Туризм», «Экология и природопользование» историко-географического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» осуществляется также через онлайн-трансляции лекций ведущих преподавателей факультета, в работе «Университетских суббот» проводятся открытые лекции по подготовке к ЕГЭ по географии.

Сегодня географическое образование призвано вооружить школьников умениями пользоваться различными источниками географической информации, интегрировать эту информацию, отражать ее на карте, проводить наблюдения на местности, ориентироваться в пространстве, прогнозировать тенденции развития окружающей природной среды.

С 2004 года на историко-географическом факультете ЧувГУ организуется и проводится республиканская олимпиада для школьников по географии «ГЕОтурнир» [1]. Организатором является Чувашское республиканское отделение Русского географического общества и кафедра физической географии и геоморфологии историко-географического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова». За годы проведения «ГЕОтурниров» в олимпиаде приняли участие свыше 2000 обучающихся общеобразовательных школ республики и сопредельных регионов. Олимпиады проводились в разных формах: очно, в последние годы с использованием цифровых образовательных ресурсов – в системе дистанционного обучения ЧГУ им. И.Н. Ульянова Moodle, через систему ZOOM.

В 2021 году олимпиада впервые проведена для обучающихся кадетских школ и кадетских классов общеобразовательных школ Чувашии «Кадетский ГЕОтурнир – 2021». Олимпиада проводилась в виде командной интеллектуальной игры, включающей задания по военной географии, топографии и картографии, физической, исторической, экономической и политической географии. Вопросы составлены преподавателями кафедры

физической географии и геоморфологии на основе основных общеобразовательных программ основного общего и среднего (полного) общего образования, касающихся знаний роли географического фактора в военной стратегии и тактике; о военно-промышленном комплексе России; об интересных фактах на военную тему: о роли географии в боевых действиях, о роли военных в борьбе с силами природной и техногенных стихий, о жизненной закалке кадетов, курсантов, о современных военно-политических событиях в России, в мире.

«ГЕОтурниры» проводились в два тура в онлайн-форме через систему ZOOM – на сервисе для проведения видеоконференций, онлайн-встреч. В состязаниях участвовало 17 команд кадетов (в команде по 5 человек).

В серию интеллектуальных игр «ГЕОтурнир» также были привлечены студенты техникумов и колледжей. Вопросы были посвящены событиям Года науки и технологий, юбилярам РГО.

Просветительно-педагогическая деятельность способствует готовности к работе в сфере географического и краеведческого образования с учащимися средних общеобразовательных учреждений, детских и юношеских объединений и организаций.

Для этой цели целесообразно активней вовлекать географов бакалавров четвертого курса, проходящих производственную (педагогическую) практику в школах республики. В ходе прохождения практики студенты овладевают общепедагогической, информационно-коммуникативной профессиональными компетенциями.

Студенты-географы четвертого курса помогают в организации работ со школьниками: готовят учащихся к олимпиадам по географии – к «ГЕОтурнирам», проводимым на факультете, к конкурсам школьных исследовательских работ: к участию на Фестивалях студентов и молодежи в Чув.Г.У «Человек. Гражданин. Ученый».

В ходе изучения дисциплины «Эколого-географическое образование, краеведение» активно внедряются проектные формы обучения студентов совместно с обучающимися. Создаются проектные работы по темам: «Геологические памятники Чувашии, как объекты научного туризма», «Благоустройство малых рек», «Отражение природы Чувашии в народных промыслах», «Изучение культурных ландшафтов Чувашии (по административным районам)», «Туристско-рекреационные возможности Сурско-Казанского оборонительного рубежа», «Отражение форм рельефа в топонимии Чувашии», «Изучение гидронимов Чувашской Республики» [2].

В целях формирования повышения образовательного уровня, экологической культуры в обществе, воспитания бережного отношения к природе, рационального использования природных ресурсов в республике осуществляется экологическое просвещение на факультете. Хорошо налажено сотрудничество учащихся и студентов с различными объединениями и обществами природоохранного и экологического характера таких как: «Присурский заповедник», «Чаваш вармане», Чувашский национальный музей и др. Студенты проводят семинары не только для школьников, но и для педагогов, тематические лекции, мастер-классы. Участвуют в качестве волонтеров в экологических акциях «Чистая Волга», «Сохраним лес», «Чистый берег». Преподавателями факультета разработаны предметные «Весенние, Летние школы» по работе с учащимися

общеобразовательных школ. Экологическое образование продолжается в течение всего календарного года и особенно активно продолжается летом по программе «Робинзонада в городе», которая объединила пакет образовательных программ организации летнего отдыха. Летнее время – время исследовательской работы в экспедициях, активного труда и отдыха геологов, экологов, гидрологов, ландшафтологов на образовательных площадках. Ими стали: учебный полигон ЧГУ Шомиково, экологическая тропа Роши Гузовского, и территория Чебоксарского водохранилища.

Содержание каждой темы курса включает в себя большое количество практических и творческих заданий. Особенность данных программ заключается в том, что она носит занимательный характер, что позволяет быстрее вовлечь ребят в природоохранную деятельность [3].

Интеллектуальное развитие молодежи осуществляется через расширение географического кругозора, повышение интереса молодежи к географии, экологии России и мира; создание условий для поддержки одаренных детей; развитие у обучающихся творческих способностей.

Совместные научные исследования преподавателей, студентов со школьниками реализуют идеи сотрудничества «ВУЗ – школа – ВУЗ», дают возможность популяризации направлений «Наук о Земле».

Список литературы

1. Вишневская М.П. Из опыта работы с одаренными детьми // Эффективное природоиспользование на региональном, городском и муниципальном уровнях: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Новое Время, 2011. – С. 91–101.
2. Вишневская М.П. Реестр гидронимов Чувашии. Современные проблемы водохранилищ и их водосборов / М.П. Вишневская, Т.Ф. Сытина // Труды VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. – Пермь, 2019. – С. 14–18.
3. Сытина Т.Ф. Возможности проектной деятельности для реализации геоэкологического краеведения в Чувашии // Геопространственные исследования общественных и природных систем: теория и практика: сборник статей / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары, 2019. – С. 183–186.
4. Субетто А.И. Основы системологии образования: монография / А.И. Субетто. – 2-е изд., перераб. и доп. – В 2 ч. Ч. 2. – М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 249 с. (Труды Исследовательского центра / Федеральное агентство по образованию, Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов Московского гос. ин-та стали и сплавов (технологического ун-та).
5. Концепция развития географического образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.edu.gov.ru/document/54daf271f2cc70fc543d88114fa83250/>

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИИ

Бекназаров Рахым Агибаевич

д-р ист. наук, профессор
Актюбинский региональный государственный
университет им. К. Жубанова
г. Актобе, Республика Казахстан

НАУРЫЗ В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ: НЕКОТОРЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРАЗДНИКА

Аннотация: статья посвящена историческим истокам появления праздника «Наурыз» в традиционной культуре казахов. Основанный на общих традициях ряда восточных народов особо отмечать день весеннего равноденствия, этот праздник имеет ряд существенных отличий и ритуалов, свойственных культуре казахского народа. Исследование основано на материалах результатов полевых экспедиций автора, устных и письменных источниках по истории казахов. Результаты исследования демонстрируют актуализацию народных традиций в современной культуре Казахстана.

Ключевые слова: Наурыз, казахская культура, обычаи, традиции, народный праздник.

Статья подготовлена в рамках грантового проекта №AP08856108 «Место семейной обрядности в контексте теории нематериального наследия (на примере Западного Казахстана)», финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.»

Возрождение праздника Наурыз, проведение его на официальном государственном уровне начинается в Казахстане с 1988 г. Хотя в советском союзе этот праздник был как бы под запретом, однако, как показывают исследования, в сельской местности проведение Наурыза никогда не прерывалось. Естественно, по масштабу празднования, он уступал традиционному периоду истории Казахстана (XIX – нач. XX в.).

В целом, казахами Наурыз (пер. с перс. ноу – новый, руз – день) воспринимается, как у всех соседних восточных народов, началом нового года, праздник весны, пробуждения и обновления природы после зимы. Празднование традиционно выпадает на 22 марта (по старому летоисчислению на 9 марта) и называют его «Ұлыстың ұлы күні», «Ұлы мереке». По мнению этнографа А. Тохтабая, который ссылается на Шакарима Кудайбердиева, изначально казахи, как и их предки, праздновали весенний день равноденствия под старым названием – Ұлыс. Лишь после известных трагических событий казахско-джунгарских войн и годов бедствия XVIII в. (Актабан шұбырынды), когда большая часть казахских племен была вынуждена откочевывать

на территорию Средней Азии, оттуда и было привнесено в казахскую культуру в последующем название Наурыз [1, с. 12].

Существуют и другие версии происхождения названия праздника. Например, по данным народной истории – шежире казахов Младшего жуза Кайы Бекжанулы отмечается, что «у Казака было два сына: Наурыз и Алаш».

«От Казака было двое – Наурыз и Алаш,
Старшим по возрасту был Наурыз,
Умер Наурыз весной, не оставив потомков,
Через год весной дали ему поминки.
После этого дети Казака,

Стали называть начало года «Наурыз» [2, с. 106–107] *

Приведем теперь пример из шежире китайских казахов.**

Примечание: * – перевод с казахского языка. ** – материалы этнографической экспедиции в Алматинскую область по изучению культуры казахов-репатриантов (оралманов) из КНР по программе ПФИ «Казахи Китая» (рук. проекта д.и.н., профессор С.Е. Ажигали). Информатор – Даутжан Токсобаулы, 1949 г.р., представитель казахского рода найман-матай-кызы. Образование среднее. В КНР работал экономистом. В Казахстан переехал в 2006 г., сейчас занимается скотоводством в Алматинской обл., Жансугуровском р-не, на зимовке Тайвань (название зимовки было дано в 60-е годы первыми казахами-репатриантами из КНР и обозначает с китайского « дальняя, крайняя точка, зимовка»).

«Давным-давно жил на свете старик Желтоксан. У него было 90 сыновей, отсюда 90 дней считаются в году днями зимы. Среди 90 сыновей у него была единственная дочь Бикеш. У старика было шесть жен, первую из которых – байшице звали Наурыз.

Когда пришло время, Желтоксан, сделав свадебный той, выдал замуж свою единственную дочь. По казахским традициям мать Наурыз сопровождала и жила вместе с дочерью 5–10 дней в доме у сватов. По возвращению домой, она, чтобы исполнились все ее благопожелания дочери, впервые всем своим аулчанам раздала сварив похлебку – коже. И якобы с этого времени эта традиция закрепилась в казахском обществе, получив название «Наурыз мейрамы» – «Праздник Наурыз». С этого периода Наурыз празднуется после завершения 3 месяцев зимы примерно 20–22 марта, когда теплый весенний ветер начинает осушать поверхность земли» [3].

Безусловно, праздник тесно связан с народным календарем, народной астрономией, особенностями погоды – солнечным светом, плеядой звезд, цикличностью природных циклов и многим др. От того как складывается погода в начале года, могли давать прогноз на предстоящее лето, год, что, естественно, хорошо фиксируется в народной памяти в форме легенд.

Продолжим повествование из шежире китайских казахов. «В первую ночь свадьбы у жениха, в сумахоте хлопот, оказывается была забыта и оставлена под седлом одна из лошадей, которая под утро замерзла от сильного мороза. С этого периода начало зимы стали называть «қантар» (в народном календаре кантар соответствует январю).

Отец Бикеша Желтоксан для приданого дочери специально подготовил, отобрав табун из 40 яловых кобылиц. Однако, в тот год после суровой

зимы холодной весной все 40 кобылиц пали. После этого в народе, якобы, надолго закрепилось выражение «весной сорок дней суровый саур (апрель)».

У Бикеша было два младших брата – Акпан (в народном календаре акпан соответствует февралю) и Дакпан, которые на период свадьбы ушли на охоту. Вернувшись, они узнают, что их единственную сестру засватали и провели свадьбу без них, что, естественно, их сильно разозлило. Отсюда в народе говорят, что закрепилось в природе название амала – «Акпан-Дакпан 6 дней, всего с одним морозным днем 7 дней» [3].

Безусловно, важными атрибутами Наурыза считаются такие традиционные символы, как особое приветствие родственников и знакомых, приготовление похлебки – коже, использование для этого посуды – казана, народные гуляния, игры молодежи и многое другое.

Раз в году на Наурыз люди здоровались двумя руками, при этом мужчины обнимались, прикасаясь к друг другу грудью, женщины просто обнимались [4, с. 22].

Коже должно было состоять из семи ингредиентов – воды, молока, мяса зимнего забоя, сыра, злаков (рис, пшено, пшеницы), растительных добавок, как лук или морковь, а также соли. При этом сохранялось простое соотношение старого и нового, красного и зеленого и т. д. Все это, естественно, варились в большом объеме в казане. Коже раздавалось всем соседям и родственникам, считалось, что чем больше будет приготовлено коже, тем больше благодати будет этой семье в новом году.

В связи с употреблением коже в Наурыз интересно сообщение Даутжана Токсобаулы, что среди китайских казахов продолжительное время существовал обычай в этот праздник избирать из среды десяти человек одного «дома» (ударение на «О»). Например, был такой «дом» Омарбай. Его специально приглашали на праздник, снимали с лошади, сажали на почетное место в юрте. Он должен был выпить столько коже, сколько ему преподнесут во время праздника. Если он неправлялся с этой задачей, то «дому» переизбирали [3].

Другой особенностью этнографического изучения праздника Наурыза является присутствие таких мифических персонажей, как Кызыр ата и Эз. Первый воспринимался в образе глубокого старца, который в ночь с 21 на 22 марта обходил природу, мог зайти в любое жилище в гости, предпочтение при этом он отдавал тем людям, которые содержали свое жилище и двор в чистоте, приготовили чистую еду, носят чистую, новую одежду и т. д. И если Кызыр ата обращал внимание на этот дом, то человек считался обеспечен благосостоянием на целый год. В местах, где он проходил, мерзлая земля начинала таять и прорастала трава, и якобы камень начинал плавиться. До сих пор об утверждении в природе весны присутствует выражение «День, когда расплавился даже мрамор Самарканда».

Другим новым персонажем, выявленным нами в 2010 г. является образ Эз. «Мужа Бикеш звали «Эз». Жених должен был прийти к тестю. Имеется выражение «Когда приходит Эз – это одновременно и старое и новое. Завершение старого года и начало нового года».

В старину говорили: «Настало время Эзіс», «Не стриги (в этот период) ногти – руки дрожать будут», «Не стриги волосы – голова дрожать

будет», «Эз удариł». О прибытии Эз можно было заметить только по овцам. Овцы пугались и начинали метаться в загоне [3].

Таким образом, возрождение праздника Наурыз в Казахстане дает возможность изучения ее как феномена казахской культуры, уходящего своими корнями в далекое прошлое. Специалистам этнографам предоставляется возможность фиксации старых и новых атрибутов праздника, связи его с вопросами религии, приспособления к государственной идеологии и т. д., что естественно обогащает Наурыз в целом как народный праздник.

Список литературы

1. Токтабай А. Наурыз // Қазақ халқының дәстүрлөрі мен әдет-тұрыптары. 1-том: біртуластығы және ерекшелігі / құраст. С. Әжіғали. – Алматы, 2005. – Б. 11–22.
2. Салқынұлы С. Досжан хазірет: гұмырнамалық баян. – Алматы, 2006. – 160 б.
3. ПМА. – 2010.
4. Өмірзаков Т.М. Наурыз // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Сборник статей / Т.М. Өмірзаков, О.Е. Исламов. – Алматы, 2001. – С. 15–28.

Бутяйкин Илья Александрович
канд. юрид. наук, старший преподаватель
ГОУ ВО МО «Государственный
гуманитарно-технологический университет»
г. Орехово-Зуево, Московская область

ИСТОРИЧЕСКИ-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, касающиеся исторически-правовых аспектов развития избирательной системы в дореволюционный период в России. Приводятся правовые способы защиты от фальсификации и подлога, которые использовались в дореволюционный период при голосовании. Показана динамика и эволюция развития избирательного законодательства и способов его защиты на всем историческом этапе развития Российского государства до 1917 года. Используются нормативно-правовые документы и факты, подтверждающие представленные в статье доводы.

Ключевые слова: избирательное право, избирательная система, голосование на выборах, защита избирательных документов.

История процесса выборов на замещаемые должности управления в России начинается с X века и связана с выбором части представителей Боярской думы, и принятия важных вечевых решений, затем выборная система возродилась в виде формирования церковных Поместных соборов и выборов царя в 1613 году, а позже избирательная система применялась при формировании земского и городского самоуправления в XIX веке.

Наиболее прозрачной формой выборов выступает прямая демократия, когда лица, обладающие избирательным правом, выражают свое мнение открыто на общественных собраниях. Подобная форма выражения своего мнения использовалась на вече.

Известны яркие примеры вечевой деятельности во многих городах Киевской Руси – Киеве, Чернигове, Владимире, Ростове, Белгороде, Смоленске, Новгороде, Твери, Пскове, Полоцке и др. [1, с. 393].

Самым ярким примером выступают выборные институты в Великом Новгороде, территория которого была поделена на пять районов; каждый из них имел самостоятельное вече-собрание, на котором принимались различные решения, регулирующие наиболее важные вопросы для проживающего в районе населения. В каждом районе избирался свой староста и его помощник. Для решения вопросов важных для всех Новгородских районов созывалось общегородское вечевое собрание. Примечательным был тот факт, что в этом собрании принимали участие лица из разных слоев населения, проживающих в Великом Новгороде. На общем вечевом собрании происходил выбор князя, а также таких должностных лиц, как архиепископ, тысяцкий и посадник. Важной особенностью такой выборной системы была возможность посредством выборов не только назначать должностное лицо, но и отстранить его от власти в случае злоупотребления им своих полномочий или некачественного их выполнения [2].

Вечевые собрания были важной составляющей государства Руси, так как позволяли сохранять политическую и экономическую самостоятельность от княжеской власти. Так, в Новгородской земле это привело к возникновению феодальной республики, где орган управления занимали выборные лица, начиная с XII по XV века.

Помимо этого, на вече решались важные стратегические вопросы, например, «в Белгороде на вече обсуждались вопросы борьбы с печенегами, в Новгороде оно же поддержало князя Ярослава в войне с братом Святополком» [3, с. 23–24].

Фиксированных законов, регулирующих избирательное право, на тот момент не было, однако обычай, который сложился к этому моменту, хорошо справлялся с этой ситуацией и, в случае возможных нарушений, применялись санкции со стороны большинства, которые носили силовой оттенок.

Любопытен способ, который использовался на новгородском вече: в качестве избирательного документа для голосования применялись берестяные «бюллетени», на которых граждане Новгорода писали имя избранника [4, с. 111].

Постепенно выборная система исчезает из жизни граждан Руси, в том числе и в Новгородском княжестве, где к середине XIV века закрепляется новая система управления, при которой бояре приобретают пожизненный статус посадников, и политическая роль новгородских простолюдинов становится незначительной.

Однако в 1470 году Новгородские бояре, дабы не потерять своих рычагов управления из-за притязаний князя московского, подкупили граждан Новгорода, дабы они отдавали своё предпочтение переходу княжества к государству Литовскому и закидывали камнями тех, кто выступал за воссоединение с Московским княжеством. Несмотря на все старания новгородских бояр, в 1570 году Новгород утратил свою самостоятельность, а вместе с тем полностью прекратили своё существование вечевые собрания.

Избирательная система на Руси возродилась в конце XVI века, когда ветвь Рюриков оборвалась и на место новой династии стал претендовать

Борис Годунов. Дабы заручиться поддержкой у элиты и народа Руси, Борис Годунов и его сестра подкупали стрелецких сотников и пятидесятников, использовали подкупленных монахов, вдов, сирот, обещая ещё больше материальных преференций для них, когда Годунов будет избран новым государем [5, с. 338]. Как мы знаем, план Годунова сработал, однако удержаться у власти и создать царскую династию Годуновых ему так и не удалось.

Нарушение избирательных механизмов продолжилось и после «Смутного времени», когда в качестве царя в 1613 г. выдвинули кандидатуру Михаила Федоровича Романова. Сомнения в легитимности избрания Романова выражают *К. Ваминовский и Н. Черепнин*, они приводят следующие доводы:

- в выборах участвовали представители от русских земель и сословий непропорционально;
- отсутствие документов, подтверждающих легитимность проведения выборов;
- потенциально возможное давление, которое могло оказываться на выборщиков со стороны казачьего войска, расквартированного в Москве на этот момент, выступающего открыто за выбор Михаила Романова в качестве царя [6].

Во времена царствования Петра I, несмотря на усиление централизации власти, появляются элементы современной избирательной системы в виде баллотирования, которое было введено решением царя от 18 февраля 1729 г. «Образ баллотирования, как во оном поступать надлежит» [7, с. 235–236]. Новшеством было то, что голосование проходило тайно и позволяло узнать мнение выборщиков, сохраняя инкогнито мнения каждого из участников. Для этого использовался ящик с двумя отделениями белого и черного цвета, выборщик незаметно кидал шар в одно из отделений, отдавая таким образом свой голос за или против того или иного решения.

Продолжателем дела Петра I в рамках развития избирательного процесса была Екатерина II, по решению которой вышел указ от 14 декабря 1766 г. «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в онную депутатов» [8, с. 1093–1111]. Этот указ регламентировал процесс выбора представителей для обсуждения нового Уложения, а также устанавливал запрет на злоупотребление своим положением при выдвижении выборщиков.

При проведении всероссийской выборной компании 1767 г. для составления нового Уложения в Комиссию включили, за исключением крестьян, представителей практически всех сословий, что на тот момент для Российского государства было достаточно передовым для избирательной системы. На практике это происходило через делегированного представителя от каждой провинции и каждого города, который выражал интересы своего региона и сословия. Несмотря на малую эффективность результатов работы Комиссии, сам подход выборов в её участники был схож с современной выборной системой федерального уровня [9].

Екатерина II продолжила расширять избирательные права граждан и 21 апреля 1785 г. были учреждены «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамота на права и

выгоды городам Российской империи», изменив таким образом систему местного управления, вводя в нее элементы выборной системы.

Установленные Екатериной II процессуальные акты проведения выборов местного самоуправления нуждались в правовой защите от фальсификаций и подлогов, и в 1845 г. в XV Своде законов Российской империи «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» [10, с. 382–384] в раздел IX вошла IV глава «О нарушении правил, установленных для выборов и других собраний дворянских, городских и сельских», которая содержит статьи, предусматривающие ответственность за нарушение избирательных прав. Так, статья 1425 Уложения предполагала ответственность за подкуп, подарки, обещания, угрозы иные незаконные способы склонения к получению голоса, а также привлекала к ответственности тех, кто принимает за это деньги или подарки. То есть к ответственности привлекались обе стороны.

Другая статья 1426 Уложения накладывает ответственность за допуск к выборным лицам тех, кто по закону не имел на это право. К таким лицам относились дворяне, владевшие поместьем и достигшие возраста 25 лет. Интересным представляется тот факт, что, в зависимости от умысла, по этой статье изменялось наказание: по «ошибке» виновному назначалось денежное взыскание, а в случае прямого умысла виновный навсегда лишался своей должности.

Статья 1434 этого Уложения схожа со статьей 1426 и направлена на регулирование выборов Городского главы, устанавливая ответственность за участие в собраниях городских обществ в виде выборщиков тех лиц, которые по закону не имели на это право. По сути, этот закон защищал от участия в выборах лиц, не обладающих должностным имущественным, возрастным и половым цензом.

Дальнейшее развитие избирательного законодательства в 60–70 года XIX века позволило расширить выборные и земские учреждения и городские органы местного самоуправления. Для эффективного управления в этой сфере были приняты два законодательных акта: «Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 8 января 1864 г. и «Городовое Положение» от 15 июля 1870 г. А также внесены дополнения в Уложение 1845 г. Расширив статью 1425 формулировкой «всякие причиненные беспорядки и злоупотребления», что в свою очередь расширило возможность применять статью при более широком круге злоупотреблений во время выборов. Так, например, на основе нового дополнения было рассмотрено дело о проведении выборов в Калужской губернии в квартире одного из претендентов на должность, что в свою очередь могло отразиться на результатах выборов, которые закончились победой владельца квартиры [11 с. 366].

Выборная система конца XIX века носила в основном локальный характер, однако увеличение выборных должностей свидетельствовало о демократизации общества и давало возможность в дальнейшем, используя опыт локальных выборов, создавать выборные системы государственного масштаба. Так, при Николае II появилась Государственная Дума в 1906 г., выборный орган, который имел представителей от всех сословий того времени: 35% из высшего сословия, 31% из среднего сословия и 34% из нижнего сословия. Государственная Дума во всех ее созывах, в совокупности, рассмотрела и подготовила около 3500 законопроектов [12], однако они так и не стали законами по причине сопротивления их

реализации Николаем II, что впоследствии стало дополнительным толчком к революции 1917 г.

Несмотря на свою прогрессивность, избирательная система этого периода не реализовывала такие современные принципы, как равенство и всеобщность. Так, возможность голосовать отсутствовала у военнослужащих, студентов, женщин и кочевых народов. Другим препятствием было установление курий и весьма неравномерное соотношение выборщиков, представляющих интересы этих курий, так, выборщики в первую Государственную Думу выбирали две тысячи помещиков, тридцать тысяч крестьян и девяносто тысяч рабочих. А позже ситуация усугубилась после выхода «Положения о выборах в Государственную Думу» от 3 июля 1907 г., когда при том же соотношении к выборщику со стороны помещиков, увеличивается соотношение для крестьян до шестидесяти тысяч и ста двадцати тысяч для рабочих, что свидетельствовало о попытке администрации царя посредством управленческого ресурса создать более благоприятные для себя обстоятельства, снизив участие в Государственной Думе представителей от крестьян и рабочих.

Избирательная система в дореволюционный период имела постепенное развитие, на нее влияли исторические события и культурные особенности Российского государства, и к началу XX века в ней уже проявлялись современные правовые особенности выборной системы, привычные нам в XXI веке.

Список литературы

1. Веденеев Ю.А. Очерки по истории выборов и избирательного права: учебное пособие / под ред. И.А. Богодаровой, Ю.А. Веденеева. – М., Калуга: Символ, 1997. – С. 393.
2. Выборы и избирательное право в истории России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mil.ru/elections/history/more.htm?id=10767080@cmsArticle> (дата обращения: 08.02.2020).
3. Минникес И.В. Становление выборных начал в истории русского государства (выборы в Русском государстве в X–XV вв.). Историко-правовое исследование: монография. – Иркутск, 2003. – С. 23–24.
4. Ефремов Н.Н. Становление избирательного права в России // Государство и право. – 1998. – №3. – С. 111.
5. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. Т. 8. – М., 1989. – С. 338.
6. Земский Собор 1613 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wikipedia.ru/> (дата обращения: 04.02.2020).
7. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. – Л., 1945. – С. 235–236.
8. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года: Собр. 1. Т. 17: 1765–1766. – СПб., 1830. Ст. 12801. – С. 1093–1111.
9. История избирательной системы Российской Федерации в воспоминаниях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/25-let/41198.html> (дата обращения: 08.02.2020).
10. Свод законов уголовных. Книга 1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1866. – С. 1–438.
11. Ст. 37, 39. Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Декабристский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. – М., 1990. – С. 366.
12. Российская империя в эпоху правления Николая II [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eroha-nikolaya-2.ru/> (дата обращения: 04.02.2020).

Димитриев Александр Вениаминович

канд. биол. наук, директор филиала

Чебоксарский филиал ФГБУ науки

«Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН»

доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Косулин Николай Николаевич

аспирант

ФГБОУ ВО «Вятский государственный

агротехнологический университет»

г. Киров, Кировская область

О РЕСУРСНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЗАЙЦЕВ-БЕЛЯКОВ В ЧУВАШИИ

Аннотация: в статье проанализирован ресурсный потенциал зайцев-беляков в Чувашии с 90-х годов XX века по настоящее время. Их популяция находится в депрессивном состоянии, хотя для этого много положительных факторов.

Ключевые слова: Чувашия, заяц-беляк, экологические факторы, динамика численности, депрессивное состояние популяции.

Нами ведется анализ ресурсного потенциала охотничьих животных республики [2; 3; 8–18; 21; 24; 25]. В ходе этих работ планируется выработать программу по улучшению ведения охотничьего хозяйства и повышению ресурсного потенциала охотничьих животных.

Вся доступная нам информация, опубликованная в открытой печати [4; 5; 7; 27; 28; 35], о численности зайцев-беляков в республике с 1987 г. по настоящее время нами обобщена в табл. 1.

Начиная с 2007–2008 гг. по 2017 г. в общие учетные данные охотничьих не включались данные по зайцам, обитающим в ООПТ федерального значения. Несомненно, они вносят значительный вклад в сохранение их поголовья [19; 20; 23; 25; 29; 32]; и эту сеть надо развивать [22; 25]. В заповеднике «Присурский» лесные земли занимают 9025 га, и имеется охранная зона на площади 25497,5 га [19; 22; 33] средняя численность зайцев-беляков в 2008–2012 гг. составляла 150 особей [33]. Национальный парк «Чаваш вәрманә» занимает 25200 га, из которых земли лесного фонда – 24796 га (лесопокрытая площадь – 23626 га) [29]. В этом наципарке по нашим расчетам обитает 250–300 зайцев-беляков.

Эти сведения необходимо учитывать при подведении общей численности зайцев в республике. В табл. 1 мы правки-дополнения по федеральным заповеднику и наципарку не вносили, в ней приведены опубликованные в госдокладах данные без корректировок.

Таблица 1

Данные по численности зайцев-беляков в Чувашской Республике
с 1987 г. по 2019 г., гол.

Годы	Численность	Годы	Численность	Годы
3674	2009	Н.д.	1998	13976
2165	2010	5373	1999	*1987
1747	2011	5708	2000	*1988
2839	2012	5847	2001	*1989
3426	2013	7396	2002	*1990
3569	2014	7014	2003	*1991
3624	2015	6417	2004	*1992
4528	2016	5044	2005	*1993
4046	2017	3202	2006	*1994
3769	2018	3327	2007	*1995
3284	2019	4039	2008	*1996
				1997

Примечание: 1) н.д. – нет данных; 2) полужирным шрифтом выделены данные низкой численности зайцев-беляков по сравнению с соседними годами («превосходящие» в графике данные); 3) в 2020 г. по данным ЗМУ численность зайцев в Чувашии составляет 3717 гол.

*Димитриев А.В., Плечова З.Н., Плечов Г.Н., 2000 [24].

Частично данные, содержащиеся в табл. 1, были проанализированы в ряде работ [2; 7; 24; 25]. В публикации М.В. Дидорчука и С.Г. Приклонского [7] размещена диаграмма численности зайца-беляка с 1981 по 1993 г.

Общая площадь охотугодий Чувашии в 1994 г. составляло 1666,3 тыс. га, в том числе лесных угодий – 616,2 тыс. га, полевых – 1002,6 тыс. га, водно-болотных – 47,5 тыс. га [25], то 2015 г. – охотугодий стало – 1596,351 тыс. га, в том числе лесных – 632,2 тыс. га; пригодная для

обитания зайца-беляка площадь в республике в последние годы составляет 762576 га [35].

Естественные кормовые угодья в Чувашии имеются на площади 201,80 тыс. га, что составляет 11,0% от общей земельной площади [1, с. 43], а динамика посевных площадей в последнем десятилетии XX века выглядела в следующем виде: 1990 г. – 799,9 тыс. га, 1995 г. – 770,6 тыс. га, 1999 г. – 725,8 тыс. га [1, с. 48], снижение поголовья крупного рогатого скота в республике в последнем десятилетии XX века продемонстрируем следующими цифрами: 1990 г. – 526,1 тыс. гол., 1995 г. – 431,0 тыс. гол., 1999 г. – 343,9 тыс. гол [1, с. 51].

Суммарное потребление удобрений в РФ за 1992–1994 гг. упало в 4 раза [1, с. 27], снизилась и пестицидная нагрузка на сельхозугодия. Так, в сельском хозяйстве Чувашии в 1990 г. применялось 68 наименований средств химизации, в 1993 г. – 58, а в последующем – остались только химикаты для обработки картофеля и зерновых, и то не во всех хозяйствах. Пестицидная нагрузка на 1 га пашни в Чувашии в 1986 г. имела наивысшее значение – 2,6 кг/га, к 1993 г. этот показатель снизился до 1,4–1,5 кг/га [32, с. 54], а потом – еще ниже. Но соответствуя с решением коллегии ЦГСЭН в ЧР от 26.11.2002 №27 имеет место рост пестицидной нагрузки на 1 га пахотных земель с 0,16 кг/га до 0,21 кг/га. В Батыревском районе пестицидная нагрузка с 1999 г. по 2001 г. возросла с 0,19 до 0,24 кг/га, в Яльчикском – с 0,24 до 0,5, в Комсомольском – осталась на прежнем уровне – 0,2 кг/га. Это те 3 района Юго-Востока Чувашии [23], где распространены черноземы, земли обрабатываются и не зарастают лесом.

В конце ХХ века в стране произошла децентрализация сельскохозземель, изменение структуры и динамики землепользований, значительное снижение площадей пашни и резкое изменение режима использования угодий, резкое снижение поголовья скота и его структуры, прекратились научно-обоснованные севообороты, резко сократилось применение сельскохозхимии, значительно изменилась динамика лесов в пределах сельскохозугодий [1], увеличились площади семикультур [26; 36; 37]. Для зайца-беляка сложились хорошие условия в лесах: переруб расчетной лесосеки 1,5–2 раза, имевший место в советское время в лесах Чувашии, прекратился, сейчас мы повсеместно наблюдаем недоруб из-за газификации республики. Все это должно быть положительным моментом в увеличении численности зайцев-беляков.

По данным Ф.А. Карагина [31, с. 165] в 2010 г. площадь необрабатываемых сельскохозяйственных земель в Чувашии составил 58 тыс. га (12% пашни), которые вначале заросли бурьянными травами, деревьями и кустарниками.

Заяц-беляк придерживается лесов и кустарников, наибольшая его численность наблюдается в юго-западных и северных районах республики. На их численность сильно влияют болезни, особенно глистные заболевания. Много молодняка гибнет от ранних весенних заморозков. По анализам работников заповедника «Большая Кокшага» наиболее значимыми факторами динамики численности являются плотность его популяции в предыдущем году и сумма осадков за апрель–май того же года [6].

В последние десятилетия в связи глобальным потеплением весной часто заморозки не наблюдаются [30], что также должно быть благополучно для популяции зайцев-беляков.

В то же время произошла коммерциализация браконьерства; стало много охотников с охотничими собаками; в сельской местности собаки содержатся без привязи, и они свободно посещают различные угодья, предназначенные зайцам. Бродячие собаки часто группируются в стаи и целенаправленно вычищают определённые охотничьи пространства. Это стало одним из главных лимитирующих факторов в росте численности зайца-беляка в республике. В последние три десятилетия стало много владельцев снегоходов, мотосаней, с которых охотятся на зайцев ряд охотников. Беляки любят лесные участки, а в лесу со снегоходами сильно не разгонишься. Но к этим факторам в дополнение есть и болезни, и паразиты, и неблагоприятные погодные условия и т. д. В комплексе они лимитируют поголовье. В экологии существует закон минимума Либиха, который гласит: *«наиболее значимым для организма является тот фактор, который более всего отклоняется от оптимального его значения»* [34]. Необходимо проанализировать, найти эти чередующиеся друг за другом лимитирующие фактор и минимизировать их.

В годы перестройки, распада СССР и последующие годы трудного социально-экономического положения в стране не могли не отразиться на охотничьей фауне – произошло катастрофическое снижения численности большинства охотничье-промышленных зверей [21; 24]. Многие из них после этого тяжелого удара по их популяции только через 4–5 поколений жизненного цикла оправились и увеличили свою численность, доводя поголовье до кризисного уровня (например, лоси). Зайцам-белякам в Чувашии это сделать, пока, не удалось. Их численность в 3–4 раза ниже допустимого уровня. Поэтому современное состояние их популяции можно констатировать как депрессионное, но с небольшой тенденцией к улучшению ситуации.

Список литературы

1. Смелянский И.Э. Биоразнообразие сельскохозяйственных земель России: современное состояние и тенденции / ред. Н.Н. Ладонина, Ю.В. Горелова, Д.А. Черняховский. – М.: МСОП, 2003. – 56 с.
2. Воронов Л.Н. Динамика численности охотничье-промышленных видов животных Чувашской Республики за последние 30 лет / Л.Н. Воронов, А.С. Иванов, А.В. Димитриев // Экологический вестник Чувашской Республики. – 1996. – Вып. 15. – С. 17–19.
3. Гаврилов О.Е. Проблема сохранения биологического разнообразия и биологических ресурсов в Чувашии на современном этапе // Науки о Земле: от теории к практике (Арчиковские чтения – 2020): матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. (Чебоксары, 5–8 ноября 2020 г.) / О.Е. Гаврилов, А.В. Димитриев, С.С. Еремеева [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 151–158.
4. Государственный доклад «Об экологической ситуации в Чувашской Республике в 2018 году». – Чебоксары, 2019. – 133 с.
5. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Чувашской Республики в 1996 г. – Чебоксары, 1997. – 103 с.
6. Демаков Ю.П. Динамика численности зайца-беляка и некоторые аспекты его поведения в заповеднике / Ю.П. Демаков, В.А. Корнеев, М.Н. Князев // Научные труды Государственного природного заповедника «Большая Кокшага». – 2015. – Вып. 7. – С. 258–273.

7. Дидорчук М.В. Динамика численности основных видов охотничьих животных в бассейне реки Сура в период с 1981 по 1993 гг. / М.В. Дидорчук, С.Г. Приклонский // Научные труды Государственного природного заповедника «Присурский». – 2000. – Т. 3. – С. 8–14.
8. Дмитриев А.В. Дополнительные сведения о биологии и экологии барсуков в Чувашии // Науки о Земле: от теории к практике (Арчиковские чтения – 2020): матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 5–8 ноября 2020 г.) / А.В. Дмитриев; ред. И.В. Никонорова, В.Н. Ильин. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 168–175.
9. Дмитриев А.В. О ресурсном потенциале глухарей в Чувашии / А.В. Дмитриев // Развитие чувашской государственности в условиях российского федерализма: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 301–310.
10. Дмитриев А.В. О ресурсном потенциале косуль в Чувашии / А.В. Дмитриев // Развитие чувашской государственности в условиях российского федерализма: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 311–320.
11. Дмитриев, А.В. О ресурсном потенциале ондатры в Чувашии / А.В. Дмитриев // Развитие чувашской государственности в условиях российского федерализма: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 255–264.
12. Дмитриев А.В. О ресурсном потенциале сурков (*Marmota bobak Müller*, 1776) в Чувашии / А.В. Дмитриев // Развитие чувашской государственности в условиях российского федерализма: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 321–328.
13. Дмитриев А.В. О ресурсном потенциале кабанов (*Sus scrofa L.*) в Чувашии / А.В. Дмитриев, О.Е. Гаврилов, Ф.А. Карагин [и др.] // Развитие чувашской государственности в условиях российского федерализма: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 274–283.
14. Дмитриев А.В. О ресурсном потенциале обыкновенных белок (*Sciurus vulgaris Linnaeus*, 1758) в Чувашии / А.В. Дмитриев, О.Е. Гаврилов, Ф.А. Карагин [и др.] // Развитие чувашской государственности в условиях российского федерализма: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 265–274.
15. Дмитриев А.В. О бурых медведях в Чувашии / А.В. Дмитриев, О.Е. Гаврилов, Ф.А. Карагин [и др.] // Науки о Земле: от теории к практике (Арчиковские чтения – 2020): матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 5–8 ноября 2020 г.) – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 159–167.
16. Дмитриев А.В. О ресурсном потенциале бобров (*Castor fiber L.*) в Чувашии // Развитие чувашской государственности в условиях российского федерализма: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей. / А.В. Дмитриев, Ф.А. Карагин, О.Е. Гаврилов [и др.]. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 245–254.
17. Дмитриев А.В. О ресурсном потенциале лосей (*Alces alces L.*) в Чувашии / А.В. Дмитриев, Ф.А. Карагин, О.Е. Гаврилов [и др.] // Развитие чувашской государственности в условиях российского федерализма: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 284–291.
18. Дмитриев А.В. О ресурсном потенциале зайцев-русаков в Чувашии / А.В. Дмитриев, Н.Н. Косулин // Развитие чувашской государственности в условиях российского федерализма: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 292–301.
19. Дмитриев А.В. Краткое описание Государственного природного заповедника «Присурский» / А.В. Дмитриев // Научные труды Государственного природного заповедника «Присурский». – 2001. – Т. 4. – С. 4–11.
20. Дмитриев А.В. О списке млекопитающих (Mammalia) Государственного природного заповедника «Присурский» / А.В. Дмитриев // Экологический вестник Чувашской Республики. – 2003. – Вып. 36. – С. 66–69.

21. Димитриев А.В. Реакклиматизация, охрана и восстановление численности степного сурка (*Marmota bobak Müller*, 1776) в Поволжье: дис. ... канд. биол. наук / А.В. Димитриев. – М., 2001. – 237 с.
22. Димитриев А.В. Состояние и перспективы развития особо охраняемых природных территорий Чувашской Республики / А.В. Димитриев, М.М. Гафурова // Экологический вестник Чувашии. – 1994. – Вып. 3. – С. 67–87.
23. Димитриев А.В. Природа Чувашии: Книга-альбом / А.В. Димитриев, И.С. Дубанов, К.К. Захаров [и др.]. – Чебоксары, Чувашское кн. изд-во, 2017. – 255 с.
24. Димитриев А.В. О экосистемно-популяционной регрессии охотничье-промышленных ресурсов за последние годы на примере Чувашской Республики / А.В. Димитриев, З.Н. Плечова, Г.Н. Плечов // Научные труды Государственного природного заповедника «Присурский». – 2000. – Т. 3. – С. 21–22.
25. Димитриев А.В. Проблемы и задачи охраны животного мира в Чувашской Республике / А.В. Димитриев, В.М. Шабалкин, М.М. Гафурова // Экологический вестник Чувашии. – 1994. – Вып. 3. – С. 40–50.
26. Димитриев А.В. Семикультуры: история, распространение, типы, технология, роль в АПК, биосфере и ноосфере / А.В. Димитриев, М.П. Шилов // Достижения науки и техники АПК. – 2018. – Т. 32. №9. – С. 12–16.
27. Понятова Т.И. Доклад «Об охране окружающей среды Чувашской Республики в 2006 году» / Т.И. Понятова, И.В. Трифонова, А.В. Димитриев. – Чебоксары, 2007. – 128 с.
28. Понятова Т.И. Доклад «Об охране окружающей среды Чувашской Республики в 2009 году» / Т.И. Понятова, М.Л. Запасова, А.В. Димитриев // Экологический вестник Чувашской Республики. – 2010. – Вып. 69. – 96 с.
29. Елисеев В.И. Краткая характеристика национального парка «Чăваш вăрманĕ» / В.И. Елисеев, В.П. Тихонов; отв. за вып. А.В. Димитриев // Научные труды национального парка «Чăваш вăрманĕ». – 2002. – Т. 1. – С. 4–9.
30. Карагин Ф.А. Современные гидроклиматические изменения в Чувашии / Ф.А. Карагин. – Кн. 1. – Чебоксары, 2007. – 268 с.
31. Карагин Ф.А. Современные изменения климата и лесное хозяйство / Ф.А. Карагин // Научные труды Государственного природного заповедника «Присурский». – 2010. – Т. 24. – С. 164–167.
32. Карагин Ф.А. Общая экологическая характеристика системы «Человек – Природная среда» в условиях Чувашской Республики / Ф.А. Карагин, А.Д. Димитриев, А.В. Димитриев // Экологический вестник Чувашии. – 1994. – Вып. 3. – С. 53–67.
33. Осмелкин Е.В. Заповедник «Присурский»: матер. к Государственному кадастру особо охраняемых природных территорий Российской Федерации. Монография / Е.В. Осмелкин, А.В. Димитриев, Л.В. Егоров [и др.]. – Чебоксары, 2013. – 64 с.
34. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы) / Н.Ф. Реймерс. – М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. – 367 с.
35. Схема размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории Чувашской Республики» (утв. Указом Главы Чувашской Республики от 16.10.2015 №160).
36. Шилов М.П. И расцветут лесосады в поместьях родовых / М.П. Шилов, Е.Н. Пряничникова, А.В. Димитриев, В.И. Петров; отв. ред. В.А. Пономарев. – Иваново, 2020. – 110 с.
37. Шилов М.П. Сады и ноосфера / М.П. Шилов, Ю.М. Шилов, А.В. Димитриев [и др.] // Научные труды Чебоксарского филиала Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН. – 2020. – Вып. 14. – 200 с.

Дроздов Виктор Викторович

д-р экон. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Московский государственный

университет им. М.В. Ломоносова»

г. Москва

Золотарева Вера Петровна

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Московский

политехнический университет»

г. Москва

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КАК ВОЗМОЖНАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КУРСА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация: статья посвящена новым методологическим подходам в преподавании экономической истории, одним из которых является модернизационная парадигма. Подчеркивается важность модернизационного подхода к исследованию исторических процессов для понимания современного состояния мировой экономики. Обосновывается применение его для изучения отечественной и зарубежной экономической истории. Авторы считают, что теория модернизации в ее современных вариантах может быть методологической основой курсов экономической истории. Этот подход позволит по-новому взглянуть на историю мировой экономики и повысить аналитический потенциал историко-экономических исследований.

Ключевые слова: модернизационная парадигма, методология, модернизация, догоняющая модернизация, Россия, экономическая история.

Важная роль экономической истории в формировании у будущих экономистов и менеджеров компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности, бесспорна. Однако степень реализации образовательного потенциала этой дисциплины во многом это зависит от того, насколько органичной будет ее интегрированность в процесс преподавания [3].

Классические подходы к преподаванию экономической истории, неоднократно и в течение достаточно длительного периода времени продемонстрировали свои преимущества. Однако проявились и ограничения, влияющие на эффективность изучения данной дисциплины.

Существующее сегодня многообразие подходов к изучению истории свидетельствует о попытке найти универсальное решение. Невозможно отрицать, что и у информационного, и цивилизационного, и историко-институционального, и культурологического подхода, и методологии миросистемного анализа есть сильные стороны. Это, однако, не снимает проблему поиска новых методологических модулей, свободных от недостатков и ограничений традиционных подходов.

Может ли быть модернизационная парадигма методологической основой современных курсов экономической истории (истории экономики, истории мировой экономики)?

При ответе на этот вопрос мы должны учитывать, что современные варианты модернизационной парадигмы (точнее, модернизационных теорий) заметно отличаются от вариантов середины XX в. Один из наиболее авторитетных представителей этого направления в российской историографии И.В. Побережников выделяет следующие этапы в эволюции школы модернизации: 1) вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.; 2) конец 1960-х – 1970-е гг.; 3) 1980-е гг.; 4) конец 1980-х – 1990-е гг. [7, с. 219].

На первом этапе сформировалась так называемая классическая версия теории модернизации. На втором этапе она подверглась критике со стороны марксистов, сторонников теории зависимого развития, а также миросистемного анализа И. Валлерстайна. Третий этап – время возрождения модернизационных теорий и их конвергенции со школами зависимого развития и миросистемного анализа. Четвертый этап, когда происходили фундаментальные трансформации в странах с социалистической экономикой, стал периодом становления неомодернизационных и постмодернизационных теорий [7, с. 219; 1, с. 7, 8].

С течением времени изменялось и содержание понятия «модернизация». На рубеже XIX – XX вв. под модернизацией понимали переход от традиционного общества к индустриальному, затрагивавший все сферы жизнедеятельности человека. В середине XX в. под влиянием деколонизации сформировалась линейная модель модернизации, согласно которой все страны в процессе перехода от аграрного общества к индустриальному, а затем и к постиндустриальному проходят одни и те же стадии. Постепенно концепция модернизации интегрировалась с экономической теорией развития, ориентировавшей развивающиеся страны на преодоление отставания от стран-лидеров. В 1960-х – 1970-х гг., когда стали очевидны неудачи в реализации модернизационных стратегий в странах Африки и Латинской Америки, появилось понятие «фрагментированная модернизация», отражавшее тот факт, что модернизирующийся базис может сосуществовать с недомодернизированной надстройкой. В конце XX – начале XXI в. концепция модернизации становится многолинейной, учитывающей набирающие силу процессы о глобализации, трансформацию общественно-экономического строя бывших социалистических стран, рост экономического потенциала Китая и стран Юго-Восточной Азии [7, с. 105–107].

Очевидно, если в качестве методологической основы курсов экономической истории использовать модернизационные теории 1950–1960-х гг. («классическую» модернизационную парадигму, представленную в работах С. Блэка, Д. Лернера, У. Ростоу и др.), то из рассмотрения выпадут многие исторические факты и процессы, не укладывающиеся в линейную модель развития. Конечно, эта модель не отрицала комплексности и многомерности изменений при переходе от традиционных обществ к современным. «Классическую» модернизационную парадигму, разработанную на основе исторического опыта стран Западной Европы и Северной Америки, можно было бы использовать для характеристики

индустриализации, урбанизации, развития рыночных отношений, структурно-функциональной дифференциации и секуляризации обществ стран «атлантической» цивилизации.

Однако линейная модель игнорировала асинхронность модернизационных изменений в разных секторах социально-экономических систем. По мнению ее сторонников, изменения в одних сферах немедленно порождают изменения в других. Все общества, согласно этой модели, проходят одни и те же стадии (фазы) модернизации. Модернизация считается прогрессивным необратимым процессом, который ведет к унификации и конвергенции сообществ. Недостатком линейной модели, делающей ее малопригодной в качестве основы группировки и анализа эмпирического материала в курсах экономической истории, является и то, что в ней так или иначе акцент делается на капиталистический вариант развития, в то время как исторический опыт социалистических стран считается девиантным или игнорируется.

Заметным усовершенствованием теории модернизации стала модель фрагментированной (парциальной, частичной) модернизации, допускающей существование в течение длительных периодов переплетений модернизированных, недомодернизированных и традиционных структур, а также диффузию социально-экономических и социокультурных практик между обществами с разным уровнем развития. По оценке И.В. Побережного, концепция парциальной модернизации означает «предоставление права на существование еще одному пути (ответвлению), пускай неполноценному, от традиционности к современности» и является шагом «в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики» [7, с. 235].

На наш взгляд, современная теория модернизации («неомодернизационный анализ») может быть основным или одним из основных методологических модулей курсов истории (в том числе экономической истории), так как позволяет структурировать многие исторические явления и процессы в разных странах. Она допускает возможность национальных моделей модернизации, отличных от движения в сторону западных институтов и ценностей, признает роль социокультурных традиций и экзогенных факторов в историческом развитии, возможность волевого вмешательства в процесс модернизации. Теоретическое ядро современной концепции модернизации свободно от эволюционистского телеологии и от трактовки модернизации как единого и непрерывного процесса системных изменений. Как справедливо отмечает И.В. Побережников, «модификация теоретических основ модернизационного подхода способствовала превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности» [7, с. 244–245].

Говоря о возможности использования теории модернизации в качестве методологической основы при построении курса экономической истории и, в частности, экономической истории России, необходимо отметить, что модернизационная парадигма может быть наиболее эффективной при фокусировании материала на новейшем периоде и на проблемах экономического роста. Такое фокусирование вполне оправдано с точки зрения

формирования профессиональных компетенций будущих специалистов и довольно распространено в практике преподавания экономической истории в зарубежных вузах.

В качестве примера рассмотрим применение модернизационного подхода на примере развития хозяйственных систем в ракурсе концепции «догоняющей модернизации».

Исследование истории протекания модернизационных процессов в различных странах позволяет структурировать страны «догоняющей модернизации». При этом основными классификационными критериями служат:

- хронологический подход – по времени прохождения процесса «догоняющей модернизации» (страны «первой», «второй» и «третьей» волн);
- национально-исторический подход, связанный со страновыми особенностями становления индустриальных хозяйственных систем.

Анализ модернизационных процессов, характерных для мировой экономики второй половины XIX в. – начала Первой мировой войны, с определенной долей условности, позволяет выделить такие важнейшие страны «первой волны» «догоняющей модернизации», как США, Россия, Германия, Канада, Япония, Австро-Венгрия.

С учетом специфики модернизации их хозяйственных систем их можно разделить на три группы: 1 группа – страны «переселенческого капитализма» (США, Канада); 2 группа – страны «новой государственности» (Германия, Австро-Венгрия); 3 группа – страны «периферийного капитализма» (Российская Империя, Япония, Китай) [5, с. 362–363].

Различные результаты «догоняющей модернизации» в рассматриваемых группах стран позволяют сделать предположение о важности особенностей в их развитии, что нашло отражение в существовании различных национальных типов модели «догоняющей модернизации», таких как: «экспорт капитализма» – в США; «доминионная» – в Канаде; «мобилизационно-милитаристская» – в Германии; «государственно-национальная» – в Японии; «этнонациональная» – в Австро-Венгрии; «наименьшего сопротивления» – в России и «имперская модернизация» – Китай [4, с. 34–39].

Таким образом, признание в результате эволюции модернизационной парадигмы возможности существования национальных моделей, а также необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной исторической действительности, объективно приводит к выявлению национальных типов модели «догоняющей модернизации». Этот дискуссионный вопрос особенно актуален для современной науки, поскольку именно такая постановка проблемы дает оценку перспектив ускорения развития национальных хозяйственных систем, а также позволяет сформировать представление о наиболее эффективном направлении развития в рамках того или иного типа модели.

В истории как дореволюционной, так и советской и современной России модернизация имела и имеет «догоняющий» характер. Однако модели этой «догоняющей» модернизации в разные периоды нашей истории были неодинаковы. На наш взгляд, следует различать «модель наименьшего сопротивления», «мобилизационную модель», «гибридную модель» и «трансформационную модель». Эти модели соотносятся с конкретными

периодами в истории России, имеют качественное своеобразие, которое необходимо учитывать и раскрывать при группировке историко-экономического материала и преподавании курса истории России.

«Модель наименьшего сопротивления» как модель «догоняющей» модернизации относится к периоду индустриального развития в условиях капиталистической перестройки российской экономики (1860-е гг. – 1914 г.), когда происходило формирование индустриальных структур и институтов современного типа. «Мобилизационная модель» характерна для Первой мировой войны и большей части советского периода (1914 г. – середина 1960-х гг.). «Гибридная модель» относится к последним десятилетиям советской истории (середина 1960-х – начало 1990-х гг.). В постсоветский период (начало 1990-х – 2010-е гг.), несмотря на процессы демодернизации в ряде отраслей экономики и некоторых сферах общественной жизни, происходила модернизация социально-экономических институтов и бизнеса (особенно в сервисных отраслях экономики). На наш взгляд, в эти годы также имело место «догоняющее» развитие, модель которого, с известной долей условности, может быть названа «трансформационной» [2, с. 187–190].

Теория модернизации в ее современном варианте вооружает исследователя довольно развитым научным инструментарием, пригодным для историко-экономического анализа. Она позволяет лучше понять историю и логику преобразований в разных сферах жизни общества, в том числе и в экономике. При этом важно подчеркнуть, что она не отвергает научные элементы широко известных концепций экономического развития (в частности, схемы Ф. Листа, Б. Гильдебранда, К. Бюхера, К. Маркса – Ф. Энгельса, У. Ростоу и др.). Это позволяет широко использовать работы многих поколений ученых в образовательном процессе и в научных исследованиях.

В настоящее время в отечественном обществоведении теория модернизации является одной из основных социологических макротеорий наряду с формационной и цивилизационной [7, с. 217]. Российскими историками и экономистами опубликованы ценные исследования по теории и истории модернизации [1, с. 4–17]. Использование их результатов в преподавании историко-экономических дисциплин позволит повысить научный уровень, качество и эффективность образовательного процесса.

Список литературы

1. Алексеев В.В. Модернизационная парадигма российской истории / В.В. Алексеев, И.В. Побережников // Бюллетень Научного совета Российской академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории. – 2006. – №4. – С. 7–17.
2. Дроздов В.В. Эволюция моделей догоняющей модернизации России во второй половине XIX – начале XXI в. / В.В. Дроздов, В.А. Погребинская, В.П. Золотарева // Федерализм. – 2018. – №4. – С. 184–191.
3. Дроздов В.В. Роль экономической истории в подготовке современных специалистов в области экономической теории и практики / В.В. Дроздов, В.А. Погребинская, В.П. Золотарева // Экономическое возрождение России. – Экономическое возрождение России. – 2018. – №3 (57). – С. 71–77.
4. Золотарева В.П. Типологизация моделей «догоняющего развития» в странах «второго эшелона капитализма» / В.П. Золотарева // Горизонты экономики. – 2016. – №2 (28). – С. 33–41.
5. Золотарева В.П. Типологизация национальных моделей «догоняющей модернизации» // Журнал экономической теории. – 2019. – №3. – С. 362–367.

6. Мальцев А.А. Модернизационная парадигма: теоретические подходы и исторический опыт // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №4. – С. 105–108.
7. Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции / И.В. Побережников // Проблемы истории России. – 2001. – №4. – С. 217–246.
8. Побережников И.В. Позднеимперская модернизация России второй половины XIX века: концептуально-историографический аспект / И.В. Побережников, П.А. Сперанский // История и современное мировоззрение. – 2019. – №1. – С. 53–57.
9. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) / В.М. Полтерович // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – №5. – С. 34–56.
10. Пономарев А.А. Экономическая политика и задачи ускоренной модернизации экономики России / А.А. Пономарев // Экономика и предпринимательство. – 2021. – №2 (127). – С. 209–211.
11. Прокопьев Д.А. Проблемы экономической модернизации России конца XVIII – начале XX века в контексте мирового развития / Д.А. Прокопьев // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – №28. – С. 1453–1458.
12. Родионова И.В. Историческая эволюция России с позиций модернизационной парадигмы: Методические рекомендации по курсу «Отечественная история» / И.В. Родионова. – М.: Московский государственный институт электроники и математики, 2006. – 22 с.
13. Теория и методология истории: учебник / Л.Е. Гринин, Л.Б. Алаев, А.В. Коротаев [и др.]; отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев [и др.]. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.
14. Трофимов А.В. Модернизационная парадигма российской истории XX в. (по страницам «Уральского исторического вестника») / А.В. Трофимов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22. №1. – С. 43–47.
15. Яковлев А.И. Три столетия реформ и революций в России / А.И. Яковлев. – М.: Вече, 2020. – 448 с.
16. Федотова В.Г. Роль модернизации в цивилизационном проекте для России / В.Г. Федотова // Вопросы социальной теории. – 2020. – Т. 12. – С. 222–236.
17. Waldron P. Empire and modernization: Russia before 1917 / P. Waldron // Vestnik RFFI. – 2020. – №1 (105). – С. 56–58.

Егоров Дмитрий Александрович
магистрант

Юманова Ульяна Валерьевна
канд. геогр. наук, доцент, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-98401

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ДЕПРЕССИВНОСТИ РЕГИОНОВ

Аннотация: в статье анализируются основные методы оценки депрессивности регионов, разработанные в разные периоды. Выявленные подходы к комплексной оценке депрессивности основаны преимущественно на математических методах агрегирования финансово-экономических индикаторов. Приводятся результаты интегральной оценки уровня депрессивности регионов Центральной России, основанной на компонентном анализе в динамике. Положительными тенденциями оценки стали снижение безработицы, преступности и алкогольных психозов. Комплексная индексная оценка показывает общее снижение уровня депрессивности и региональное сглаживание.

Ключевые слова: депрессивность регионов, территориальное неравенство, индексный метод, ранжирование, Центральная Россия.

Исследование депрессивности регионов и выделение подходов к его оценке является относительно новым направлением в отечественных обществоведческих науках. Формирование данного направления связано с усилением территориального социально-экономического неравенства и выделением отсталых регионов, получивших название депрессивных.

Депрессивными называют территории, на которых в связи с рядом экономических, социальных, политических и других причин не имеют результата стимулирующие действия для развития [5]. Заинтересованность государства в преодолении кризисного положения отстающего региона должна быть высока, иначе социально-экономическое положение на данной территории будет усугубляться. Это может привести к возникновению очагов социально-экономического и политического напряжения.

История исследований депрессивности регионов в разных странах берет начало с середины XX века. На сегодняшний день все еще остаются актуальными проблемы разработки методов и подходов к оценке депрессивности. В связи с различным уровнем развития регионов, необходимо использовать методы для исследований, которые позволяют провести комплексную оценку диспропорций территорий. Результаты существующих методов имеют расхождения преимущественно по причине различий в наборе используемых показателей.

Во второй половине XX века профессором экономики университета Джона Хопкинса в США Стивеном Ханке был разработан «Индекс экономического неблагополучия» [6]. Индекс показывает динамику

важнейших макроэкономических показателей в данный период времени. Основу для исследования составляют четыре показателя имеющиеся в свободном доступе: показатель безработицы, инфляция Барро, средняя ставка по банковским кредитам, прирост ВВП отчетного периода. Расчет по данным показателям является одним из самых простых: сумма первых трех показателей сокращается на величину прироста ВВП за отчетный период. Метод применяется для составления рейтинга стран, а на основании индексной оценки можно рассматривать проблемы внутри страны и проводить комплексную оценку необходимых мер поддержки развития, так как каждый показатель несет в себе ряд других причин, которые дополняют друг друга и дестабилизируют состояние всей страны.

В конце 90-х годов XX века российским экономистом А.Г. Гранбергом был предложен метод сопоставления статистических показателей с «пороговыми» значениями [2]. Базу его исследования составляют 4 показателя: индекс промышленного производства, уровень безработицы, отношение денежных доходов к прожиточному минимуму, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. «Пороговые» значения – предельно допустимые величины, приближение к которым свидетельствует о нарастании угроз социально-экономической стабильности общества, а превышение «порога» о подрыве экономической безопасности.

В 1998 году постановлением правительства РФ был принят метод определения депрессивных регионов, который основывался лишь на двух индикаторах – социально значимые расходы по бюджетам субъектов РФ и доходы субъектов РФ с учетом финансовой помощи [4]. Метод представляет расчетное превышение расходов над доходами в объеме регионального бюджета по субъектам России. Доходы субъектов Российской Федерации определяются с учетом финансовой помощи, выделяемой из федерального бюджета, увеличенные на источник для покрытия дефицита бюджетов в виде 20 процентов недоимки. Для депрессивных регионов расчетное превышение расходов над доходами в объеме бюджета в процентном отношении должно иметь положительное значение, то есть быть выше нуля. Для таких регионов определяется абсолютная сумма ее расчетного превышения.

В работе по исследованию финансовых проблем депрессивных регионов Л.С. Вигандт, вышедшей в 2004 году, представлены результаты ранжирования регионов по 12 базовым оценочным индикаторам, с дальнейшим расчетом балльной оценки посредством вычета ранга региона от среднего ранга по стране [1]. Автор методики установлена градация типологии регионов: депрессивные регионы, регионы близкие к депрессивному состоянию.

В последнее время публикуются результаты региональных исследований с опорой на создание расчетного интегрального показателя, предполагающего агрегирование информации, с последующим ранжированием и типизацией регионов. В России установились два основных подхода расчета: «пороговых значений» и расчета интегрального показателя.

На основе методики индексного расчета интегрального показателя было проведено исследование депрессивности регионов Центральной России [3]. Для определения тенденций развития депрессивных регионов применялась система основных индикаторов депрессивности.

Разработанная система индикаторов включает в себя 7 показателей. Для более полного анализа поставленной задачи было применено 2 подхода: традиционный (сравнительный анализ, графические и картографические методы) и современный (математические методы для расчета индексных показателей и геоинформационные технологии для создания макетов карт). В исследовании использовались данные Федеральной службы государственной статистики, портала МВД и Министерства здравоохранения. Для правильной оценки показателей депрессивности, необходимо проводить стандартизацию первичных данных. Данный способ имеет недоработку, в связи с тем, что значения могут принимать как положительные, так и отрицательные значения. Для комплексного анализа были взяты показатели стимулянты (с повышением показателя, увеличивается уровень депрессивности) и дестимулянты (повышение значения отражает благоприятное функционирование населения). Стимулянты: количество алкогольных психозов, безработица, уровень бедности, количество зарегистрированных преступлений. Дестимулянты: ВРП на душу населения, инвестиции в основной капитал, коэффициент миграционного прироста. Для повышения точности экспертым методом были определены весовые коэффициенты, распределенные по значимости. В качестве потенциальных планируется использование индикаторов социального расслоения населения, декларированные доходы глав субъектов [7] и других.

По результатам исследования за 2013 и за 2018 годы в регионах Центральной России наблюдается рост как сдерживающих депрессивность показателей, так и усугубляющих ее. Общие краткие результаты следующие: ВРП увеличился с 268,5 до 381 тыс. рублей, объем инвестиций в основной капитал на д.н. вырос с 67 до 78 тыс. рублей, показатель безработицы снизился с 0,724 до 0,692, уровень бедности вырос с 0,349 до 0,356, уровень преступности снизился с 0,522 до 0,424, коэффициент миграционного прироста стал отрицательным (0,720 в 2013 г. и 0,628 в 2018 г.), спад алкогольных психозов с 0,621 до 0,545. По итогам комплексной оценки было выделено четыре типа регионов ЦР по уровню депрессивности: стабильные регионы с минимальным уровнем депрессивности, умеренно-депрессивные, депрессивные и крайне депрессивные регионы. Метод расчета интегрального показателя позволил провести комплексную оценку развития территорий.

В целом выявленные подходы к комплексной оценке депрессивности основаны преимущественно на математических методах агрегирования преимущественно финансово-экономических индикаторов.

Список литературы

1. Вигандт Л.С. Теоретические основы управления финансовыми ресурсами депрессивных регионов: диссертация / Л.С. Вигандт. – СПб., 2004. – 435 с.
2. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов / А.Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 495с.
3. Егоров Д.А. Территориальные изменения в оценке депрессивности регионов Центральной России / Д.А. Егоров, У.В. Юманова // Науки о Земле: от теории к практике (Арчиковские чтения – 2020). – Чебоксары: Изд-во «Среда», 2020. – С. 268–272.
4. О дополнительной финансовой поддержке депрессивных регионов: Постановление Правительства РФ от 19.09.1998 №1112 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20345/

5. Орешин В.П. Регулирование региональной экономики: специфика и альтернативы. Лекции по спецкурсу / В.П. Орешкин. – М.: МАКС-Пресс, 2001. – 166 с.

6. Ханке С. Индекс экономического неблагополучия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/25379186.html>

7. Nikolai A. Kazakov, Ulyana V. Yumanova, Inna V. Nikonorova, Mikhail Yu. Kharitonov, Peter N. Matyushin. Declared Incomes of Heads of Regions and Indicators of Socio-Economic Development of Constituent Entities of the Russian Federation in the Volga Federal District Turismo: Estudos & Práticas (UERN), Mossoró/RN, Caderno Suplementar 03, 2020 [Electronic resource]. – Access mode: <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/index> ISSN 2316–1493

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: статья посвящена поиску критериев выделения этапов современной истории органов прокуратуры Чувашской Республики. Основой для ее написания стал обзор утвердившихся в российской историографии методологических подходов к проблеме периодизации и исследование отдельных аспектов развития прокуратуры Чувашии в конце XX – начале XXI в.

Ключевые слова: Чувашская Республика, прокуратура, методология, периодизация, макросоциальные процессы.

Выделение этапов определенного исторического процесса само по себе является достаточно сложной методологической задачей. В этом отношении ключевым аспектом ее решения служит определение критерия, относительно которого мы наблюдаем существенное изменение характера процесса. В традициях отечественной историографии мы имеем два наиболее заметных критерия. Первый из них наиболее внешне привлекателен и неоднократно апробирован еще дореволюционной российской историографией. Он состоит в выделении исторических периодов в связи с личностью руководителя, лидера социальной структуры, выступающей в качестве предмета изучения.

Подобным образом в России строилось изучение отечественной истории, когда ее отдельные периоды прежде всего рассматривались в контексте правления того или иного правителя (великого князя, царя императора). Так, например, выстраивались результаты обзорных исследований В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина.

В советский период подобный подход был подвергнут неоднократной критике в силу соблюдения марксистского подхода к роли личности в истории, которая признавалась таковою только в случае соответствия ее

деятельности прогрессивным историческим задачам. Самое забавное, что в практике применения подобной трактовки нового личностного подхода в ряде случаев мы получали историческую периодизацию, мало отличавшуюся от прежних образцов. Поэтому в структуре обзорных работ, посвященных советской истории, фактически выделяется период правления «мудрого» В.И. Ленина, «жестокого» И.В. Сталина, «оттепельно-волюнтаристского» Н.С. Хрущева, «застойного» Л.И. Брежнева.

Если беспристрастно оценивать подобный личностный подход к выделению значимых периодов развития исторического процесса, то следует признать, что, несмотря на внешний примитивизм, он сохраняет свою актуальность в отечественных условиях. Причина этого явления в сохранении патриархально-подданической политической культуры, определяющей всю линию исторического развития нашей страны, начиная с момента ее создания. Естественным следствием этого стала реальная высокая степень значимости личностной деятельности руководителей.

Второй, широко распространявшийся в советский период, методологический подход, уже упомянутый выше, состоял в рассмотрении глобальных периодов на основе протекавших в них социально-экономических изменений. Но марксистский подход базировался именно на экономических процессах, это вызывало нивелирование роли личностей, при том, что современники «невооруженным глазом» видели, что правление В.И. Ленина явно отличается от руководства И.В. Сталина, направление деятельности Н.С. Хрущева просто явно демонстрирует свое противопоставление предыдущему периоду.

Таким образом, оба описанных подхода содержат явные недостатки, но сохраняют и явную значимость, поэтому заявить о полном отказе от них, не предложив определенной, хотя бы скромной альтернативы, будет недостаточно.

Для выработки подобной альтернативы следует учесть такую современную тенденцию развития методологии исторической науки, как актуализация междисциплинарных исследований. Эта тенденция выражается как в синтезе конкретных методик, так и в выработке глобальных методологических подходов. В связи с этим периодизацию современных исторических процессов следует рассматривать в контексте макросоциальных процессов. В чем достоинства такого подхода? Прежде всего он позволяет избежать крайностей обоих описанных выше методов.

При решении задачи изучения истории прокуратуры Чувашии это позволит, во-первых, рассмотреть процесс ее развития в 1990-х – начале 2000-х гг. на фоне глобальных изменений, происходивших в российском обществе и государстве. Во-вторых, следует учсть тот фактор, что органы прокуратуры в том числе и в демократическом государстве обладают высоким уровнем персональной ответственности и жесткой вертикальной иерархией служебных взаимосвязей. В них, как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях, многие аспекты служебной деятельности строятся вокруг методов, стиля, подходов непосредственных руководителей. Поэтому не учитывать роль личностного фактора в данном случае нельзя. Если же мы подойдем к изучению современной истории республиканской прокуратуры на основе контекста макросоциальных

процессов, то сможем сочетать достоинства обоих описанных выше подходов.

Кроме того периодизация развития прокуратуры Чувашской Республики должна учитывать происходившие на знаменательном этапе рубежа ХХ–XXI веков изменения в содержании российского права, трансформации в социальной структуре населения страны, уровень правовой культуры, появление новых текущих задач в практической деятельности правоохранительных органов. Все это возможно только при условии рассмотрения данного процесса в контексте макросоциальных процессов, прямо отражающих его междисциплинарное содержание. При этом ценность предполагаемого издания, посвященного истории прокуратуры республики, только возрастет. О востребованности именно исторического исследования говорят в том числе и сами работники органов прокуратуры Чувашии [1, с. 5].

Используя указанный подход на практике, периодизацию современной истории прокуратуры Чувашии можно свести к трем основным этапам.

Первый этап охватывает 1991–1999 гг. Начало этого этапа обосновывается собственно периодом воссоздания суверенной российской государственности и возникшими в связи с этим новыми условиями работы органов прокуратуры. Содержание данного этапа составляют организационные и нормативные изменения, произошедшие в деятельности прокуратуры республики, отражающие макросоциальные процессы, протекавшие в российском обществе. В этот же период происходит глобальное изменение в подходе к решению проблемы подготовки кадров для прокуратуры республики [3, с. 134]. В личностном плане этапе совпадает с деятельностью Е.П Жучкова и С.В. Русакова на посту прокурора Чувашской Республики [2].

Второй этап имеет хронологические рамки 2000–2009 гг. В данном случае начальная дата определяется процессом укрепления государственности России и последовавшим в связи с этим ростом значимости деятельности федеральных институтов власти, в том числе и органов прокуратуры. Определяющим личностным фактором в данном случае будет являться избрание в 2000 г. В.В. Путина на должность Президента РФ, в том же году на должность прокурора Чувашии был назначен С.П. Зайцев, ставший во многом «знаковой» персоной на этом посту. Он проработал в этом качестве до 2004 г., но с 2011 г. получил новое назначение – заместителя Генерального Прокурора РФ по Приволжскому федеральному округу, связав себя таким образом с родным регионом (С.П. Зайцев – уроженец соседнего Татарстана) на долгий период служебной карьеры.

Третий этап современной истории прокуратуры составляют 2010–2020 гг. В данном случае окончание предыдущего и начало данного этапа следует обосновывать актуализацией определенных направлений работы органов прокуратуры, получивших особую социальную востребованность и особо выделенных в связи с этим в рамках общей государственной политики. В 2009–2010 гг. вступают в силу ряд нормативных актов Чувашской Республики, актуализировавших проблему борьбы с коррупцией. Они стали продолжением реализации этого направления деятельности федеральной прокуратуры, начатого в 2008 г. [4]. Определенным личностным

фактором, также влияющим на выбор начала указанных хронологических рамок следует считать смену руководства Чувашской Республики.

Таким образом, рассмотрение современной истории прокуратуры Чувашии в контексте макросоциальных процессов позволяет выделить три этапа с достаточно определенными хронологическими рамками, примерно соответствующих друг другу по временной протяженности. Все три десятилетия обладают собственным отличительным контентом, отражающим специфику социального развития, и богатой хроникой непосредственной деятельности органов прокуратуры республики.

Список литературы

1. Прокуратура Чувашской Республики вчера и сегодня / сост. И.Г. Сахаров [и др.]. – Чебоксары: СВ-Пресс, 2010. – 244 с.
2. Прокуратура Чувашской Республики отмечает 90 лет со дня основания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chgrtr.ru/novosti/prokuratura-chuvashskoy-respubliki>
3. Ухтияров А.И. Юридические кадры Чувашии: исторический аспект // Вестник Российского университета кооперации. – 2015. – №3. – С. 129–135.
4. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 №273-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

Попова Татьяна Николаевна

канд. ист. наук, доцент
Одесский национальный университет
имени И.И. Мечникова
г. Одесса, Украина

О ПОНЯТИИ «МИКРОСКОПИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ» В ТВОРЧЕСТВЕ П.М. БИЦИЛЛИ

Аннотация: в статье рассматривается понятие, введенное П.М. Бицилли для обозначения собственной методики работы с нарративными источниками; анализируются варианты применения этого понятия в современной литературе; предлагается авторская формула – «исследовательская акрибия» – для характеристики индивидуального почерка ученого.

Ключевые слова: бициллиеведение, микроскопия, микрография, историческая микроскопия, микроскопический анализ, исследовательская акрибия.

Петр Михайлович Бицилли (1879–1953), профессор Новороссийского (Одесского), затем Софийского университетов, ныне – всемирно признанный ученый, обладавший широчайшим диапазоном гуманитарного знания. Совершив вынужденный «исход» и пополнив ряды научной эмиграции (с 1920 г.), П.М. Бицилли вошел в болгарскую историографию, привнеся в нее лучшие традиции российской науки и своей *alma mater* – Новороссийского университета. «Постижение Бицилли» в современной историографии набирает темпы, что позволяет констатировать факт институционализации особого исследовательского пространства с

интернациональным составом участников – *бициллиеведения*. Вместе с тем многие вопросы персональной истории ученого – личностной и профессиональной – остаются в поисковой и дискуссионной плоскости. Среди них – вопрос о понятии «микроскопический анализ».

В университетском издании «Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет» в 1929 г. была опубликована статья П.М. Бицилли на французском языке – «*J.J. Rousseau et la democratie*» («Жан Жак Руссо и демократия»), в которой П.М. Бицилли предпринял подробный анализ произведений мыслителя, названный им самим – «*микроскопический анализ*».

Впервые этот факт зафиксировала М.Н. Велева, профессор Софийского университета [3, с. 83]. В современной литературе термин «микроскопия» в контексте изучения наследия П.М. Бицилли получил интерпретативные вариации наряду с фигулярным обыгрыванием слова.

Т. Галчева и Г. Петкова (София) ввели в научный обиход формулу «историческая микроскопия» с четким смысловым наполнением: «Мы не знаем, если бы у П.М. Бицилли снова появилась возможность работать в библиотеках Италии, стал бы он заниматься «исторической микроскопией», к которой у него было пристрастие, или нет». Эта мысль идет в контексте письма П.М. Бицилли к Ивану Дуйчеву, в котором ученый жаловался на отсутствие необходимых ему материалов для работы над тематикой по истории францисканства [5, с. 340]. Содержание этой формулы в данном контекстеозвучно понятиям «малая форма» и «микрография», обозначающими жанровое разнообразие литературных и научных произведений небольшого объема: эссеистика, рецензии, заметки, краткие статьи, обзоры и т. п. Эта группа трудов действительно занимает значительную часть творческого наследия П.М. Бицилли. Большинство авторов относят этот факт – множество публикаций т.н. «малой формы» – с особынностью творчества ученого.

Однако «мелкотемье» и «малые формы» были характерны для российской научной эмиграции 1920–1930-х гг., что объяснялось в первую очередь ситуационным фактором – отсутствием возможности для публикации крупных исследований и собственно созданием работ «большой формы». Даже видные российские ученые (например, А.А. Кизеветтер и др.) вынужденно «уходили» в такие жанры, как рецензии, обзоры, небольшие статьи, юбилейная портретистика и т. п. А.В. Флоровский, близкий друг П.М. Бицилли, сам ставший «европейцем поневоле», глубоко изучил этот вопрос и четко определил специфику творчества многих историков-эмигрантов: переключение на «малые формы» исследований и публикаций [7, с. 467–484].

Понятия *микроскопический анализ* и *историческая микроскопия* – нетождественны. У Т. Галчевой, кстати, есть другое выражение – «короткая» научная форма» для произведений П.М. Бицилли «жанровой неустановленности» [4, с. 36].

Для П.М. Бицилли, как и для многих его коллег, публикация небольших по размеру работ – преимущественно статей и рецензий – была, с одной стороны, вынужденной мерой при отсутствии архивов и специализированной источниковой базы (лично для него – медиевистической направленности) и т. п., с другой – сам ученый был против традиционной

«иерархии» произведений художественной прозы, согласно которой на первом месте был «роман», а затем – повесть и рассказ. Гениальность А.П. Чехова, например, П.М. Бицилли связывал в первую очередь с чеховскими рассказами. Этот вывод историка можно соотнести и с научными работами: «многотомник», монография, статья, рецензия и проч. П.М. Бицилли считал, что важны более не количественные, но качественные критерии: в «малых» произведениях в значительно большей степени, по его мнению, возможно достижение «синтеза» – полного выражения авторского «духа» [1, с. 205].

В отношении понятия «микроскопический анализ» интересны соображения М.А. Васильевой (Москва). С ее точки зрения «метод мелких наблюдений», практикуемый А.Л. Бемом, как и «микроскопический анализ» П.М. Бицилли, – это предметный анализ текста, свободный «от заданных теоретических конструкций и вольных интерпретаций», это – «постоянное обращение к тексту самого произведения». Этот метод становится для П.М. Бицилли «принципиальной альтернативой как аморфным околонаучным рассуждениям… так и агрессивной «структуртирующей» мысли». Техника текстуального анализа ученого нацелена на выявление «индивидуальности художественного произведения», особого, собственного стиля автора, в котором нет ничего случайного, «лишнего», «усеченного», в котором каждая «незначительная ликсема» подчинена «единому центру» и не может быть заменена «без разрушения целого». Отталкиваясь от «мелких» стилевых наблюдений», П.М. Бицилли совершил «головокружительные траектории», выходя «за пределы стилевого анализа текста». М.А. Васильева предполагает, что можно говорить о целом оригинальном направлении в среде эмигрантской научной элиты, к которому примыкали филологи А.Л. Бем, Р.В. Плетнев, Д.И. Чижевский, Н.М. Бахтин, литературный критик Г.В. Adamович, философы В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, психиатр Н.Е. Осипов и др. Ведущая черта, объединяющая этих ученых и писателей – «метафизика конкретного», которая проявлялась в индивидуальном творчестве по-разному: через «метод мелких наблюдений» у А.Л. Бема; через критику этического формализма у Д.И. Чижевского; через «микроскопический анализ» у П.М. Бицилли, ярчайшего представителя этого направления в литературоведении [3, с. 49–51].

«Микроскопический анализ» – понятие, примененное самим П.М. Бицилли к конкретной работе, конечно, может быть расширено и экстраполировано на все его творчество. Профессиональный подход в работе с источниками был характерен для П.М. Бицилли с молодых лет. Еще в одесский период В.Э. Круisman, профессор Новороссийского, затем Пермского университетов, друг, коллега и во многом наставник Петра Михайловича, так определял специфику научного почерка молодого ученого: «...восхождение автора от широкой проблемы, им себе поставленной, в самую глубь первоисточников, и решение проблем там, на историческом материале, а не отвлеченным рассуждением» [6. с. 358.].

Не исключаю того, что П.М. Бицилли употребил формулу «микроскопический анализ» как метафору, подчеркнув тщательность и скрупулезность своей работы с текстами Ж.-Ж. Руссо.

Работа с источниками – профессиональный канон историка; другой вопрос – методика работы с источниковым материалом всегда

индивидуальна, несмотря на единые параметры. Для источникового корпуса, которым оперировал П.М. Бицилли, было характерно преобладание многожанрового нарратива, документальный материал практически отсутствовал в его исследованиях. Подход к анализу этих материалов «вторичного плана» – научных работ по истории и художественных произведений – определял фокус его исследовательского видения: историографический для исторических сочинений и литературно-критический для литературных. Историографический / критический стержень в творчестве ученого – ключевая черта его научного профиля, нацеленного на тщательное, глубинное выявление «духа» и «стиля» – автора конкретного труда, культурно-исторической эпохи, определенного произведения. Допускаю, что эту специфику исследовательской методики П.М. Бицилли можно назвать «исследовательская акрибия», акцентуируя его индивидуальный почерк.

Список литературы

1. Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. – М.: Русский путь, 2000. – С. 204–358.
2. Васильева М.А. Петр Бицилли как диалогический мыслитель // Opuscula Slavica Sedlicensia. T. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур: монография / под ред. Р. Мниха. – Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. – С. 39–60.
3. Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. – София: Гутенберг, 2004. – 162 с.
4. Галчева Т. П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы / сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр.П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Т. 1. – София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. – С. 7–40.
5. Галчева Т. Писма на проф. П.М. Бицилли до акад. Ив. Дуйчев / Т. Галчева, Г. Петкова // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Т. 97 (16). – С. 337–354.
6. Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. – Одесса: Астропринт, 2007. – 536 с.
7. Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. Ч. 1. – София, 1932. – С. 467–484.

Рысева Анастасия Александровна

студентка

Сидорчук Илья Викторович

канд. ист. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический

университет Петра Великого»

г. Санкт-Петербург

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОТ КАРИКАТУР 1930-х ГГ. ДО ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Аннотация: в рамках исследования авторы провели попытку обращения к карикатурам 1930-х гг. и современным интернет-мемам с целью выявления их особенностей и перспективности использования при изучении международных отношений. В качестве основного материала исследования были выбраны карикатуры китайского иллюстративного журнала «Шидай маньхуа», выходившего в Шанхае в 1934–1937 гг., советского журнала «Крокодил», выпуски которого неизменно включали в себя сатирическую по международной повестке, и современные интернет-мемы. Авторы обратились к системно-структурному подходу и методике сравнительно-сопоставительного анализа. Также были использованы методы визуальной истории, кросс-культурных исследований и имагологический подход, позволивший изучить «графический образ» России, Китая и ряда других стран, явившихся героями карикатур и интернет-мемов. Результаты исследования показали, что в советских карикатурах 1930-х гг. Китай рассматривался лишь в контексте глобального идеологического противостояния и использовался для осуждения Японии, Германии, западных капиталистов. Во многом схожим было отношение к СССР у китайских карикатуристов, на работах которых он представлялся лишь одним из ряда других сильных государств – потенциальных агрессоров. Обращение к современным китайским мемам показывает, что с одной стороны, Россия не воспринимается как соперник и тем более враг. При этом оно демонстрирует невысокий уровень интереса китайцев к северному соседу. Российские мемы отражают иную ситуацию. В отличие от официально тиражируемых слов о прочности российско-китайской дружбы и доверии, мемы часто показывают потенциальную опасность Китая для России, то есть речь идет о несоответствии государственных установок и реального образа Китая и китайцев, формирующемся среди интернет-пользователей.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, СССР, визуальные источники, карикатуры, интернет-мем.

Введение

Принципиальная важность выстраивания и поддержания конструктивных и плодотворных российско-китайских отношений на настоящем этапе ставит актуальной для этнографов, лингвистов, историков, регионаловедов, социологов и представителей ряда других общественно-политических наук вопрос о выборе источников для их изучения. «Визуальный поворот» и

переход социогуманитарного знания к изучению визуальности, предлагает обращение к изобразительным источникам. В частности, речь идет о политических карикатурах и интернет-мемах, являющихся особыми механизмами передачи и хранения культурной информации, источниками отражения современной реальности, легкими для восприятия и запоминания. Обращение к ним потребителя обычно не связано с целенаправленным поиском информации, а является частью досуговых или развлекательных практик, формой прокрастинации. В данном случае представляется уместным проведение параллелей между досуговым чтением в прошлом и серфингом в сети в настоящее время – «хнессерьезным досугом» (*casual leisure*), по определению Р. Стеббинаса, то есть непродолжительной деятельностью, доставляющей немедленное удовольствие участнику, приятное занятие, требующее небольшой специальной подготовки или вообще не требующее ее [19, р. 18]. При этом сила их влияния на авторов, читателей и, разумеется, героев, вполне способна нивелировать эту кажущуюся простоту, ведь они не только являются зеркалом реальности, но и генерируют новые информационные поводы и символические смыслы. В настоящей статье авторы провели попытку обращения к карикатурам и современным интернет-мемам и обозначения их особенностей и перспективности в контексте использования при изучении международных отношений.

Материал и теоретические основы исследования

В отечественной историографии обращение к карикатурам в качестве источника по истории различных сюжетов прошлого достаточно распространено. Первые работы по данной теме появились уже в предреволюционный и ранний советский периоды [8; 9]. В современных исследованиях внимание сконцентрировано на различных сюжетах внешней политики, выстраивании образа врага и анализе стереотипов восприятия других стран в контексте geopolитической ситуации, развитии жанра политической карикатуры [1; 4–5; 13–16].

В настоящей статье в качестве основного материала исследования были выбраны карикатуры китайского иллюстративного журнала «Шидай манъхуа» (时代漫画 [Modern Sketch]), выходившего в Шанхае в 1934–1937 гг., и советского журнала «Крокодил», выпуск которого неизменно включали в себя сатирическую международную повестку. Оба издания широко использовались исследователями применительно к изучению международных отношений. Особенно стоит выделить работы М.А. Гулевой, в которых дано комплексное рассмотрение публикаций на тему советско-китайских отношений в обоих из выбранных журналов [5; 6].

В рамках проведения исследования авторы обратились к системно-структурному подходу и методике сравнительно-сопоставительного анализа. Также были использованы методы визуальной истории, кросс-культурных исследований и имагологический подход, позволивший изучить «графический образ» [3] России, Китая и ряда других стран, являвшихся героями карикатур и интернет-мемов.

Результаты исследования и их обсуждение

Официальное англоязычное название «Шидай манъхуа» – «Modern Sketch». Дословный перевод английского и китайского названий может звучать как «Современные зарисовки» или «Карикатуры эпохи». Журнал отличался большим числом иллюстраций фривольного содержания и

сатирик на бытовые темы, критикой общественных пороков. На этом фоне его политические карикатуры также воспринимаются с некоторой легкостью. Увеличение их числа и выразительной силы стоит связывать с актуализацией внешнеполитической повестки по мере роста международной напряженности. При этом издание публиковало как свои карикатуры, трудно понимаемые в силу национальной специфики и культурных особенностей, так и заимствованные из известных западных изданий.

В рисунках для обозначения СССР использовались его государственные символы или портрет Сталина, ставшего персонификацией страны Советов. В отличие от западной традиции, Россия практически не изображалась в виде медведя. В это же время в карикатурах стало использоваться слово Лаовай (*老外 лаовай*), которое ранее в Китае носило исключительно отрицательный характер, но впоследствии стало более нейтральным. Реже встречалось слово, которым называли русских в древности, – 外毛 *выймао*, что обозначает «волосатик» или «волосятый иностранец», которым раньше называли русских из-за их густой растительности на лице и голове. Можно было еще встретить слово 白俄 *байэ*, что дословно переводится как «белый русский», оно использовалось в отношении эмигрантов, бежавших из России в Китай [7, с. 8].

Большинство карикатур были сделаны на тему советской дипломатии на мировой арене, отношения СССР со странами Лиги Наций, Китаем, Японией и Германией. Яркий пример такой карикатуры встречается в первом выпуске журнала, на которой были изображены действующие лидеры ведущих мировых стран с табличками в руках: Теодор Рузвельт, табличка «Закон о восстановлении промышленности», следом за ним Бенито Муссолини – «Фашисты», рядом с ним Адольф Гитлер – «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия», в руках у Сталина – «Союз Советских Социалистических Республик», а вот японского премьер-министра Араки Садао изобразили совсем маленьким со значком «Дефицит». Помимо этого на карикатуре рядом с каждым были изображены эмблемы партий. В журнале еще были даны словесные комментарии полные насмешливости: «Умные Муссолини, Гитлер, Рузвельт, Сталин и прочие родом кто из журналистов, кто из художников, кто из юристов, кто из редакторов, все они умеют писать и говорить, тем самым добиваясь твоего послушания: «*Что? Есть неразрешимые трудности? Не верь. Я приму решение, следуй за мной, я выход найду!*» [2]. Таким образом «Шиндай Маньхуа» представлял мировых лидеров неискренними, недемократичными, жестокими и не заслуживающими доверия. И журнал продолжал сохранять такие образы до конца своего существования.

Самым характерным сюжетом карикатур было изображение Китая как объекта колониальной политики со стороны западных стран и Японии. Например, на одной из них был изображен глава китайского правительства Ван Цзинвэю, вокруг постели которого стоят агрессивно взирающие на него правители других государств (рис. 1).

Рис. 1. Шидай Маньхуа. 1934. №3. С. 6 [17]

Показательно и сравнение СССР и Германии, которые понимались как одинаковое зло. Например, на одной из карикатур был изображен стилизованный символ Инь и Ян, где части одного целого показаны в виде серпа и молота и свастики. На другом рисунке было показано, что Китай может противопоставить Сталину и Гитлеру – китайскую мудрость, воплощенную в образе Конфуция с подписью «Конфуций, время пришло!» (рис. 2).

Рис. 2. Шидай Маньхуа. 1937. №3. С. 6 [18]

Советский «Крокодил» в 1930-е гг. также регулярно обращался в своих карикатурах в теме Китая, на что была масса международных поводов (японская интервенция, активная деятельность Запада в стране,

конфликты с Японией и пр.). Приведем несколько примеров. На задней обложке 7-го номера за 1932 г. (рис. 3) был изображен типичный капиталист в цилиндре и со злобной улыбкой, радующийся росту акций военно-промышленного предприятия благодаря японской интервенции в Маньчжурию. В данном случае трагедия Китая и страдания его населения являлись поводом для неизменной для советской прессы критики Запада. Убитые китайцы, чья кровь окрашивает воды реки в ярко-красный цвет («Как благотворно действуют на мои акции эти жизненные соки!»), так же, как и устроившие побоище японцы, оказываются вторичными по отношению к всемирному противостоянию капитализма и социализма.

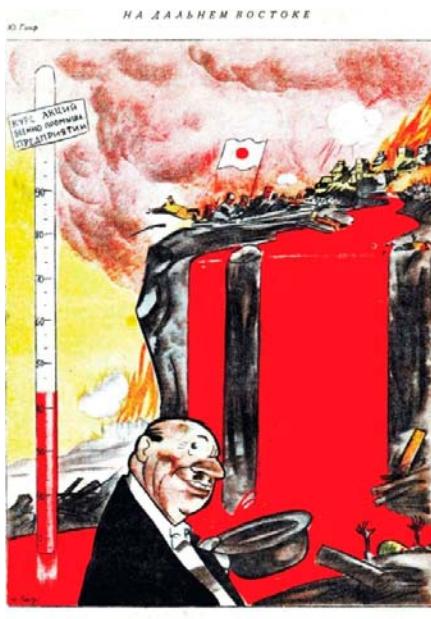

Рис. 3. Крокодил. 1932. №7. Задняя обложка [10]

Одним из любимых антигероев советских художников был Пу И. Например, его высмеивали как японскую марионетку. На одной из карикатур его с женой везут на машине с японским флагом под конвоем (рис. 4). Любопытно, что «Верховный правитель» Маньчжоу-го изображен чрезвычайно полным, что абсолютно не соответствовало реальности, но зато вписывалось в создаваемый пропагандой образ «богатея» и «праздита».

Рис. 4. Крокодил. 1932. №9. С. 2 [11]

Неизменным оставалось продвижение идеи о том, что власть имущие являются предателями своего народа, для которых личное обогащение и власть важнее своей страны, даже если речь идет о союзе с агрессором. Например, это видно по карикатуре на китайского генерала, тень которого оказывается в японской форме: «Китайский генерал. Глава «автономного» провинциального правительства. А тень показывает: генерал-то генерал, да только не китайский, а японский» (рис. 5).

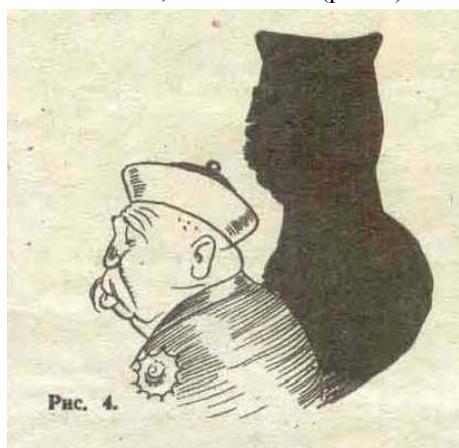

Рис. 5. Крокодил. 1936. №30. С. 9 [12]

Таким образом, как советские, так и китайские карикатуры, при всей их специфике одинаково демонстрировали вторичность русско-китайских отношений на фоне более важных на мировом геополитическом пространстве. Трагедия Китая, перспективного союзника с социалистическим будущим, становилась информационным поводом для развенчания японских агрессоров и коллективного Запада. Для Китая же СССР, как и Российская империя, был потенциальным агрессором, хотя зачастую при этом и образцом для подражания как промышленно более развитое государство.

Теперь перенесемся почти на 100 лет в будущее, когда жанр карикатуры постепенно уступил место другим, а стилистически наиболее близким и функционально схожим к нему можно назвать мем. Мем обладает культурной коннотацией, без знания которой пользователь не сможет понять идентификацию прецедентного феномена. У интернет-мема есть уникальная особенность – часть из них входят в активный языковой запас, а чуть позже даже становятся общеупотребительными выражениями. Мемы можно различать по показателям их популярности (востребованности) и устойчивости. Под устойчивостью мы подразумеваем так называемый «жизненный цикл мема». Его создание, использование, популярность и в дальнейшем либо преобразование под новую ситуацию и опять активное использование, либо исчезновение. Самым удачным считается мем, который при большой популярности имеет возможность создания на его базе новых текстовых образований, употребление на различных интернет-площадках – это позволяет мему долго сохранять свою актуальность и войти в активный запас лексики.

Интернет-мем допустимо рассматривать как особый механизм передачи и хранения культурной информации, источник отражения современной реальности, лингвокультурный феномен современной массовой коммуникации. Именно поэтому, рассматривая современные китайские и российские мемы 2019–2020 гг. мы можем с легкостью догадаться о каких политических или социальных событиях идет речь, а также обозначить некоторые характерные особенности в контексте отношений двух стран.

Китайский интернет – это многообразие неожиданных шуток и игры слов. Китайские интернет-мемы отличаются тем, что большинство из них связаны с реальными личностями. Китайские мемы, особенно в политической и социальной сфере, редко можно назвать политкорректными. И точно так же они редко связаны с Россией. Главным объектом высмеивания являются США, особенно после обострения торговой войны в период президентства Д. Трампа и начала пандемии коронавируса. Например, мем «Вирус Трампа» (特朗普病毒 / Тэлантубинду). Он появился после того, как экс-президент США назвал коронавирус «китайским вирусом». Пользователи начали называть Трампа «неуправляемым вирусом», который говорит «ядовитую чепуху» и старается разнести ее по всему миру. Также этот мем объясняется и тем, что президент США долго отрицал существование коронавируса, чем нанес непоправимый вред своему народу настолько, что Америка занимала лидирующие места по количеству зараженных, а из этого следует, что Трамп опаснее вируса.

Русскоязычное интернет-сообщество активно эксплуатирует тему «желтой угрозы»: «А ты уже выучил китайский?», «Россия будет великой... – большой провинцией Китая», «Крым ваш, Сибирь наш» и пр. Разумеется,

распространены шутки на тему перенаселенности Китая, низкого качества товаров и Китая как фабрики мира («Я твой айфон американский сделал», «Китай не перестает удивлять»), а также специфики азиатской внешности. Характерно, что предметом мемов редко становится репрессивная политика китайских властей, действующая там цензура и прочие символы, являющиеся популярными объектами критики в демократических странах. Мемы, призванные проиллюстрировать российско-китайскую дружбу и противопоставить ее стремлению США к мировой гегемонии выглядят весьма искусственно, казенно, не смешно и не получают подлинной поддержки пользователей. Например, медведь и дракон, сидящие на трубе газопровода «Сила Сибири», под которым белоголовый орлан в цилиндре цветов американского флага бьет в барабан с надписью «санкции»: «— Он что, хочет нас расстроить? — Какая смешная птица!».

Выводы

Российско-китайские отношения имеют длительную и чрезвычайно насыщенную историю. Не последнюю роль в их улучшении играет общественное мнение, обращение к которому является необходимым для власти при выработке стратегий выстраивания межгосударственной политики. Советские карикатуры представляют яркий пример попыток его корректировки согласно установкам власти. В них Китай предстает слабым государством, жертвой более развитых стран, с несчастным народом и алчными правителями. Таким образом, он рассматривается лишь в контексте глобального идеологического противостояния 1930-х гг., а его уникальная индивидуальность оказываются вне внимания. Китай был нужен лишь для осуждения Японии, Германии, западных капиталистов. Во многом схожим было отношение к СССР у китайских карикатуристов, на работах которых он представлял лишь одним из ряда других сильных государств – потенциальных агрессоров. Подобные работы не формировали национальных стереотипов, не показывали китайцу русского, а русскому китайца, если не считать неизменного Сталина как символа советской страны и толстого представителя китайской властной верхушки.

При всех отличиях от карикатур, современный интернет-мем, как нам представляется, в значительно большей степени претендует на участие в формировании общественного мнения по межнациональным и межгосударственным вопросам. Каким бы ни был тираж журнала, удачный мем получает гораздо больше просмотров и тиражирования. Кроме того, его закрепление в информационном пространстве является следствием выбора зрителей, даже с учетом попыток искусственного навязывания того или иного контента. Обращение к современным китайским мемам показывает, что с одной стороны, Россия не воспринимается как соперник и тем более враг. При этом оно демонстрирует невысокий уровень интереса к северному соседу. Российские мемы демонстрируют во многом иную ситуацию. В отличие от официально тиражируемых слов о прочности российско-китайской дружбы и доверии, мемы часто показывают потенциальную опасность Китая для России, обыгрывают негативные стереотипы о китайцах или используют пример быстро развивающегося Китая для критики ситуации внутри России. Одновременно пользователей в России мало волнуют вопросы политики Китая, подвергающиеся пристальному вниманию со стороны мировой общественности и связанные с репрессивной политикой руководства страны в отношении оппозиционеров и национальных и религиозных меньшинств. То есть речь идет о несоответствии государственных

установок и реальному образу Китая и китайцев, формирующемуся среди интернет-пользователей.

Обращение к карикатурам в рамках «визуального поворота» позволяет историкам существенно расширить границы своих исследований, в частности сделав их более антропологически ориентированными. Современная ситуация ставит ученых перед необходимостью находить подходы к изучению новых форм информационного контента. Таким образом, «пытаться в мемы» уже скоро придется исследователям, стремящимся использовать этот оригинальный и важный информационный ресурс, позволяющий рассматривать многочисленные вопросы социальных и гуманитарных наук, в том числе и международные отношения.

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-1636.2020.6.

Список литературы

1. Аксенов В.Б. «Враги России» в журнальной карикатуре // Российская история. – 2016. – №5. – С. 216–222.
2. Ван Цзымэй 汪子美. Ҵзинъдай шэнъхуа 近代神話 (Легенды современности) // Шидай Маньхуа. – 1936. – №31 (октябрь). – С. 5–6.
3. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». – М.: НЛО, 2011. – 384 с.
4. Голиков А. Джон Буль сломает зубы... Образ англичанина в русской политической карикатуре в конце XIX – начале XX века / А. Голиков, И. Рыбаченок // Родина. – 2014. – №11. – С. 5–8.
5. Голиков А.Г. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре / А.Г. Голиков, И.С. Рыбаченок. – М.: ИРИ РАН, 2010. – 328 с.
6. Гулева М.А. «Руки прочь от Китая!»: китайские друзья и враги на страницах журнала «Крокодиль» (1922–1950 гг.) // Общество и государство в Китае. – 2015. – Т. 45. №2. – С. 706–729.
7. Гулева М.А. Русское и советское в изображении Шанхайского иллюстрированного журнала «Шидай маньхуа» (1934–1937 годы) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – №7 (176). – С. 7–14.
8. Иллюстрированная история карикатуры. С древнейших времен до наших дней / сост. А.В. Швыров. Ист. карикатуры в России написана С.С. Трубачевым. – СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1904. – 404 с.
9. Исаков С.К. 1905 год в сатире и карикатуре. – Л.: Прибой, 1928. – 278 с.
10. Крокодил. – 1932. – №7. – Задняя обложка.
11. Крокодил. – 1932. – №9. – С. 2.
12. Крокодил. – 1936. – №30. – С. 9.
13. Ратманов П.Э. Маньчжурская чума 1910–1911 гг. в газетных карикатурах (ч. 1) // История медицины. – 2017. – Т. 4. №2. – С. 161–173.
14. Рябов О.В. «Родина-мать» в революционной карикатуре начала ХХ в.: легитимация и делегитимация власти // Женщина в российском обществе. – 2017. – №2. – С. 84–97.
15. Старовойтова Е.О. «Мой большой кулак еще при мне!»: боксерское восстание в Китае в российских сатирических изданиях начала ХХ века // Новейшая история России. – 2017. – №2 (19). – С. 81–97.
16. Филиппова Т.А. «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала ХХ века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 383 с.
17. Шидай Маньхуа. – 1934. – №3. – С. 6.
18. Шидай Маньхуа. – 1937. – №3. – С. 6.
19. Stebbins R.A. Casual leisure: a conceptual statement // Leisure Studies. – 1997. – Vol. 16. – №1. – P. 17–25.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
УСТНОЙ ИСТОРИИ И НОВЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

Материалы
Международной научной конференции
(Чебоксары, 23 апреля 2021 г.)

Ответственный редактор *О.Н. Широков*
Компьютерная верстка *Е.В. Кузнецова*

Подписано в печать 14.05.2021 г.
Дата выхода издания в свет 18.05.2021 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 13,95. Заказ К-821. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru